

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СОЛОЩЕВА Мария Алексеевна

ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ ЦИН В ОТНОШЕНИИ ТИБЕТА В ПЕРИОД
ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ЮНЧЖЭНА (1723–1735 гг.)

Специальность 07.00.03 – «всеобщая история (средние века)»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель: доктор исторических наук
Успенский Владимир Леонидович

Санкт-Петербург
2014

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Китайско-тибетские отношения до 1720 года: идеино-политические предпосылки политики императора Юнчжэна.	17
§1.1. Китайско-тибетские отношения в эпоху Тан (618–907 гг.).....	17
§1.2. Тибет и империя Юань (1271–1368). Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв.	20
§1.3. Политика империи Мин (1368–1644) в отношении Тибета.	32
§1.4. Установление тибетско-маньчжурских отношений и политика империи Цин в отношении Тибета до 1720 года.....	45
Глава 2. Начало новой политики империи Цин в отношении Тибета.....	65
§2.1. О значении событий 1720 года в истории Тибета.	65
§2.2. Организация системы управления в Тибете в 1720–1723 гг.....	75
§2.3. Начало правления императора Юнчжэна: вывод войск из Тибета. ..	79
Глава 3. Кукунорский мятеж 1723–1724 гг.	86
§3.1. Причины и повод мятежа.....	86
§3.2. Участие тибетцев в Кукунорском мятеже.....	92
§3.3. Последствия Кукунорского мятежа.....	100
§3.4. Стела «На покорение Цинхая» 1725 года.....	104
§3.5. Указ императора Юнчжэна 1726 года о преследовании школы Ньингма.....	107
Глава 4. Позиция императора Юнчжэна в отношении тибетского междоусобного конфликта 1727–1728 гг.	113
§4.1. Цинские представители в Тибете до 1726 года и предпосылки междоусобной войны.....	113
§4.2. Конфликт калонов и убийство Канченнэ	122
§4.3. Действия цинского правительства во время междоусобной войны 1727–1728 гг.	132
§4.4. Суд над калонами и последствия междоусобной войны 1727–1728 гг.....	149

Глава 5. Ссылка Далай-ламы в 1728–1735 гг.	154
§5.1. Причины ссылки.	154
§5.2. Перемещение Далай-ламы в Гартар....	159
§5.3. Управление Тибетом во время ссылки Далай-ламы.	162
§5.4. Возвращение Далай-ламы VII в Лхасу в 1735 году.....	167
Заключение.	174
Приложение 1. Глоссарий терминов и имен собственных на китайском языке.	186
Приложение 2. Глоссарий терминов и имен собственных на тибетском языке.	197
Список сокращений, принятых при цитировании и ссылках на источники и литературу.....	203
Список источников и литературы	204

Введение.

Актуальность темы исследования. Представленная диссертантом работа посвящена анализу событий сложного и судьбоносного периода истории Тибета, которые привели к его включению в состав империи Цин. Политика императора Юнчжэна (1723–1735), которая учитывала сложное сплетение этнических, религиозных, политических факторов, опосредованно повлияла на формирование современной политической карты Восточной Азии. Этим объясняется постоянное обращение к данной теме как отечественных, так и зарубежных ученых. В то же время, несмотря на наличие целого ряда исследований, посвященных отдельным событиям этого периода или более общим вопросам, затрагивающим обозначенную тему, в отечественной и зарубежной науке не было осуществлено комплексного исследования политики империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна, что обеспечивает актуальность данной работы.

Степень изученности темы. Вопросы, связанные с историей включения Тибета в состав империи Цин привлекали внимание исследователей еще в начале XIX века – на заре отечественного китаеведения, что было обусловлено не в последнем счете геополитическими интересами Российской империи. К этому времени относятся первые переводы на русский язык источников, дающих, в том числе, представление об истории Тибета. В 1828 году вышла в свет книга о. Иакинфа (в миру Н.Я.Бичурина; 1777–1853) «Описание Тибета в его нынешнем состоянии» – перевод с китайского языка сочинения китайского чиновника, дающего подробное описание географического положения Тибета и представление о его культуре и истории [Бичурин, 1828а]. Кроме непосредственно содержания источника, особый интерес представляют комментарии и пояснения ученого, восполнявшего пробелы в знаниях современников о Востоке. В этом же году был издан в двух томах выполненный С.В.

Липовцовым (1770–1841) перевод с маньчжурского языка «Уложения китайской палаты внешних сношений» – сборника законов, регламентировавших отношения империи Цин с народами зависимых территорий [Липовцов, 1828]. Незадолго до выхода в свет работы С.В. Липовцева перевод части «Уложения китайской палаты внешних сношений» был издан в 1828 году в переводе Н.Я.Бичурина в четвертой части его двухтомного труда «Записки о Монголии» [Бичурин, 1828б].

Непосредственно темой научного исследования отечественных ученых тибетско-китайские отношения стали в XX веке. Наиболее важной из немногих работ отечественных авторов, посвященных данной тематике, является работа А.С. Мартынова «Статус Тибета в XVII-XVIII веках», основанная на китайских источниках [Мартынов, 1978]. Первая ее часть посвящена разбору традиционной политической доктрины китайцев. С точки зрения автора, для китайской системы взглядов была характерна подмена статуса страны личным статусом ее правителя. В этом контексте рассматриваются некоторые аспекты китайско-тибетских отношений во второй части «Статус Тибета – статус далай-лам». В третьей части работы А.С. Мартынов рассматривает вопрос ограниченности сферы действия китайской политической доктрины, и делает вывод о том, что общественная жизнь Тибета находилась за пределами интересов императорского двора, для которого главную роль играла личная форма статуса. Однако, в связи с тем, что автор сосредоточился в своей работе на общих принципах внутренней организации системы традиционных политических представлений китайцев, он неставил перед собой цель изложения событий в хронологической последовательности. Поэтому время правления императора Юнчжэна и связанные с ним принципиальные для становления Тибета как части Китая события в этой книге не рассматриваются.

Отдельные вопросы, рассматриваемые в представленном исследовании, более-менее подробно освещены в работах Е.Л. Беспрованных «Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях

XVII—XVIII вв.» [Беспрозванных, 2001], С.Б. Намсараевой «Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке» [Намсараева, 2003], В.Л. Успенского «Тибетский буддизм в Пекине» [Успенский, 2011]. Некоторые события этого периода рассмотрены в сводной монографии Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко «История Тибета с древнейших времен до наших дней» [Кычанов, Мельниченко, 2005].

Интерес к проблеме китайско-тибетских отношений у зарубежных исследователей появился после столкновения интересов России и европейских держав в Центральной Азии на рубеже XIX–XX вв. Написанная американским дипломатом и востоковедом В.Рокхилем в 1910 году большая статья «Далай-ламы Лхасы и их отношения с маньчжурскими императорами Китая», несмотря на более чем столетнюю давность, до сих пор остается одним из наиболее обстоятельных исследований по истории отношений цинского двора с духовными лидерами Тибета [Rockhill, 1910]. Ставшая классической работы Л. Петеха «Китай и Тибет в начале XVIII века» [Petech, 1972 – 2-е изд.], является исследованием, наиболее подробно рассматривавшим политику империи Цин в отношении Тибета в указанный период. Хотя первое издание этой книги вышло в 1950 г., она не утратила своего значения и сегодня. Однако ввиду обширности темы и отсутствия у Л. Петеха целого ряда важных источников на разных языках, опубликованных за последние полвека, многие вопросы нуждаются в настоящее время в дополнительном изучении.

Среди важных работ и статей на европейских языках, посвященных отдельным событиям или вопросам, связанным с цинской политикой в Тибете в 1720–1735 гг., можно выделить «Восстание Лобсан Дандзина 1723 г. в свете предшествовавших ему событий» Като Наото [Kato Naoto, 1993]; «Завоевание Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Шухуэй У [Wu Shu-hui, 1995]; "Тибетские контакты цинского двора: Джанджахутухта Ролби-Дорджэ и император Цяньлун" [Wang, 2000]; ряд статей

японской исследовательницы Исихама Юмико [Ishihama, 1992; Ishihama, 1993; Ishihama, 1997; Ishihama, 2003].

Диссертант максимально использовал работы, опубликованные в последние пятнадцать лет в КНР. Несмотря на то, что практически все китайские публикации отражают идеологическую установку на доказательство утверждения о том, что Тибет входил в состав Китая со времен установления правления династии Юань (или даже раньше), несомненным достоинством этих работ стало введение в научный оборот значительного количества источников, ранее не доступных для европейских исследователей [Ван Чэн, 2006; Го Шэнли, 2010; Лю Шэнци, 2004; Тянь Лувэнь, 1997; Фэн Чжи, 2004; Фэн Чжи, 2005; Чжоу Яньпин, 2009, Чжоу Сифэн, 2003 и др]. Особо следует отметить фундаментальный труд коллектива авторов, среди которых присутствуют и тибетские ученые, «Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань», вышедший в свет в 2005 году [ИОКПСТ]. В двухтомной монографии авторы подробно анализируют значительное количество собранных ими документов по истории китайско-тибетских отношений. Также стоит отметить обзорные статьи, посвященные непосредственно правлению императора Юнчжэна: «Исследование и анализ политики императора Юнчжэна в отношении Тибета» Чжоу Жунбина [Чжоу Жунбин, 2005] и «Стратегия в управлении Тибетом императора Юнчжэна: ее причины, влияние и уроки» Фэн Чжи [Фэн Чжи, 2011].

При написании первой части диссертационного исследования, посвященной китайско-тибетским отношениям в предшествовавшие периоды, достаточно широко освещенным как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, мы обращались к трехтомному собранию наиболее авторитетных статей по истории Тибета изданному под редакцией А. Маккея 2003 года [McKey, 2003], а также к исследованиям Ю.Н. Периха [Перих, 1999], З. Ахмада [Ahmad, 1970] и другим наиболее значимым в современной тибетологии исследованиям.

Источниковедческая база исследования. При написании работы было использовано большое количество источников на тибетском и китайском языках.

Основным источником данной работы на тибетском языке является «Биография седьмого Далай-ламы Лосанг Кэлсанг Гьяцо» [Б7ДЛ], написанная Джанджа-хутухтой Ролби-Дорджэ (1717–1786), его учеником и одновременно главным ламой Пекина. Он написал эту биографию в 1758–1759 гг., находясь в Тибете, будучи командирован туда императором Цяньлуном (гг. правл. 1736–1796) для наблюдения за правильностью избрания нового, восьмого Далай-ламы. В ее основу легли материалы из архивов Поталы.¹ Биография написана в классическом тибетском жанре «намтар» - жизнеописаний буддийских деятелей. Диссертант использовал ксилографическое издание, хранящееся в рукописном фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького под шифром Т-229/2. Полный текст этой биографии насчитывает 558 листов. Биография существует в монгольском переводе XVIII века, экземпляр ксилографического издания которого также имеется в библиотеке Восточного факультета. Биография была переведена на китайский язык и опубликована в Пекине в 2006 году в серии переводов биографий Далай-лам с тибетского языка [Ролби-Дордже, 2006]. Перевод снабжен лишь небольшим количеством комментариев и в связи с этим является тяжелым для восприятия из-за обилия имен, буддийских терминов и географических названий. Биография была использована в некоторых современных исследованиях, однако еще не была переведена на европейские языки. С точки зрения современной науки, жизнеописание имеет ряд недостатков: в нем нередко отсутствуют конкретные даты описываемых событий. Кроме того, автор, акцентируя внимание на религиозной деятельности Далай-ламы, упускает из виду некоторые важные политические события. Тем не менее, важно отметить, что

¹ Резиденция Далай-лам в Лхасе. На настоящий момент Потала является музеем и имеет свой архив и библиотеку.

языковая политика в империи Цин была такова, что указы, касавшиеся управления внешними вассальными территориями, издавались, главным образом, на маньчжурском, монгольском и тибетском языках. Существующие китайские варианты подобных указов часто являются переводами, но не оригиналами, что подчеркивает необходимость использования в работе источника на тибетском языке. Ряд указов из Б7ДЛ относятся к документам, которые изначально существовали только на маньчжурском, монгольском и тибетском языках.

Еще одним источником на тибетском языке стал сборник указов и документов по истории Тибета на тибетском языке, изданный в 1989 году в Пекине [ЯЗСИДТИ]. Также мы обращались к биографии светского правителя Тибета Полханэ (1689–1747), написанной Хорканг Соднам Пэлбаром (1919–1995) на тибетском языке на основе другой, более известной биографии, автором которой был современник Полханэ Церин Вангъел (1697–1763) [Hor khang, 1998]. По словам автора, необходимость в пересмотре текста биографии возникла в связи с необъективностью Церин Вангъела, явно восхищавшегося тибетским правителем [Там же, С. 6–7]. Важные сведения были почерпнуты из так называемой «Золотой книги» — истории буддизма в Монголии, написанной халха-монгольским ученым ламой Лубсан-Дамдином (1867–1937) на тибетском языке [ЗКД].

Одним из источников на китайском языке, использованных в работе, является собрание официальных документов, составленное в 1779–1795 гг. по повелению императора Цяньлуна, «Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана» [ВУГТБКВМТ]. Оно было издано на трех языках: маньчжурском, монгольском и китайском. Издание, использованное в данной работе, хранится в рукописном фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького под шифром Xyl F-11. Данный объемистый сборник довольно широко используется для изучения истории монголов, поэтому он главным образом известен по своему монгольскому названию

«Илэтхэл шастир»². Однако содержащийся в нем большой раздел, посвященный Тибету, совершенно выпал из поля зрения исследователей. Между тем, содержащаяся в нем информация чрезвычайно интересна, т.к. представляет собой концентрированный «взгляд из Пекина» на происходившие в Тибете события, их официальную интерпретацию.

Важнейшими источниками на китайском языке послужили собрания секретных донесений императору Юнчжэну с его собственноручными резолюциями. Наиболее объемистое собрание, составленное из материалов, хранящихся в Первом государственном историческом архиве КНР и Тайбэйском государственном музее императорского дворца, в сорока томах было издано в Пекине в 1989 году [СТДКЯРЮ]. Оно включает в себя более 33000 расположенных в хронологическом порядке документов (15000 из исторического архива и 18000 из императорского дворца), авторами которых являются маньчжурские и китайские приближенные Юнчжэна, имевшие право направлять свои доклады лично императору. Менее многочисленные донесения, написанные на маньчжурском языке, были переведены на китайский и изданы в двух томах в 1998 году [ПТДРЮ]. Работа по изданию этих материалов началась в 1971 году, когда в Тайбэе отдельным изданием вышло собрание донесений Юнчжэну генерала Нянь Гэнъяо в трех томах [ДНГЯ]. Это собрание было изучено и частично переведено на немецкий язык исследовательницей Шу-хуэй У, положившей его в основу своей диссертационной работы «Завоевание Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» [Wu Shu-hui, 1995], также использованного в нашей работе. Написанные генералом Нянь Гэнъяо донесения на маньчжурском языке также были переведены на китайский язык и изданы в Тяньцзине в 1995 году [СДНГЯМКЯ].

Безусловный интерес представляет написанный на китайском языке «Тибетский дневник» брата императора Юнчжэна принца Юньли (1697–1738). В 1734–1735 гг. император поручил принцу отправиться к

² Монг. Iledkel šastir. Подробнее об Iledkel šastir см. Veit, 1990.

находящемуся в тот момент в Сычуани Далай-ламе и проинспектировать по дороге войска и обороноспособность городов. В пути Юныли вел записи о погодных и географических условиях населенных пунктов, которые он проезжал. Также принц подробно описал встречи с Далай-ламой и торжественные приемы, на которых ему пришлось присутствовать в течение месяца, который он пробыл в монастыре вместе с Кэлсанг Гьяцо. В нашем исследовании была использовано первое издание этого дневника, осуществленное в Пекине в 1937 году [Юныли, 1937].

Наряду с этими источниками мы также обращались к памятникам традиционной китайской историографии — «Материалам из цинских “Правдивых записей” по истории тибетского народа». Этот сборник документов в девяти томах был опубликован в Лхасе в 1982 г. [Цин Шилу]. Как отмечает Б.Г. Доронин, несмотря на то, что «Правдивые записи» зачастую позиционируются как собрание официальных документов, они требуют критического подхода к их содержанию. При отборе материалов составители были ориентированы на выполнение определенных поставленных перед ними прагматических задач, а поэтому исходили не из достоверности сведений, а из их соответствия интересам составителей [Доронин, 2002, С.43].

Некоторые сведения в данной работе также были почертнены из «Сводного описания Уя и Цзана» [СОУЦ] анонимного автора XVIII века, написанного на основе тибетских источников. В работе было использовано репринтное издание, выполненное в Шанхае в 1896 году. Также для исследования были привлечены материалы из «Собрания переводов материалов тибетских архивных документов по истории тибетского общества», изданных на китайском языке в 1997 году [СПМТАД].

Ряд источников, на основе которых написана данная работа, уже были переведены на русский и английский языки. Это книга католического миссионера Ипполито Дезидери, проживавшего в Тибете в 1715–1721 гг. [Desideri, 2005], «История Кукунора», написанная современником и

очевидцем многих описываемых событий Сумба-Хамбо Ешай-Пэлджором (1704–1788) и изданная в 1969 г. в латинской транслитерации тибетского текста с переводом на английский язык [Sum-pa mkhan-po, 1969]. Еще одним источником, использованным при написании работы, является «Пагсам-Чжонсан» – исторический труд того же автора, посвященный религиозно-политической истории Индии, Тибета, Китая и Монголии, написанный 1748 году. Хронологические таблицы из «Пагсам-Чжонсана» были переведены с тибетского языка на русский Р.Е. Пубаевым и опубликованы в 1991 году [Пубаев, 1991].

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является исследование процесса формирования и развития политики цинских властей в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.) в связи с событиями в Восточной Азии, приведшими к включению Тибета в состав империи Цин. Указанная цель определила следующие задачи исследования:

- проанализировать исторические события предшествующих веков и идеологические установки, которые оказали существенное влияние на выстраивание отношений империи Цин с Тибетом;
- на основе оригинальных источников восстановить хронологию важнейших событий, связанных с цинской политикой в Тибете при императоре Юнчжэне;
- определить значимость Тибета во внешней политике империи в указанный период;
- выявить особенности, причины, предпосылки и последствия осуществления выработанной Юнчжэном в отношении Тибета стратегии;
- определить место и роль политики императора Юнчжэна в контексте истории китайско-тибетских отношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Представленная работа вводит в научный оборот целый ряд ранее не переводившихся на европейские языки источников на китайском и тибетском

языках. Поэтому исследователи исторических, культурологических и религиоведческих специальностей могут найти в ней большое количество новой информации. Изучение политики империи Цин в отношении Тибета в указанный период позволяет создать теоретическую базу для дальнейшего исследования аналогичной проблематики не только в истории китайско-тибетских отношений других периодов, но и в истории других стран Дальнего Востока.

Буддизм в его тибетской форме – одна из традиционных конфессий России. По этой причине политика цинских императоров в отношении Тибета и буддизма интересовала правящие круги России, начиная с XVIII в. В связи с этим материалы и выводы исследования могут также представлять интерес для государственных учреждений и общественных организаций, осуществляющих контакты со странами Дальнего Востока.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в фундаментальных исследованиях и при подготовке учебных пособий и курсов лекций по истории Тибета, Китая, Монголии и Дальнего Востока в целом, а также по истории китайско-тибетских отношений. Представленный в работе материал также применим при создании различного рода справочной литературы по китайской и тибетской истории, этнографии и религиоведению.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе:

- впервые осуществлен многсторонний анализ политики императора Юнчжэна в отношении Тибета, выявлены ранее не установленные обстоятельства, способствовавшие ее формированию;
- определено место и роль политики императора Юнчжэна в истории китайско-тибетских отношений;
- определено место Тибета во внешней политике империи Цин и проанализированы причины и факторы возрастания значения Тибета в регионе в указанный период;

- исследуемый вопрос выведен на новый уровень изучения, отличающийся более углубленной проработкой сюжетов и материалов, с привлечением ранее не исследованных источников на китайском и тибетском языках, а также источников, переведенных на русский и европейские языки, в том числе и тех, которые ранее не привлекались для рассмотрения избранной нами темы.

Методология и методы исследования. Историческое исследование подразумевает использование системы разнообразных принципов, позволяющих наилучшим образом выявить характерные особенности и закономерности рассматриваемых процессов. В настоящей работе применялись такие методы исторического исследования, как конкретно-исторический подход, сравнительный анализ, проблемно-тематический анализ.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, приложений и списка литературы, включающего 157 наименований. Построение структуры диссертации обусловлено задачами исследования. Первая глава посвящена краткому изложению и анализу китайско-тибетских отношений в предшествовавшие правлению Юнчжэна исторические периоды, в соответствии с которыми она разделена на четыре параграфа. Мы сочли возможным посвятить целую главу работы анализу событий, выходящих за хронологические рамки, обозначенные в названии диссертационного исследования, так как это необходимо для выделения традиций и инноваций в политике императора, определения причин и предпосылок формирования его стратегии в отношении Тибета и определения места и значения его политики в истории китайско-тибетских отношений. Далее работа также построена по хронологическому принципу и разделена на главы, посвященные судьбоносным для истории Тибета событиям. Вторая глава начинается с водворения Далай-ламы VII в Лхасе с помощью маньчжурских войск в 1720 г., произошедшего при императоре Канси (правл. 1654–1722), так как логически это событие ознаменовало

начало новой политики империи Цин в отношении Тибета, которую продолжил спустя два года Юнчжэн. В третьей главе излагается, каким образом отразились на тибетской политике империи события, связанные с Кукунорским мятежом 1723–24 гг. Четвертая глава посвящена междоусобному конфликту в Тибете 1727–28 гг., а пятая – последовавшим за ним периоду пребывания Далай-ламы VII на территории Сычуани в 1729–1734 гг. и его возвращению в Лхасу в последний год правления императора Юнчжэна.

Апробация результатов исследования. Некоторые результаты и основные положения данного диссертационного исследования доложены в докладах, представленных на:

- XXVI международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (СПб, 2013);
- Пятом Пекинском международном тибетологическом семинаре (Пекин, КНР, 2012);
- Первых Петербургских тибетологических чтениях Института Восточных Рукописей РАН (СПб, 2012);
- XXVII конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (СПб, 2013);
- Вторых Петербургских тибетологических чтениях Института Восточных Рукописей РАН (СПб, 2013).

По теме исследования автором опубликованы следующие работы:

1. Ссылка Далай-ламы VII 1728-1735 гг.: причины и последствия // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2014. — № 1. — С. 55-62.
2. О роли школы Ньингма в политической и религиозной жизни Тибета (1642–1735) // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2013. — № 3. — С. 62-72.

3. Кукунорский мятеж 1723-1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2013. — № 1.— С. 58-67.
4. Возвращение Далай-ламы VII в Лхасу из Сычуани в 1735 г. // Локальное наследие и глобальная перспектива. "Традиционализм" и "революционизм" на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24-26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов — Санкт-Петербург, — 2013. — С. 205-206.
5. On the position of the Nyingma School in religious and secular life of Tibet from 1642 to 1735 // A collection of Abstracts of the 5th Beijing International Seminar on Tibetan Studies — China, Beijing, — 2012. — Р. 63-64.
6. Значение событий 1720 года в истории китайско-тибетских отношений // Модернизация и традиции»: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20-22 апреля 2011 г: Тезисы докладов. — г. Санкт-Петербург, — 2011. — С. 251-252.

Глава 1. Китайско-тибетские отношения до 1720 года: идеино-политические предпосылки политики императора Юнчжэна.

§1.1. Китайско-тибетские отношения в эпоху Тан (618–907 гг.).

Объединение различных прототибетских племен в Тибетское государство, завершившееся к VII в., совпало с периодом утверждения в Китае династии Тан (618–907 гг.). К этому времени, когда Тибетское государство впервые вышло на мировую арену, став на несколько веков одной из самых могущественных держав Восточной Азии, относится и установление китайско-тибетских отношений. В 634 году ко двору империи Тан было отправлено первое посольство тибетцев (или туфаней, как их называли китайские источники). Осведомленность о том, что китайские принцессы были выданы замуж за представителей высших родов тюрков и туюйхуней³, позволила им также обратиться к императору с предложением заключения династического брака с их правителем (тиб. *цэнпо*) Сонгцэн Гампо (ок. 613–649 гг.).⁴ Согласно тибетским хроникам, отказ китайцев спровоцировал тибетского правителя на нападение на туюйхуней, которых они посчитали виновными в возникновении возражений с китайской стороны. В результате проявления военной мощи Тибета, танский двор признал необходимость заключения с Сонгцэн Гампо договора «о мире и родстве» – *хэцинь*,⁵ который подтверждался заключением династического брака. В 641 году в Лхасу была отправлена китайская принцесса Вэньчэн, ставшая одной из жен тибетского *цэнпо* [Hoffman, 2003, C.50; Richardson, 2003, C.163–164]. Подобного рода договор практиковался в отношениях Китая с «варварами», которые зачастую превосходили Китай в военном отношении [Holmgren, 1990–1991, C.31–32]. Кроме того, главное

³ О народе туюйхунь см. Кюнер, 1961, С. 152–167; Кычанов, 1997, С.64–68.

⁴ Ко времени правления *цэнпо* Сонгцэн Гампо относится появление в Тибете письменности и первых буддийских храмов. Государственной религией буддизм был провозглашен больше ста лет спустя – в 779 году.

⁵ О договорах *хэцинь* см. Holmgren, 1990–1991; Yu Ying-shin, 1967, C.10–12, 41–42; Барфилд, 2009, C.47–48.

направление территориальной экспансии династии Тан было в это время направлено на восток, против государств Корейского полуострова, что определило необходимость поддержания спокойствия на западных границах империи [Попова, 1999, С.175].

Расширив свою территорию за счет государства Туюхунь в 663 году, Тибет стал граничить с империей Тан, и, продолжая активную внешнюю политику, направленную на расширение территории на восток, начал нападения уже на собственно китайские земли. После того, как тибетцы овладели рядом земель на территории Кукунора, Хотана и Кашгарии, их успехи вынудили китайцев упразднить ряд гарнизонов на западе империи и отказаться в 678 году от участия в военных действиях на Корейском полуострове [Кычанов, 2004; Малявкин, 1989, С.46–48, 103, 332, 341].

После череды побед и поражений в 690-х годах были начаты мирные переговоры, которые затянулись в связи с внутренними противоречиями в Тибете. В это время на геополитической арене Центральной Азии появилась новая сила: арабские завоеватели достигли границы с империей Тан. Интересно отметить, что, так как в это время буддизм еще не приобрел в Тибете значительного влияния, установив контакты с арабами, тибетцы проявили интерес к исламу и попросили прислать к ним проповедника [Beckwith, 1993, С.88; Кычанов, Мельниченко, 2005, С.49–51]. Однако ислам не получил на территории Тибета широкого распространения.

А.Г.Малявкин приводит характеристику этого периода военных действий китайским сановником как «наличие примерного равенства в победах и поражениях» китайцев и тибетцев [Малявкин, 1992, С.140].

Одновременно с продолжившимися китайско-тибетскими столкновениями, Китай активизировал свои военные действия на западе, дойдя до территории современного Узбекистана, где столкнулся с арабскими войсками. В 751 году состоялась единственная в истории битва китайцев и арабов у Таласа, в которой китайцы потерпели поражение.

Тибет в это же время активизировал свои действия в южном направлении. Заключив в 750 году союз с тайцами, тибетцы подчинили государство Наньчжао. Затем, воспользовавшись смутой в Китае, захватили еще ряд танских территорий. Когда же император, заключив союз о мире и родстве с уйгурами, вновь отказал тибетскому правителю дать в жены китайскую принцессу, тибетские генералы повели войска вглубь Китая, взяв в 763 году его столицу Чанъян. Однако вскоре они вынуждены были ее покинуть. С 764 по 781 год тибетцы заняли Ганьсуйский коридор, лишив Китая важнейшей дороги на Запад. В 783 году Китай заключил с Тибетом новый мирный договор [Hoffman, 2003, C.55; Кычанов, Мельниченко, 2005, C.53–56]. Но и этот мир оказался непрочным: спустя три года военные действия возобновились. В 787 г. тибетцы заняли Дуньхуан (Шачжоу), а в 790–791 гг. вытеснили уйголов из Западного края и овладели Хотаном. Кроме того, согласно сведениям Х. Хоффмана, в это время власть Тибета признали Бенгалия и Магадха [Hoffman, 2003, C.54–56]. Это время, когда Тибет достиг вершины своего внешнеполитического могущества (конец VIII – начало IX вв.), вошло в его историю как время «Великого Тибета». К этому же периоду относится и первая волна распространения буддизма в Тибете, усиливаются культурные связи с Китаем и Индией.

Китаю тоже приходилось воевать не только с Тибетом, но и с уйгурами, поэтому в 821–822 году было подписано новое китайско-тибетское соглашение о взаимном признании и ненападении. Согласно этому договору, между Китаем и Тибетом были зафиксированы границы, а между китайским императором и тибетским цэнпо устанавливалисьуважительные отношения как между дядей и племянником соответственно.⁶ Этот договор стал последним в череде равноправных китайско-тибетских мирных договоров. Он ознаменовал завершение целой эпохи в истории отношений между двумя странами. И, хотя двадцать лет спустя возобновились военные столкновения на границе, постепенно контакты Тибета с Китаем сошли на нет.

⁶ Подробнее о договоре см. Richardson, 1952, C. 71–72; Кычанов, Мельниченко, 2005, C.64–65.

Характеризуя двухсотлетний период китайско-тибетских войн, Ч. Беквиг пишет о том, что в это время тибетская и китайская нации были равными и разделенными, что признавалось китайцами эпохи Тан [Beckwith, 1993, С.106]. Подавляющее большинство ученых также не выражает сомнений в том, что во времена «Великого Тибета» договоры с Китаем заключались на паритетной основе [Richardson, 1970; Hoffman, 2003; Малявкин, 1992 и др.].

После падения династии Тан в 907 году в отношениях государств наступил перерыв, продлившийся несколько веков. Одновременно с ослаблением танской империи, в Тибете происходил развал центральной власти, за которым последовала потеря завоеванных территорий и утрата влияния в регионе.

Период с X по XII вв. часто называют «темными веками» истории Тибета из-за отсутствия сведений о событиях этого времени в источниках. Необходимо, однако, отметить, что в это время, после прекращения контактов с внешним миром, в Тибете происходил процесс утверждения буддизма как господствующего учения. К моменту возобновления внешних контактов в XIII веке буддизм стал доминировать во всех аспектах жизни Тибета. Сформировался тибетский буддизм как особая региональная форма учения, а Тибет соседи стали воспринимать как страну буддизма.

Отношения же с Китаем в это время приобрели совершенно иной характер: в начале XIII века на мировую арену вышла Монгольская империя – новое более крупное государственное образование, в состав которого вошли как Китай, так и Тибет.

§1.2. Тибет и империя Юань (1271–1368). Монголо-тибетские отношения в XIII – XIV вв.

Монгольская империя объединила под своей властью целый ряд независимых ранее государств на территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая и Тибета. Таким

образом, Китай и Тибет оказались частями огромного государственного образования, возникшего в результате монгольских завоеваний. С этого времени начался новый этап развития китайско-тибетских отношений, сыгравший важнейшую роль в последовавшем несколько веков спустя включении Тибета в состав империи Цин, а затем, уже в XX веке – в состав КНР.

Проблема монголо-тибетских отношений в XIII – XIV вв. неоднократно становилась объектом исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Ведь именно в этот период между правившей в Китае монгольской династией Юань и Тибетом сложилась традиция отношений в соответствии с доктриной *чо-йон*, «духовный наставник и милостынедатель» или «лама – патрон», сложно определимой в европейской терминологии, но повлиявшей на всю историю тибетско-монгольских, а затем и тибетско-маньчжурских и тибетско-китайских отношений.

Существует несколько версий о том, когда именно были установлены первые контакты Тибета с монголами. Согласно одной из них, будучи осведомленными через своих соседей тангутов, подвергшихся вторжению армий Чингис-хана, о формировании мощной кочевой державы в Центральной Азии, тибетцы направили в 1207 году послов к монголам, признав их власть. Также существует мнение, что тибетцы подчинились монголам, когда Чингис-хан вторгся в Амдо в 1206 году во избежание продвижения войск в Центральный Тибет [Кычанов, Мельниченко, 2005, С. 48]. В.Д.Шакабпа сообщает, что тибетцы установили с монголами дружеские отношения после подчинения последними тангутского государства Си Ся в 1207 и платили им дань до смерти Чингис-хана в 1227 году [Shakabpa, 1984, С.61]. Современные китайские историки, в свою очередь, считают, что к 1207 году относится признание Тибетом власти монголов, и что с тех пор Тибет входил сначала в состав державы Чингис-хана, а затем империй Юань, Мин и Цин [Се Тецюнь, 2005, С. 25–61; Wang, Suo, 1984, С.58]. Однако большинство европейских исследователей сходится во мнении, что Тибет не

стал составной частью монгольской державы во время правления Чингисхана, считая сведения из разрозненных источников недостаточно убедительными. Что же касается характеристики тибетско-монгольских контактов во времена Чингисхана, ученые предполагают, что имели место проникновения небольших отрядов в приграничные районы Тибета [Перих, 1999, С.141–142; Wylie, 2003, С.318; Кычанов, Мельниченко, 2005, С.48–49].

После окончательного разгрома тангутского государства Си Ся в 1227 году, изменилось и положение Тибета, который стал непосредственным соседом Монгольской империи и попал в сферу ее геополитических интересов. Монголы заняли территории современных китайских провинций Ганьсу и Цинхай, и вскоре встал вопрос о присоединении тибетских земель к империи. Ю.Н. Перих пишет о том, что набеги разведочного характера на тибетские земли продолжались до 1239 года, когда монгольские войска под начальством Дорда-дархана вторглись в Тибет [Перих, 1999, С.142–143]. В.Д. Шакабпа сообщает, что из-за отказа тибетцев выплачивать дань, сын Угедея Годан в 1240 году направил в Тибет 30-тысячную карательную армию под командованием Ледже и Дорда-дархана. Монастыри Гандэн и Джаллхакан, располагавшиеся к северу от Лхасы, были разграблены и сожжены, так как монахи оказали сопротивление монгольским войскам [Shakabpa, 1984, С.61]. Что касается оценки предпринятых военных действий, Т. Вайли полагает, что нет оснований считать экспедицию «карательной», так как масштабы похода были не столь внушительны, и слишком быстро последовал вывод войск с тибетских земель. Ученый делает вывод, что монголов привлекли не столько тибетские земли и перспектива их включения в состав империи, сколько богатства разграбленных ими монастырей [Wylie, 2003, С.318–319].

Контакты монголов с Тибетом не сводились только к военным действиям. В это же время начался важнейший с точки зрения исторических последствий процесс проникновения буддизма в Монголию.

Л. Петех подробно пишет о первых китайских буддистах, ставших духовными наставниками монгольских ханов. Правители освобождали

китайских буддийских монахов от налогов, а некоторые из учителей получали титулы *гоши* — «государственных наставников».⁷ Тибетское духовенство также имело контакты с монгольскими князьями. Главные ламы школ Карма, Баром-Кагью и Цэл с конца XII века занимали высокое положение при дворе в тангутском государстве, а после его уничтожения в 1227 году вступили в контакт с монгольскими завоевателями [Petech, 2003, С.338]. Как сообщает Сумба-Хамбо, «в год земли-свиньи IV рабджуна (1239 г.) Сакьяпа, Бригонба, Пагдуба и Цалпа каждый в отдельности "узрели лик" соответствующего монгольского хана...» [Пубаев, 1991, С. 40].

Важно подчеркнуть, что, как отмечает Ю.Н.Перих, «ко времени появления монголов в Тибете политическая, культурная и экономическая жизнь в стране постепенно переходила в руки теократических феодалов – глав влиятельных монастырей, которые в союзе с сильными родами старой феодальной знати становятся в центре политической и экономической жизни страны» [Перих, 1999, С. 143]. Таким образом, установление отношений монгольских ханов с высокопоставленными духовными лицами, носили как религиозный, так и политический характер. Кроме того, поскольку Тибет был раздроблен, его подчинение империи Юань проходило одновременно с формированием его системы управления.

Решающим событием для включения Тибета в состав империи Юань стало установление отношений Годана с тибетским учителем школы Сакья Кунга Гьянценом, больше известным как Сакья-пандита (1182–1251). Существуют разные версии о том, почему Кунга Гьянцен был приглашен в ставку Годана. По одной из них, царевич пожелал поближе познакомиться с тибетским буддизмом, по другой Сакья-пандита был приглашен в качестве врача. Существует и версия о том, что инициатором встречи был сам Кунга Гьянцен, который стремился предотвратить кровопролитное завоевание Тибета монгольскими войсками, устрашенный примером своих соседей

⁷ Тексты документов об освобождении монахов от налогов и назначении их «государственными наставниками» при империи Юань см. A collection of historical archives of Tibet, 1995, док. №1–10, 12–14.

тангутов, а также укрепить власть иерархов школы Сакья [Кычанов, Мельниченко, 2005, С.49]. Кроме того, монголы были сосредоточены на завоевании государства Наньчжао, служившего буфером между Китаем и Юго-Восточной Азией. Поэтому для них было важно обеспечить спокойствие на тибетском фронте. До наших дней дошел текст письма Годана с приглашением Сакья-пандите посетить его в Ланьчжоу. Содержание письма, носившего ультимативный характер, можно найти в работах Дж.Туччи и В.Д. Шакабпы [Shakabpa, 1967, С. 61–62]. Встреча Годана с Сакья-пандитой состоялась в 1247 году, спустя два года после его прибытия в Ланьчжоу. Как заключают исследователи, отправлению Кунга Гъялцена к монголам предшествовали переговоры с влиятельными тибетскими землевладельцами об условиях признания сюзеренитета монгольского хана. По итогам встречи, монгольский военачальник признал ламу достойным оказывать ритуальные услуги членам высокопоставленных монгольских семей и получать за это вознаграждение [Petech, 2003, С.339].

Ю.Н. Рерих придерживается в этом вопросе точки зрения сторонников концепции независимости Тибета, согласно которой «вассальное состояние понималось как принятие главы сюзеренного государства в ученики и милостынедатели теократического иерарха, с которым вступали в договорные отношения, чем подчеркивался примат теократического иерарха над светским правителем»⁸ [Рерих, 1999, С.144]. В то же время, по мнению диссертанта, нельзя отрицать взаимность признания и заинтересованности сторон. Эта уникальная система отношений, так

⁸ Источником, на основе которого ученые пришли к заключению о том, что Сакья-пандита стал тибетским делегатом для переговоров о подчинении Тибета монголам, является письмо Кунга Гъялцена к светским правителям и духовным авторитетам Тибета. Дж. Туччи в 1949 году привел перевод письма на английский язык [Tucci, 1949, С. 10–12]. В.Д. Шакабпа также цитирует это письмо в своем исследовании [Shakabpa, 1984, С.63-64]. Однако некоторые ученые выражают сомнения в аутентичности этого письма. Д.Джексон, ссылаясь на то, что стиль письма не похож на прочие труды Сакья-пандиты, высказал предположение, что письмо могло быть написано не без помощи официальных лиц при монгольском дворе или же оно не сохранилось на тибетском языке, и дошедший до нас тибетский текст является более поздним переводом с китайского [Jackson, 1986, С.20].

сложно определимая с точки зрения современного юридического права, заслуживает особого внимания.

В русскоязычной литературе существует несколько переводов названия концепции *чо-йон*. Это «патрон – лама», «лама – милостынедатель» или «духовный наставник – милостынедатель». Название является сокращением от *чо-нэ* – «получатель религиозных пожертвований» и *йон-даг* – «подноситель пожертвования». Согласно Д.С. Рюэггу, первым письменным источником, где употребляются эти термины, является уже упомянутое нами письмо Сакья-пандиты к тибетцам. В более поздних источниках и в работах современных исследователей на тибетском языке иногда в этом же значении употребляется термин *йон-чо* [Ruegg, 2003, C.363–364].

Существует мнение, что эта доктрина имеет индийское происхождение и основывается на традиционных взаимоотношениях между брахманами, олицетворявшими духовную власть, и светскими правителями – кшатриями. Буддизм, относящийся к индийской религиозной традиции, впитал в себя представления о взаимоотношениях этих каст, придав им новую форму и наполнив новым содержанием. Согласно сложившимся представлениям, миряне должны были почитать и обеспечивать монахов пропитанием, давая им возможность целиком сосредоточиться на вознесении молитв и совершении обрядов ради пользы всех живых существ. В Индии этот тип отношений назывался «бхикшу – данапати» – «лама – милостынедатель». При этом милостынедатель мог быть покровителем как отдельного монаха, так и целой буддийской общины – «сангхи». Существенным отличием буддийской вариации отношений монахов и мирян стал также отказ от каст – в Тибете практически каждая семья отдавала кого-нибудь в монахи [Успенский, 2011, С.42–43; Ruegg, 2003, C.365]. Однако идеологически отношения мирян и монахов стали развиваться в соответствии с индийской традицией «бхикшу – данапати», причем как на уровне личных взаимоотношений, так и на уровне глав монастырей с местными правителями.

Таким образом, когда Сакья-Пандита установил с Годаном в 1247 году отношения в рамках вышеописанной доктрины, для тибетцев это было, с одной стороны, чем-то вполне естественным для отношений между духовным лицом и светским правителем того времени, с другой стороны, была в этом и новизна. Впервые весь Тибет представлял буддийский монах, чего не случалось во времена существования тибетской империи. Таким образом, в этих событиях проявилась тенденция, которая пробивала себе дорогу в последующие века тибетской истории и привела в итоге к власти Далай-лам.

Следует также отметить, что Тибет в это время не был един, и светский «милостынедатель» не мог претендовать на управление всем Тибетом на основании установления подобных отношений с одним из духовных лидеров одной из буддийских школ. Однако вопрос о природе и целесообразности отношений «правителя-милостынедателя» с высокопоставленными ламами вызвал полемику уже в XIII веке [Успенский, 2011, С.40–42], а в XVII веке вопрос о том, кто же стоит выше – монах или светский правитель доставила много проблем тибетской и маньчжурской сторонам, планировавшим встречу Далай-ламы V с императором Шуньчжи (правл. 1644–1661), произошедшую в 1653 году.⁹

Современные ученые и политики также дают разные оценки этой системе отношений. Сторонники независимости Тибета делают акцент на примате духовной власти над светской. С их точки зрения, признавая ламу своим учителем, монгольский правитель не столько даровал им право заниматься вопросом светского управления, сколько признавал за ними это право, гарантируя в обмен на духовные наставления военную поддержку в случае необходимости [Shakabpa, 1984, С.63-64]. Противоположная точка зрения трактует подобный договор как признание вассалитета в обмен на передачу местным духовным лицам местного самоуправления. Более того, авторы делают акцент на важнейшей роли, которую Сакья-пандита сыграл в

⁹ Об этом событии речь пойдет в §1.4.

деле объединения Тибета с китайской нацией [Wang, Suo, 1984, С.59-60]. Европейские и отечественные исследователи, в свою очередь, обращают внимание на то, что установление отношений между Годаном и Сакья-Пандитой не представляло собой договор между Монгольской империей и ее верховным правителем и Тибетом. Это было соглашение облеченного региональной властью монгольского правителя с одним из буддийских лидеров Тибета. По сути, Годан соглашался уберечь Тибет от разорения при условии его добровольного подчинения [Кычанов, Мельниченко, 2005, С.51; Petech, 2003, С.341]. Следует отметить, что в это же время у представителей других школ также были свои покровители среди монголов. К примеру, великий хан Мэнгу (1251–1259) сделал в 1256 году своим наставником одного из учителей школы Карма Кацью [Ruegg, 2003, С.859-860].

После смерти Сакья-пандиты, его место занял его племянник Пагба-лама Лодой-Гьянцен (1235–1280).¹⁰ В 1253 году он был приглашен в ставку будущего хана Хубилая. Пагба-лама стал духовным наставником Хубилая, который был очень расположен к буддизму. Хубилай же, в знак благоволения к Пагба-ламе, даровал ему власть над Тибетом. Текст письма, в котором монгольский правитель подтверждает права сакьяского иерарха на управление Тибетом, приведен в работе В.Д. Шакабпы [Shakabpa, 1984, С.65–66]. Повествуя об этих событиях, следует сделать несколько оговорок. Во-первых, в 1253 году Хубилай еще не был великим ханом, и поэтому он, как ранее Годан, мог только подтвердить передачу власти в Тибете сакьяским иерархам, но не даровать ее, как значится в его письме. Во-вторых, некоторые ученые расценивают это письмо как дарование власти не столько светской, сколько духовной [Petech, 2003, С.343]. К середине XIII века разные школы буддизма имели вес в разных районах Тибета. Таким образом, направив письмо Пагба-ламе, Хубилай мог иметь в виду

¹⁰ Так как сами ламы иметь семьи и детей не могли, они старались передавать свои духовные достижения и титулы родственникам. У школы Сакья существовала передача традиции по линии «дядя – племянник» [Успенский, 2011, С.232].

установление духовного лидерства сакьянского иерарха, ведь в письме речь шла, главным образом, об учении Будды. Монахи, в соответствии с указом, освобождались от налогов и военной обязанности. В то же время, это не освободило тибетцев от переписи населения, организованной монголами в 1253 году [Petech, 1979, С.233–237]. Интересное замечание о мотивах принятия Хубилаем посвящения от Пагба-ламы делает В.Л.Успенский, отмечая, что для монгольского правителя это было источником дополнительной власти, так как посвященный получал право отождествлять себя с соответствующим божеством [Успенский, 2003, С.168].

В 1260 году Хубилай стал великим ханом, и его отношения с Пагба-ламой приобрели новые черты, перейдя на государственный уровень. В 1264 году Пагба-лама получил титул «государственного учителя» – *гоши*. А когда в 1269 году он представил ко двору «квадратную письменность», созданную им для утверждения официальным языком империи, Хубилай назначил его «императорским наставником, великим драгоценным владыкой Дхармы» (кит. *диши дабао фаван*). Это стало началом института императорских наставников – *дииши*. В обязанности занимавшего эту должность лица входило как проведение религиозных обрядов для членов императорской семьи, так и административное руководство делами, связанными с Тибетом и буддизмом [Успенский, 2011, С.39–40]. Хубилай также считается первым императором, отождествленным с бодхисатвой Манджушири. Эта традиция почитания императора как воплощения Манджушири закрепилась уже при маньчжурском дворе, когда «Великий император Манджушири» стало нормой обращения к императору в буддийском мире [Farquhar, 1978, С.11–13].¹¹

В то же время, признавая за ламой право светского правления, монгольский правитель все же предпринял шаги к унификации государственной системы управления по образу других районов на

¹¹ Подробнее о почитании императоров как воплощений Манджушири см. Farquhar, 1978; Успенский, 2011, С.152–198.

зависимой территории. В 1264 году было создано ведомство *Цзун чжи юань*, которое, согласно «Юань ши», занималось буддийской религией, монахами, а также территорией Тибета. В 1288 году ведомство было переименовано в *Сюань чжэн юань* по названию дворца, в котором проходили приемы тибетцев при династии Тан. Во главе ведомства после его создания был поставлен Пагба-лама, однако его полномочия были ограничены: была введена должность чиновника *пончена*, ведавшего гражданскими и военными делами [Перих, 1999, С.146]. Территориально Тибет был поделен на три «дороги» – Уй, Цзан и Нгари, которые, в свою очередь делились на 13 темничеств или мириархий (десять тысяч дворов), во главе которых стояли чиновники, именовавшиеся по-тибетски *типёны*.¹² Исходя из того, что над всеми чиновниками в Тибете было поставлено духовное лицо, *пончен* назначался императором при его участии, а должности *типёнов* тоже зачастую занимали монахи, в реформе системы управления явно прослеживается начало формирования у монгольских правителей представления о буддийском духовенстве как об адекватных администраторах.

Введение этой новой системы управления очевидно свидетельствует о подчинении Тибета Монгольской империи. Л. Петех полагает, что официальное установление монгольского правления в Тибете можно датировать 1267–1268 гг., когда была налажена почтовая связь и проведена перепись населения. Эти меры осуществлялись чиновниками, направленными монгольскими правителями из Китая, в сотрудничестве с местной администрацией в лице сакьяских иерархов [Petech, 1979, С.233].

Таким образом, факт вхождения Тибета в состав Монгольской империи, а затем в состав империи Юань оспаривать сложно. В то же время, когда речь заходит об отношениях Тибета с Китаем, сторонники независимости Тибета подчеркивают, что включение Тибета в состав

¹² Подробнее о системе управления Тибетом в составе империи Юань см. Кычанов, Мельниченко, 2005, С.54–55.

империи Юань не является основанием для утверждения, что с тех пор Тибет стал частью Китая, так как монголы захватили Китай и основали империю Юань, а не наоборот. Таким образом, Тибет наравне с Китаем входил в состав монгольской империи [CHAT, С.11]. Китайские ученые, в свою очередь, пишут, что Китай был объединен под властью монголов, и Тибет вошел в его состав [Wang, Suo, 1984, С.60–62].

Европейские и отечественные исследователи, давая оценку отношениям Тибета и империи Юань, подчеркивают его особое место в составе империи. Е.И.Кычанов обращает внимание на то, что Тибет не входил в перечень территорий династии Юань, зафиксированный в официальной истории этой династии. В то же время, были проведены реформа управления и перепись населения и, хотя тибетцы и не платили налоги, в Тибете существовала трудовая и ямская повинности¹³, требовавшие больших ресурсов [Кычанов, Мельниченко, 2005, С.53–55]. Особыми делала тибетско-монгольские отношения и доктрина *чо-йон*, которая переводила духовного лидера Тибета из статуса признающего власть хана в принимающего от него военную защиту и покровительство в обмен на покровительство духовное. С одной стороны, она позволяла монголам мирным путем обеспечить признание своей власти над Тибетом, с другой стороны, это признание светского правителя проходило без потери статуса для тибетских духовных лидеров. Перенесенная из внутренних отношений на международный уровень, эта концепция легла в основу внешней политики Тибета и позже стала одним из главных аргументов сторонников концепции независимого Тибета в современной полемике по поводу его статуса на протяжении истории. Следует также отметить, что, став великим ханом, Хубилай разделил понятия отношений духовных и политических. Как пишут Е.И.Кычанов и Л.С.Савицкий, «Пхагпа заявил, что если Хубилай желает учиться у него, то он будет обязан воздавать ему почести как своему учителю, т. е. кланяться ему, уступать дорогу и предоставлять право садиться

¹³ Ямская повинность – ула (монг. *ulaγ-a*, совр. *ulaa*) сохранилась до XX века.

первым и на более почетное место. Хубилай ответил, что как частное лицо он готов соблюдать эти требования, когда будет оставаться с Пхагпа вдвоем, но отказывается делать это публично, так как такое его поведение нанесло бы урон его престижу и власти монголов вообще» [Кычанов, Савицкий, 1975, С.100].

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что буддийские иерархи, став с одной стороны проводниками монгольской политики в Тибете, в то же время способствовали распространению буддизма в империи Юань и значительному росту его влияния на монголов. Спустя несколько веков авторитет буддийских духовных лидеров среди монголов стал одним из важнейших факторов, определявших внешнюю политику маньчжурдов и империи Цин.

Сотрудничество сакьяских иерархов с монгольскими правителями практически на протяжении всего периода господства в Тибете Сакья вызывало зависть и порицание последователей других школ, не получавших пожертвований от монголов. В критические моменты это приводило к вооруженным выступлениям, подавляемым военными силами монголов. На закате империи Юань во второй четверти XIV века возросшие антисакьяские настроения совпали с ослаблением власти монгольских императоров и внутренними противоречиями среди наследников сакьяского иерарха Даныи Санпопэл (правл.1305–1327). В это время среди монголов стали популярны и другие школы тибетского буддизма: интронизацию последнего императора Юань Тогон-Тэмура (1320–1370) освятил приглашенный в Пекин представитель школы Кармапа [Douglas, White, 1976, С.49].

Антисакьяское движение возглавил выходец из аристократической семьи, один из тибетских типёнов, последователь школы Кагью Джанчуб Гьянцен (1302–1364). В 1354 году он захватил власть в Тибете, разместил войска во всех стратегических районах и провел административную реформу. По мнению Л.Петеха, тот факт, что Тогон-Тэмур был вынужден официально признать правителем Тибета Джанчуб Гьянцэна означало его де-

факто независимость от утратившей свое влияние империи Юань [Petech, 1979, С.236].

В 1368 году восстание китайцев против монгольского правления под руководством бывшего буддийского монаха Чжу Юаньчжана (1328–1398) привело к установлению в Китае власти новой династии Мин (1368–1644). Так начался новый этап развития тибетско-монгольских и тибетско-китайских отношений.

§1.3. Политика империи Мин (1368–1644) в отношении Тибета.

После прихода к власти в Китае новой династии, в корне изменилась геополитическая ситуация в регионе. При монголах Китай оказался хотя и наиболее значительной, но только одной из составных частей более крупного государственного образования. Поэтому политика империи Юань в отношении Тибета не была основана на китайской традиции. Приступая же к описанию китайско-тибетских отношений периода империи Мин, необходимо сказать несколько слов об идеологической основе отношений Китая с соседями в целом, так как с возвращением власти китайской династии, императоры вернулись к традиционному пониманию основ внешней политики.

Эта сложная система миропонимания и взаимоотношений, так же как и описанная в предыдущей главе доктрина *чо-йон*, не укладываясь в нормы современного юридического права, но будучи при этом на протяжении веков основой внешней политики Китая, стала объектом особого внимания многих отечественных и зарубежных ученых.¹⁴ Большое внимание этому вопросу уделяет в своей работе А.С. Мартынов. Поскольку он разбирает доктрину отношений Китая с соседями в интересующем нас ключе, приведем его характеристику китайского взгляда на проблему: «Власть императора была универсальна, а потому, естественно, не имела четких территориальных границ, внутри которых практиковались бы внутригосударственные

¹⁴ См. сборник статей Китай и соседи, 1970; Зотов, 1994.

отношения, а за их пределами применялись бы уже иные, межгосударственные отношения. В пределах реального политического взаимодействия каждый вступавший в отношения с императорским двором уже в силу одного этого считался попавшим под власть императора, что было вполне логично при подходе к власти как распространяемому влиянию. [...] Не следует, однако, думать, что эта система даннических отношений сама по себе стимулировала некую баснословную политическую экспансию. Ничего подобного. Это был инструмент, с помощью которого решались разные задачи. Он мог применяться во внешней политике, в пограничных отношениях, а иногда в качестве дополнения к административной власти» [Мартынов, 1978, С.54–55].

В рамках этой системы взглядов прибытие делегаций к императору воспринималось как акт подчинения, а привозимые дары рассматривались как дань. Тот же факт, что ответные дары зачастую превышали привозимые «данниками» подарки, объяснялся как поощрение за преданность и покорность [Chen Nan, 2008, С.2].

Еще в начале XIX века отец Иакинф (в миру Н.Я. Бичурин), возглавлявший Российскую православную духовную миссию в Китае, поясняя прибытие в Пекин тибетских духовных лиц, писал: «Слова дань и доклад суть основание, на котором Китай старается утверждать свои связи с иностранцами. Сколько употребляют тонких хитростей и льстивого лукавства в переговорах по сим предметам с европейцами!» [Бичурин, 1828а, С.61].

Так, в исследовательской литературе обоснованно популярной стала точка зрения, что минские императоры, обеспечивая спокойствие на границах, удовлетворялись формальным прибытием «данников» ко двору, в то время как сами прибывающие могли рассматривать свои посещения столицы главным образом как торговые миссии [Зотов, 1994; Мартынов, 1978; Sperling, 1983; Wylie, 2003]. Доходило даже до того, что иногда,

напротив, дары императора рассматривались в монгольских источниках как дань монгольским правителям [Рерих, 1999, С.157].

Таким образом, говоря об отношениях Китая с Тибетом, мы вынуждены учитывать, что стороны руководствовались системами взглядов не только отличными от европейской, но и совершенно не похожими друг на друга. При этом тибетская доктрина *чо-йон*, будучи основана на религиозном миропонимании, не противоречила китайской традиционной системе взглядов, позволяя каждой из сторон воспринимать отношения по-своему.

После провозглашения династии Мин в 1368 году император Тай-цзу на второй год правления под девизом Хунъу, 5 июня 1369 года направил в Тибет манифест, информировавший об объединении Китая под властью новой империи Мин и призывающий тибетцев к подчинению. Среди прочего в тексте говорилось о том, что во времена правления в Китае предыдущей «варварской» династии «головной убор и обувь поменялись местами». Но вот, Китай вновь един, и правитель следует «истинному пути» и «стремится обеспечить благосостояние простому народу» [Мин Шилу, С.3].

Текст манифеста был переведен и проанализирован А.С.Мартыновым. Ученый выделяет несколько магистральных идей, заключенных в документе: Китай является главным государством в Поднебесной; положение дел «варварской» периферии зависит от положения дел в самом Китае; спокойствие в народе и среди «варваров» является высшим благом китайского государства, и первый шаг на пути к успокоению «варваров» - это оповещение их о воцарении в Китае идущего правильным путем императора [Мартынов, 1978, С.48–49]. Однако следует также обратить внимание на то, в какой форме обращается к тибетцам император. А.С.Мартынов переводит фразу, содержащую обращение, следующим образом: «Вы же, туфани (имеются в виду тибетцы.—A. M.), живущие в Западном крае, еще, вероятно, не слышали, что Китай уже един. Поэтому и обращаюсь к вам с подобным манифестом» [Там же, С.48]. Перевод «туфани» не совсем точен: в китайском тексте после слова «туфани» идет иероглиф *бан* – «держава,

государство». Таким образом, император обращался не к народу, который был подчинен ранее, а к самостоятельному государству. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в начале правления династии Мин китайцы признавали существование тибетского государства – «туфаньской державы». Получив манифест, как свидетельствует запись из Мин Шилу, идущая вслед за документом, «туфани не подчинились», что выразилось в грабежах и беспорядках на приграничных территориях [Мин Шилу, С.3]. Однако, как отмечает А.С.Мартынов, реакция тибетцев на смену династии не носила политического характера. Район просто вышел из-под контроля, когда ослабела империя, и пришлось утверждать власть новой «администрации» военным путем. Как следует из императорского указа, сам Тай-цзу считал мятежи на южной границе обычным делом, и не был настроен уделять этой проблеме повышенное внимание. В начале правления империи Мин в отношении Тибета не наблюдалось ни территориальной экспансии, ни стремления распространить власть вглубь «варварской» территории. Смысл военных операций сводился к закреплению китайской армии в стратегических пунктах в целях обеспечения спокойствия приграничных районов [Мартынов, 1978, С.48–49].

Главным противником Китая на геополитической арене в то время оставались монголы. Поэтому новый император был заинтересован в том, чтобы южные границы оставались спокойными. Кроме того, Китай был также заинтересован в торговле с тибетцами, так как для военных действий на севере им нужны были лошади [Sperling, 1979, С.281]. Некоторые ученые пишут о том, что с целью обеспечения спокойствия на границах, китайские правители эпохи Мин стали применять в отношении Тибета политику «разделяй и властвуй».¹⁵ Согласно этой теории, первые минские императоры выборочно раздавали титулы и подарки разным иерархам тибетского буддизма, чтобы таким образом поддерживать их разобщенность. В своей работе «Политика империи Мин в отношении Тибета: исследуя утверждения

¹⁵ Сато Хисаси; Wylie, 2003.

о том, что первые минские императоры приняли политику «разделяй и властвуй» в отношении Тибета» американский ученый Э. Сперлинг подробно разбирает точку зрения японского тибетолога Сато Хисаси, который писал, что главной целью политики по отношению к Тибету первых императоров династии Мин было предотвращение появления сильного, объединенного тибетского государства. С точки зрения японского ученого, первые императоры династии Мин, руководствуясь этими мотивами, выборочно даровали титулы и подарки различным тибетским иерархам для того, чтобы военные и политические силы Тибета оставались раздробленными [Sperling, 1983]. В качестве обоснования этого утверждения приводится цитата из «Истории династии Мин», согласно которой император Тай-цзу «принял устроенные тибетцами беспорядки времен династии Тан за предостережение и захотел их контролировать» [Sperling, 1983, С.23]. Т. Вайли поддерживает эту теорию, акцентируя внимание на роли буддийского духовенства, которое стало проводником политики минских императоров [Wylie, 1979, С.339]. Сам же Э.Сперлинг высказывает сомнения относительно того, что политика «разделяй и властвуй» была принята первыми императорами эпохи Мин. С его точки зрения, если бы такая политика существовала, это обязательно нашло бы отражение в источниках [Sperling, 1983, С.22–26]. В то же время, существуют и причины, почему ученые придерживаются точки зрения проведения политики разделения во время правления династии Мин.

Главной причиной появления теории о том, что империя Мин использовала в отношении Тибета политику «разделяй и властвуй» является тот факт, что на протяжении ее правления императоры поддерживали не одну школу тибетского буддизма, как это делали монголы со школой Сакья, а несколько школ, которые впоследствии начали активную борьбу между собой за духовную и светскую власть над Тибетом. Чтобы понять, какими мотивами руководствовались императоры, приглашая тибетских духовных лидеров ко двору и раздавая им титулы, рассмотрим исторические обстоятельства, при которых это происходило.

Буддизм пользовался большой популярностью как у тибетцев, так и у китайцев. Первый император династии Мин Тай-цзу сам некоторое время до прихода к власти был буддийским монахом, и это нашло отражение в его внутренней и внешней политике. Время его правления, а также его сына Чэн-цзу, правившего под девизом Юнлэ (1403–1424) – время расцвета буддизма в Китае. Разумеется, неверным будет утверждение, что в политике императоры руководствовались религиозными взглядами, но недооценивать влияние буддизма тоже не следует.

Будучи знакомым с буддизмом изнутри, Тай-цзу хорошо представлял себе не только доктрину Учения, но и его потенциальное политическое влияние. С одной стороны, император покровительствовал буддизму на территории Китая и при дворе, а также искал контакты с духовными лидерами Тибета. С другой стороны, осознавая возможности влияния религиозных объединений на политику, Тай-цзу стремился держать их под контролем, что выражалось в ряде реформ-ограничений, затронувших как буддийских, так и даосских монахов: были введены правила, регулирующие деятельность монастырей; была проведена регистрация всех монахов и выданы идентификационные документы; была введена система экзаменов для вступления в монахи и подтверждения статуса духовного лица; было ограничено количество монахов в монастырях; ужесточен контроль за соблюдением правил монашеского поведения и др.¹⁶

Для контроля за соблюдением этих норм и правил на территории Китая были созданы управления по делам буддийской церкви – *Сэн ган сы*. Одно из них было учреждено в 1393 году в Синине. Интересно отметить, что в постановлении об образовании этого управления о причинах, побудивших императора к его созданию было сказано: «Западные фани – весьма склонные к чрезмерной жестокости, поэтому [у них] учреждено [это управление]. Оно должно поддерживать господство [буддийского] учения и тем успокаивать людей в далеких [землях]» [Мин Шилу, С.96; Мартынов, 1978, С.59]. Так,

¹⁶ Подробнее о реформах см. Sperling, 1983, С.68–73.

уже в начале правления династии Мин была сформулирована идея о возможности использования буддизма как средства «умиротворения варваров».

В то же время, как уже говорилось выше, предпринятые меры были направлены не на то, чтобы помешать распространению буддизма, а на то, чтобы контролировать буддийскую (а также даосскую) общину, которая была вполне способна влиять на умонастроения и политическую ситуацию в стране, предотвратив таким образом угрозу возникновения организованной духовенством деятельности, направленной против государства, а также на то, чтобы упорядочить деятельность буддийской церкви на территории Китая.

Интерес императора Тай-цзу к буддизму подтверждает то покровительство, которое он оказывал монахам при дворе, а также его стремление к контактам с тибетскими духовными лицами. Существует мнение, что развитие китайского буддизма при первых минских императорах было вызвано необходимостью что-то противопоставить нарастающему влиянию тибетского учения, активно распространявшегося на территории бывшей империи Юань [Chan, 1982, C.108]. В то же время, Э.Сперлинг приводит сведения о том, что в это время проходил активный культурный обмен и совместная работа китайских и тибетских монахов по переводу священных текстов, а также о том, что прибывший по приглашению императора Чэн-цзу тибетский духовный лидер школы Карма Децин Шегпа (1384–1415) был объявлен императором главой не только тибетских, но и китайских буддистов. Ученый, исходя из этого, заключает, что разделения на китайский и тибетский буддизм как такового в это время еще не было и добавляет, что в текстах времен начала правления минской династии в отношении тибетских и китайских монахов использовались одинаковые термины, а слова «ламаизм», который спустя некоторое время стал обозначать тибетский буддизм, еще просто не существовало [Sperling, 1983, C.50, 92].

10 марта 1403 года, как сообщается в «Правдивых записях», император Чэн-цзу на второй месяц своего правления отправил в Тибет приглашение Кармапе V (иерарху школы Карма Кагью) Дещин Шегпе приехать в Нанкин [Мин Шилу, С.116].¹⁷ Что касается мотивов приглашения, из письма следует, что они носили религиозный характер. Приглашение не зачлючало в себе ультиматума, как это бывало в период правления Юань, и Дещин Шегпа отреагировал на него не сразу. Исходя из данных его биографии, он отправился в Китай только после повторного приглашения в 1406 году. Целый ряд документов из «Правдивых записей» повествует о том, какие богатые дары получал Кармапа после прибытия ко двору [Мин Шилу, С.130–132, 134–135, 137]. Тибетский иерарх не только совершил ритуалы, о которых его просил император, но и давал ему наставления в буддийских текстах. 10 апреля 1407 года Чэн-цзу даровал Дещин Шегпе золотую печать и длинный титул, завершившийся, как ранее титул Пагба-ламы, словами «Великий драгоценный владыка Дхармы» (кит. *дабао фаван*) [Мин Шилу, С.132; Мартынов, 1978, С.128]. Согласно биографии Кармапы V, император намеревался установить отношения по принципу *чо-йон*, поставив его во главе всех буддистов в Китае, а также подчинить ему все школы буддизма в Тибете при помощи военной силы, если она потребуется. Дещин Шегпа отказался, сказав, что каждая школа должна исповедовать те принципы, которые считает правильными [Sperling, 1983, С.89–90]. Это проявление толерантности в отношении других школ в целом характерно для буддийских лидеров разных эпох. Инициатива подавления всех школ под властью одной пользующейся авторитетом у «милостынедателей» исходила не только от китайских, но и ранее от монгольских, а впоследствии и от маньчжурских правителей¹⁸, и эта идея неизменно сталкивалась с сопротивлением со стороны тибетских духовных лидеров, несмотря на очевидные выгоды,

¹⁷ Текст приглашения, а также подробно о контактах Чэн-цзу и Дещин Шегпы см. Sperling, 1983, С.74–135 и Sperling, 1979.

¹⁸ Об этих событиях пойдет речь в Главе 3.

которые это могло бы им принести. Тем не менее, согласно сведениям Э. Сперлинга, хотя Кармапа V и отказался от предложения императора, во время своего пребывания в Китае он был наделен полномочиями ведать делами всех буддистов империи [Там же, С.92].

Отметим, что Дещин Шегпа был далеко не единственным влиятельным ламой, приглашенным ко двору. Приглашение от императора Чэн-цзу в начале его правления получил также основатель школы Гелуг Цзонхава (1357–1419). О намерениях императора можно судить из текста повторного приглашения Цзонхавы в 1413 году,¹⁹ в котором было сказано: «... для того, чтобы следовать двум традициям,²⁰ посылаю тебе приглашение. И если ты думаешь о распространении учения Будды, то, прибыв в Срединное Государство, поступишь в соответствии с моей волей» [ЯЗСИДТИ, С.218]. «Двумя традициями» в тибетском языке называют сочетание духовного и светского принципов правления, которые необходимо соблюдать для процветания Учения и страны. При этом, давая характеристику этой идеи, Ш. Бира подчеркивает, что «по мнению монгольских хаганов, буддийская церковь должна была служить их интересам, их государству, т.е. светской власти. Если монгольский хаган наделял высокими полномочиями главу буддийской церкви и присваивал высшее духовное звание, то это имело главной целью освещение хаганской власти авторитетом буддизма. (...) Буддийскую церковь призывали играть служебную роль по отношению к хаганской власти» [Бира, 1978, С.95–96]. Нельзя с уверенностью утверждать, что император намеревался возобновить монгольскую модель суверенитета над Тибетом, поставив во главе тибетцев одного иерарха, с которым были бы установлены отношения по образцу империи Юань. Однако, исходя из того, что имело место вторичное приглашение и «следование двум традициям» было обозначено в качестве цели его визита, отрицать эту возможность тоже не следует. Так или иначе, Цзонхава не поехал,

¹⁹ О повторном приглашении Цзонхавы ко даору см. Sperling, 1982.

²⁰ Тиб. Lugs gnyis – традиции светского и духовного правления.

сославшись на болезнь, а вместо себя отправил ученика Джамчен Чойдже Шакья Еше, основателя монастыря Сэра, который побывал в Китае в 1406 и 1414 годах.²¹

Таким образом, можно говорить о том, что политика первых минских императоров не была направлена на разобщение тибетцев. Императоры охотно приглашали знаменитых иерархов и, исходя из теста приглашений, вполне могли допустить мысль об объединении Тибета под властью одного из них. Также не стоит говорить о чрезмерном увлечении минских правителей буддизмом. Даже исповедуя буддизм и способствуя его распространению и процветанию с одной стороны, они не забывали про государственные интересы и держали под контролем его влияние на население. Тот же факт, что императоры поддерживали разных духовных лидеров Тибета, раздавая им титулы и дары, скорее объясняется особенностями буддизма: одновременным сосуществованием разных школ и традиций при отсутствии ортодоксии.

Со второй половины XV века интерес у минских императоров к Тибету и тибетскому буддизму сошел на нет. Его оживление имело место почти через 150 лет при императоре Шэнь-цзуне (правл. 1572–1620 гг.). Однако китайско-тибетские отношения в период правления Мин, разумеется, не ограничивались приглашениями ко двору известных буддийских иерархов при первых императорах. Тесные контакты поддерживались с региональными правителями приграничных территорий – *тусы*. Причем если в отношении духовных лидеров можно отметить уважение к их авторитету, то в обращениях к правителям светским звучали характерные для общения «сына Неба» с «варварами» ультиматумы. Письма к главам местной администрации представляли собой повеление прибыть с данью в Китай [Мартынов, 1978, С.52–53]. Местные же правители при прибытии в Китай преследовали, в первую очередь, свои интересы: получая символы власти

²¹ О приглашении других иерархов и даровании им титулов при дворе Мин см. тексты приказов №23,25–27 в A collection of historical archives of Tibet, 1995; Sperling, 1983, С.136–201.

(дипломы и печати) из рук китайской администрации, как и ранее от монгольской, они таким образом подтверждали свой авторитет, имели возможность вести торговлю во время поездок, а так же получали ответные дары, которые, как мы говорили выше, зачастую во много раз превосходили привозимую тибетцами «дань». Поэтому местные тибетские правители с периферии охотно сдавали символы власти, полученные при династии Юань, и подчинялись китайскому ритуалу, который требовал от них раз в три года прибывать к императорскому двору. Минские же правители, которых главным образом интересовало спокойствие на границе, удовлетворялись символическим признанием подчинения.²²

На южных границах Китая были созданы «управления чая и лошадей» – *чамасы*, которые ведали приграничной торговлей. Главным образом, как и следует из названия тибетцы меняли лошадей, в которых империя Мин нуждалась из-за военных действий на севере, на китайский чай.²³

В рамках политики умиротворения «варваров» при помощи буддизма, китайцы поддерживали, хотя и не без пристального внимания, контакты тибетских духовных лиц с монголами. А.С.Мартынов характеризует буддизм в китайской политике как «одно из важнейших средств воздействия на «варваров» наравне с институтами дани и администрации» [Мартынов, 1978, С.61]. Так, китайцы содействовали состоявшейся в 1578 году встрече Алтанхана тумэtsкого (1507–1582) и Далай-ламы III Соднама Гьяцо (1543–1588), духовного лидера молодой, но уже влиятельной школы тибетского буддизма Гелуг. Во время этой встречи тумэtsкий правитель указал на то, что ранее, после того, как монголы завоевали Тибет, с буддийскими иерархами школы Сакья были установлены отношения в соответствии с доктриной *чо-йон*, когда светский правитель – «милостынедатель» – принимал на себя покровительство духовного наставника, который, в свою очередь, освящал авторитет светского правителя. Алтан-хан был объявлен воплощением

²² См. тексты приказов №23,25 в A collection of historical archives of Tibet, 1995, док. №1–10, 12–14.

²³ Подробно о приграничной торговле в период ранней Мин см. Sperling, 1983, С.202–240; Мартынов, 1970.

Хубилая, а Соднам Гьяцо – Пагба-ламы. Таким образом, монгольский правитель и тибетский иерарх объявили о восстановлении этих отношений. Алтан-хан поднес Соднаму Гьяцо золотую печать, на которой иерарх был назван «Ваджрадхарой²⁴, Далай-ламой» [Перих, 1999, С.160]. С тех пор линия тулку²⁵ школы Гелуг стала именоваться Далай-ламами.²⁶ «Далай» в переводе с монгольского языка означает «океан» – это слово уже в XIII веке использовалось в монгольских титулах для обозначения величия.

Китайские правители пристально следили за отношениями монгольских правителей и тибетских иерархов. И со временем, ввиду возраставшей среди монголов популярности буддизма, возникла идея о возможности влияния через буддийское духовенство не только на тибетцев, но и на монголов: как уже говорилось выше, «успокоение людей в далеких землях» было официально обозначено в качестве цели учреждения управлений по делам буддийской церкви.

Подводя итог характеристике минской политики в отношении Тибета, необходимо отметить несколько аспектов. В начале правления новой династии императоры стремились продолжить традицию отношений по принципу объединения духовной и светской власти в рамках концепции *чо-йон*. Однако в это время в Тибете светская власть была достаточно сильна, а в духовной сфере не было тенденции к утверждению доминирующей школы. Императоры в силу как политических интересов (в первую очередь обеспечения спокойствия на границах и организации торговли), так и религиозных, искали контактов с буддийскими иерархами, которые, принимая покровительство китайских правителей, не брали на себя роль лидеров, которые могли бы объединить Тибет. Так в минской политике в

²⁴ Санскр. Vajradhāra – «держатель ваджры», главный будда ваджраяны – тантрического буддизма.

²⁵ Тулку (монг. «хубилган») – институт «перерожденцев», возникший в Тибете в середине XIII века.

²⁶ Первый в линии тулку школы Гелуг Гэдун Дуб (1391–1447) и второй тулку Гэдун Гьяцо (1475–1542) были объявлены Далай-ламой I и Далай-ламой II соответственно. Согласно тибетской традиции, Далай-ламы почитаются как воплощения покровителя Тибета буддийского божества бодхисаттвы Авалокитешвары. Подробно о культурах Авалокитешвары, Ваджрадхары и Манджуши см. Елихина, 2010.

отношении Тибета поддерживалась традиция отношений между светскими правителями и духовными наставниками, установленная при империи Юань. Однако, при отсутствии единого духовного лидера в Тибете, эти отношения приобрели локальный и индивидуальный характер. Также поддерживались торговые связи на границе, и в отношении региональных правителей периферии была продолжена традиционная китайская политика приезда ко двору с «данью», носившая скорее символический характер, чем обозначавшая признание тибетцами реального подчинения. Как пишет Е.И.Кычанов, «это были нормальные, уже хорошо изученные современной наукой отношения средневекового Китая с соседями, в них не было ничего от взаимоотношений центральной власти и местной администрации. И прав В.Д. Шакабпа, когда пишет, что «кажется очевидным, что минские императоры рассматривали Тибет как независимое государство Западного края» [Shakabpa, 1967, С. 85]» [Кычанов, Мельниченко, 2005, С.61]. В то же время китайские ученые пишут о том, что управления по делам буддийской церкви являлись ведомствами, с помощью которых императоры «проводили свою политику в отношении национальных меньшинств на северо-западе» [Го Шэнли, 2012, С.85]. Европейские исследователи, в свою очередь, подчеркивают, что в вопросе регулирования отношений с тибетцами на границе нашла отражение традиционная китайская политика «использования варваров против варваров»: при помощи торговли на выгодных для «варваров» условиях, с ними поддерживались мирные отношения, и, в случае возникновения внешней угрозы, была возможность использовать их в качестве буфера – так обеспечивалось спокойствие на границе [Sperling, 1983, С.24].

Со второй половины XVI века в Тибете началось ослабление власти светских правителей и, в силу децентрализации управления, на политическую арену стали выходить влиятельные буддийские школы. Политические распри приобрели религиозный характер. Китай значительно

ослаб, а на севере росла новая сила – маньчжурское государство, в начале XVII века выдвинувшее претензии на наследство империи Юань.

§1.4. Установление тибетско-маньчжурских отношений и политика империи Цин в отношении Тибета до 1720 года.

Создание маньчжурского государства в конце XVI – начале XVII вв. связано с именем предводителя чжурчжэней Нурхаци (1559–1626). В 1616 году он, завершив социально-структурное и административное формирование воссозданного государства чжурчжэней, был провозглашен императором Хоу Цзинь – Позднего Цзинь.²⁷ Преемником основателя династии стал его сын Хунтайцзи (1592–1643), также известный в русскоязычной литературе под именем Абахай. В 1636 году, подчинив ряд монгольских территорий, император дал государству новое название – Цин («чистое») и принял девиз правления Чундэ.²⁸ После смерти Абахая в 1643 году на престол был возведен его малолетний сын Фулинь (1638–1661), правивший под девизом Шуньчжи. Реальная власть в империи перешла к 14-му сыну Нурхаци Доргоню. В 1644 году, когда восставшие в Китае крестьяне взяли Пекин, китайский военачальник У Саньгуй (1612–1678) обратился к маньчжурам за помощью. 6 июня 1644 года маньчжурские войска совместно с армией У Саньгуя заняли Пекин. Так в Китае началось правление новой чужеземной династии Цин, а маньчжурские правители, заняв китайский престол, постепенно стали превращаться в китайских императоров [Кычанов, 1997, С.232–235].

Государственная поддержка буддизма маньчжурами началась во время правления первых императоров - Нурхаци и Хунтайцзи. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают как религиозный аспект интереса правителей к буддизму, так и необходимость использования учения в качестве источника установления влияния в регионе и поддержания

²⁷ Об образовании маньчжурской империи см. Кычанов, 1997, С.207–237.

²⁸ Подробно о монгольско-маньчжурских отношениях см. Elverskog, 2006.

авторитета среди монгольского населения маньчжурской империи. [Мартынов, 1978, С.77; Успенский, 2011, С.151–177; Hevia, 1993, С.244–245; Farquhar, 1978, С.20] Д.Фаркухар в своем исследовании, посвященном культу цинских императоров как воплощений бодхисаттвы Манджуши, полагает, что буддизм не имел серьезного влияния при первых маньчжурских правителях, и приводит цитаты из «Правдивых записей», в которых маньчжурские императоры резко отзываются о буддийских монахах. Его мнение подтверждает факт установления ряда ограничений, касающихся вступления в монахи и строительства храмов [Farquhar, 1978, С.20–21]. Стоит, однако, отметить, что приведенные высказывания относятся не столько к учению, сколько к недостойному поведению монахов и слепой вере монголов ламам. Ограничения вступления в монахи же объяснялось, главным образом, тем, что многие уходили в монахи с целью уклонения от воинской повинности. Установленные Хунтайцзи правила ограничивали строительство как буддийских, так и даосских храмов, регулировали вступление в монахи и контролировали соблюдение устава [Кычанов, 1997, С.232]. Аналогичные меры были предприняты, как уже было отмечено во второй главе данного исследования, первыми минскими императорами. Целью этих действий было не столько противодействие распространению буддийской веры, сколько установление обеспечения контроля влияния религиозных объединений на политику и избежание использования веры в корыстных целях. В пользу того, что действия маньчжурских императоров были обусловлены объективными причинами, говорит строительство новых монастырей и запрет во время военных походов разрушать и грабить храмы. Признание же императоров Нурхаци и Хунтайцзи воплощением бодхисаттвы Манджуши стало важнейшим источником влияния нового маньчжурского государства на монголов и тибетцев [Farquhar, 1978, С.22–25]. В.Л.Успенский отмечает, что, так как маньчжуры усвоили тибетский буддизм на раннем этапе их государственности, «после создания империи он получил государственную поддержку и как их "национальная особенность" и

средство самоидентификации» [Успенский, 2011, С.152]. С.Группер полагает, что принятие посвящений Нурхаци и Хунтайцзи объяснялось не только необходимостью с помощью буддизма воздействовать на политическую ситуацию в регионе. Претендую на наследие империи Юань, маньчжурские императоры намеренно воссоздавали образ правителя-чакравартина, правление которого подтверждалось буддийской доктриной чо-йон. Тибетский буддизм был ими выбран не только для того, чтобы подчинить своему влиянию монголов и тибетцев. Учитывая смешанное культурное наследие и полигэтнический состав государства, включавшего маньчжуров, монголов и китайцев, правители новой династии предполагали, что принятие монгольского порядка, существовавшего во времена Юань, больше соответствовало их имперским амбициям [Grupper, 1984, С.52–55].

В Тибете, в свою очередь, к середине XVII века сложилась ситуация, когда необходимость поиска лидерами буддийских школ внешней поддержки в борьбе друг с другом, подпитываемая примером отношений сакьяских иерархов с юаньскими императорами, определила интерес к установлению отношений с усилившимся маньчжурским государством.

Начиная со второй половины XV века главными противоборствующими религиозно-политическими объединениями стали, с одной стороны, школа Карма-Кагью, поддерживаемая сначала светскими правителями Цзана – кланом Ринпунгов, а затем сменившими их Цзанпа, и с другой стороны, набиравшая силу школа Гелуг, пользовавшаяся покровительством правящего дома Пагмодупа, а после утраты ими власти, другими правителями Центрального Тибета – провинции Уй. Принципиальных расхождений в области религии между школами не было, причиной их вражды стало соперничество за политическое влияние.

В 1630-х годах с приходом в Кукунор халхасского Цогту-тайджи (1581–1637), в районе значительно усилилось влияние Карма. Осознавая угрозу, лидеры Гелуг были вынуждены искать поддержки в Джунгарии, ойратские ханы которой придерживались учения Цзонхавы [Пубаев, 1991, С.46].

Предводитель хошутов Гуши-хан (1582–1654) возглавил джунгарские войска и в 1637 году подчинил Кукунор. Побывав в Лхасе в качестве паломника, он получил от Далай-ламы V Нгаван Лосанг Гьяцо (1617–1682) титул «Дхармаджага, поддерживающий религию». Японская исследовательница Ю.Исихама отмечает, что этот титул не столько безоговорочно передавался по наследству, сколько подтверждался Далай-ламой, когда наследники Гуши-хана вступали в свои права [Ishihama, 1992, С.506–507]. В 1642 году Гуши-хан овладел Шигадзе, объединив таким образом Тибет. Далай-лама V был признан светским и духовным правителем Тибета, а хошутский правитель был провозглашен «Царем Тибета». Сановник Далай-ламы V Соднам Чойпэл (ум. 1657) получил титул *дэси*²⁹ [Samuel, 1993, С.527].

Таким образом, к середине XVII века на геополитической арене Восточной Азии образовалось два государства: маньчжурская империя Цин (1636 год) и государство Гуши-хана, в состав которого вошел объединенный Тибет (1642 год), власть в котором была передана Далай-ламе. Оба государства нуждались в укреплении своего влияния, тем более, что империя Мин на момент установления их отношений еще продолжала существовать, утратив власть лишь в 1644 году. Это во многом определило интересы сторон при первых контактах. А.С.Мартынов, анализируя историю формирования маньчжурского государства, отмечает общность его идеологической традиции с империей Мин и делает вывод, что тибетско-маньчжурские отношения сопровождались самоконституированием маньчжурской стороны в качестве Поднебесной империи, и их необходимо рассматривать с точки зрения общих принципов традиционной китайской политической теории [Мартынов, 1978, С.78]. В то же время, когда, подчинив себе Китай, маньчжуры стали перенимать китайскую культуру, им было необходимо

²⁹ Обязанности *дэси* иногда сравнивают с обязанностями первого министра, однако в европейской историографии за тибетским названием *дэси* закрепился перевод «регент». Соднам Чойпэл занимался делами, касающимися внутренней и внешней политики, обращаясь к Далай-ламе лишь по делам особой важности [Шакабпа, 2003, С.111].

средство для самоидентификации, роль которого играл маньчжурский язык и, как мы уже отмечали выше, в определенной степени тибетский буддизм. Что же касается китайской идеологии, то первые десятилетия, принимая ее в основном, императоры все же делали это не без оговорок, рассматривая альтернативные идеи. Таким образом, во время установления отношений с Тибетом, при дворе цинских императоров была характерна борьба за влияние китайской традиционной системы взглядов во главе с конфуцианскими ортодоксами и ее оппонентов, отстаивавших необходимость принятия решений с учетом особенностей маньчжурских национальных интересов. Спецификой первых посольств с тибетской стороны было то, что, будучи отправленными в Мукден³⁰ еще до 1642 года, они состояли из представителей противоборствующих религиозно-политических течений, каждый из которых просил стать императора покровителем своей буддийской школы.

В Цинских «Правдивых записях» приведена следующая последовательность событий, предшествовавших визиту Далай-ламы V в Пекин:

23 сентября 1637 года – халхаские и ойратские князья попросили императора Хунтайцзи пригласить Далай-ламу ко двору.

01 ноября 1639 года – в Лхасу отправлен Чахань-лама³¹ с письмами к тибетскому хану и верховному ламе, выражавшим желание поддерживать буддийское учение.

25 октября 1642 года – в Мукден прибыло посольство от Далай-ламы во главе с Илагуксан-хутухтой и посол от Цзанпа-хана.

20 июля 1643 года – отправлено ответное посольство в Тибет во главе с Чахань-ламой с письмами и подарками от императора Далай-ламе, Панчен-

³⁰ Совр. Шэньян. Столица маньчжурского государства с 1625 года до подчинения Китая в 1644 году.

³¹ Чахань-лама или Бай-лама – «Белый лама», линия хубилганов, проживавших в «Черном храме» Дай Циггуча в Пекине. Первый «Белый лама» прибыл к маньчжурам при Нурхаци и с тех пор выполнял поручения маньчжурских правителей, связанных с отношениями с Тибетом [Успенский, 2004, С.70].

ламе, Кармапе, Цзанпа-хану и другим тибетским светским и духовным высокопоставленным лицам [Цин Шилу, С.1–9].

В результате обмена посольствами, после падения империи Мин в 1644 году, начались массовые приезды ко двору тибетских *тусы* и *хутухт*, стремившихся поменять минские символы власти на аналогичные цинские. Однако в письмах отсутствуют какие-либо отправные моменты, указывающие на установление официальных отношений, что свидетельствует об их характере не как устанавливаемых, а априорно существующих, как и во времена династии Мин, в полном соответствии с унаследованной китаецентристской системой взглядов. Тибето-маньчжурские отношения в рамках этой теории не выходили за рамки политической системы «империя – периферия», а посольства рассматривались как приезд ко двору с данью. Тем не менее, анализируя характер и содержание первых писем, адресованных тибетскому духовенству, А.С.Мартынов отмечает, что, в отличие от писем к светским правителям, в них четко прослеживается в качестве цели не признание ими власти императора, а содействие распространению тибетского буддизма. Действуя по принципу «призываия варваров» в отношениях с правителями светскими, маньчжуры, судя по характеру переписки с религиозными лицами Тибета, скорее были ближе к монгольской традиции покровительства буддийских иерархов [Мартынов, 1978, С.80–84]. Следует также отметить, что полное официальное отождествление первых маньчжурских правителей с сыновьями Неба, получившими его благоволение на основание новой династии, произошло только некоторое время спустя в XVIII веке, когда маньчжурский двор был в большей степени китайизирован [Там же, С.63].

Последовавший за первыми посольствами приезд Далай-ламы V в Пекин в 1652-53 гг., будучи одним из важнейших событий середины XVII века регионального значения, стал объектом исследований многих

отечественных и зарубежных ученых.³² Поэтому в нашей работе мы не будем приводить тексты документов и подробно описывать события, связанные с его приездом, а ограничимся обобщением выводов авторитетных ученых, занимавшихся данным вопросом.

События, предшествовавшие непосредственно визиту Далай-ламы, представляют несомненный интерес для исследователей, так как они в значительной степени определяют статус тибетского иерарха. Император Шуньчжи, по предложению Гуши-хана, направил в Лхасу посольство с приглашением, которым Далай-лама воспользовался и в середине 1652 года прибыл к границам Китая. Оттуда он направил в Пекин письмо с просьбой встретить его за границами империи. Это вызвало острую полемику при дворе: маньчжурские чиновники настаивали на необходимости встречи иерарха во «внешних землях», подчеркивая важность установления с ним хороших отношений, так как союз с влиятельным ламой должен был способствовать приведению в покорность монголов Халхи. Китайские чиновники считали это недопустимым, так как императору «не пристало ездить встречать ламу». Так, приезд Далай-ламы V оказался включен в контекст борьбы маньчжурской и монгольской знати и китайской бюрократии за установление типа правления. Победу одержали последние. Любопытно, однако, что в обращении к чиновникам, спрашивая их рекомендации, сам Шуньчжи писал, что он намеревался встретить ламу, опасаясь, что тот повернет обратно, если ему неказать достаточного уважения, и тогда Халха не покорится [Мартынов, 1978, С.103, 109–110]. Также существуют свидетельства, что император собирался при встрече публично поклониться Далай-ламе, но от этого его отговорили [Успенский, 2011, С.136]. В результате обсуждений было найдено компромиссное решение, и император встретил тибетского иерарха в пригороде Пекина Наньюань. Обсуждение вызвали также вопросы о том, стоит ли императору

³² См. Мартынов, 1978, С.88–139; Успенский, 2011, С.135–142; Ahmad, 1970, С.166–185; Tuttle, 2006; Rockhill, 1910, С.14–18.

советоваться с Далай-ламой по политическим вопросам и даже, стоит ли осведомляться о его здоровье. По этим вопросам решение было отрицательным [Мартынов, 1978, С.112–113]. 16 мая 1653 года Далай-лама получил от императора титул, диплом и печать для себя и Гуши-хана.³³ После нескольких торжественных приемов тибетский иерарх, сославшись на плохое самочувствие, покинул Китай, несмотря на уговоры остаться с маньчжурской стороны.

Существует множество трактовок итогов визита и объяснения его причин, затрагивающих различные религиозно-политические аспекты деятельности маньчжуров и тибетцев на международной арене. В соответствии с китайской традиционной системой взглядов, приезд Далай-ламы в Пекин обозначал признание власти императора, а привезенные дары рассматривались как дань [Zheng Shan, 2001, С.186–187]. Противопоставляется этой точке зрения трактовка событий в ключе доктрины *чо-йон*, когда независимый тибетский правитель и духовный лидер вступал в договорные отношения с покровителем буддийской веры [Rockhill, 1910, С.17–18]. З.Ахмад пишет, что в рамках последней теории визит Великого Пятого оценивается как миссионерская деятельность [Ahmad, 1970, С.183]. Как маньчжуры, так и тибетцы были заинтересованы в установлении отношений, поэтому приезд Далай-ламы был организован так, чтобы ни одна из сторон не потеряла лицо. Долгая переписка относительно порядка встречи и проведения соответствующих церемоний привела к компромиссным решениям, и в итоге обе стороны получили возможность трактовать произошедшее по-своему. Исследователи подчеркивают разные важные аспекты описываемых событий. А.С.Мартынов пишет, что Далай-лама рассчитывал на возвращение тибетскому буддизму в лице школы Гелуг прав, которыми он пользовался при дворе Юань, когда учение находилось под покровительством во всей империи, а отношения по принципу *чо-йон*

³³ Подробно о титулах и дипломах Далай-ламы и Гуши-хана см. Мартынов, 1978, С.115–133; Ahmad, 1970, С.184–185.

поддерживали политическое господство буддийской церкви в Тибете. Император Шуньчжи, несмотря на готовность оказать ламе больше почета, чем того требовала китайская традиция, руководствовался в том числе политическими целями, стремясь с помощью Далай-ламы утвердить свое влияние на халхаских монголов. Также А.С.Мартынов отмечает изменение отношения маньчжурского двора к тибетскому иерарху по сравнению с периодом правления Хунтайцзи, в письмах которого прослеживалась в первую очередь забота о судьбе буддизма в империи. Подводя итог анализу описываемых событий, обратим внимание на уступки со стороны императора: в дошедших до нас многочисленных китайских документах отсутствует традиционный способ объяснения приезда на основе принципа «стимул – реакция». А.С.Мартынов объясняет это тем, что маньчжурское господство еще не окрепло, и «политическая обстановка заставляла двор искать союзников, даже платя за это ценой отклонения от привычных традиционных форм». [Мартынов, 1978, С.88, 104]. В.Л.Успенский характеризует визит Далай-ламы V в Пекин как «взаимное признание глобальных политико-религиозных перемен, произошедших на огромном пространстве... Император подтвердил легитимность действий Гуши-хана и исключительное положение далай-ламы (которое он получил за десять лет до своего визита в Пекин)... Со своей стороны, далай-лама освятил завоевания новой династии и с буддийской точки зрения придал им легитимность в глазах значительного числа монголов и тибетцев» [Успенский, 2011, С.137–139].

Важным итогом сближения с маньчжурами стало изменение положения внутренних дел в Тибете. Выдвижение религиозного лидера на первый план дало возможность оттеснения от светского управления монгольских князей, которые, будучи поглощены внутренними распрями после смерти Гуши-хана в 1656 году, в значительной степени утратили свои позиции в Тибете вплоть до начала XVIII века. Об этом свидетельствуют, в том числе, назначения Далай-ламой на должность *дэси* (в 1660 г. – Тринпел

Гьяцо, в 1669 г. – Лосанг Тутоб и в 1679 г. – Сангье Гьяцо (1653–1705)³⁴) без участия хошутских «царей Тибета». Тем не менее, Тибет продолжал включаться в состав владений, которые сыновья Гуши-хана делили между собой: до 1660 г. Даши-батур и Даян-хан правили Тибетом совместно, а в 1660 году, поделив наследие отца, оставили Центральный Тибет за Даян-ханом, а Даши-батуру достался Кукунор. Со смертью Даян-хана в 1670 году власть хошутов в Тибете еще более ослабла. Номинально же монгольским правителем Тибета оставался сын Даян-хана Далай-хан до своей смерти в 1700 году [Hummel, 1943–1944, С.265–266; Кычанов, Мельниченко, 2005, С.74].

Когда Далай-ламе V удалось выйти из-под контроля монгольских правителей, Тибет, тем не менее, не стал зависим от цинской империи. Об этом свидетельствуют обстоятельства подавления в Китае восстания У Саньгуя в 1678 году. Император Канси (гг. правл. 1661–1722) предложил Тибету принять участие в подавлении мятежников, однако Далай-лама вежливо отказал маньчжурскому правителю, сославшись на неподходящий для тибетцев китайский климат [Кычанов, Мельниченко, 2005, С.76]. Император также вел переписку с Далай-ламой, пытаясь привлечь его к разрешению конфликта с джунгарским ханом Галданом (правл. 1673–1697), так как последний был учеником Великого Пятого, в силу семейных обстоятельств сложившим монашеские обеты в 1673 году. Хан Галдан был разгромлен императором Канси, лично возглавившим поход против джунгарского правителя, в 1696 году [Hummel, 1943–1944, С.265-266; Успенский, 2011, С.159, 179].³⁵ Анализируя переписку Канси с Далай-ламой, касавшуюся участия тибетского лидера в решении этого конфликта, А.С.Мартынов также приходит к выводу, что «Далай-лама рассматривался в качестве самостоятельного агента действия», а Тибет «находился не только

³⁴ О назначении Сангье Гьяцо см. Richardson, 1980.

³⁵ Об ойратско-маньчжурской войне см. Rockhill, 1910, С.22–29; Ishihama, 2003, С.157–164.

за пределами имперского управления, но, пожалуй, даже за пределами маньчжурских интересов» [Мартынов, 1978, С. 141, 155].

Таким образом, когда, объединив Тибет, Гуши-хан передал бразды правления Далай-ламе V, духовный лидер, сосредоточив в своих руках религиозную и светскую власть в стране, по сути, стал ее единоличным правителем. Благодаря своим личным качествам и успешной деятельности как в политической, так и в религиозной сфере на территории Восточной Азии, Нгаван Лосанг Гьяцо вошел в историю как «Великий Пятый». Об авторитете, завоеванном им за время своего правления, свидетельствует то, что факт его смерти в 1682 г. *дэси* Санье Гьяцо скрывал на протяжении пятнадцати лет, управляя от его имени Тибетом. Пользовался именем умершего Далай-ламы V и маньчжурский двор: когда Санье Гьяцо в 1697 году официально объявил о его смерти, император ответил, что уже знал об этом несколько лет. Тем не менее, Канси отправлял Далай-ламе V письма и после 1682 года, и в общении с монголами ссылался на его авторитет. Так, конфликт джунгарских князей с халхаскими был временно уложен в 1686 году, главным образом, благодаря вмешательству Лхасы по просьбе императора [Ермаченко, 1974, С.86; Rockhill, 1910, С.22]. А.Хюммель также приводит сведения о многократных попытках Канси привлечь Далай-ламу к решению в 1680-х годах конфликтов в Халхе, вошедшей в 1691 году в состав империи Цин [Hummel, 1943–1944, С.266-267]. Ю. Исихама также сообщает о том, что слово Далай-ламы действительно имело значение в решении этого вопроса, так как после того, как был обнародован факт смерти Далай-ламы V, это вызвало гнев императора и его обвинения в фальсификации слов духовного лидера в адрес регента Санье Гьяцо [Ishihama, 2003, С.161].

Внутренняя стабильность в Тибете во второй половине XVII века обеспечивалась, прежде всего, личностью Далай-ламы V, который являлся авторитетом и для тибетцев, и для хошутов, и для Канси. Поэтому утайка его смерти объяснялась как стремлением Санье Гьяцо продолжать управлять Тибетом, так и поддерживать в нем спокойствие. Ситуация с утайкой смерти

Далай-ламы V выяснилась после поражения Галдан-хана в 1696 году. Согласно китайским источникам, в ходе военных действий Галдан ссылался на поддержку Далай-ламы. Узнав от пленных, что регент, обманывая его столько лет, от имени Далай-ламы поддерживал монгольского правителя, Канси был в страшном гневе. Он также обвинил Санье Гьяцо в том, что тот препятствовал поездке в Пекин Панчен-ламы, приглашенного императором. И тем не менее, Канси направил для участия в церемонии интронизации Цаньяна Гьяцо Далай-ламой VI официального представителя – Джанджакутухту Нгаван Лосанг Чойдэна (1642–1714) [Цин Шилу, С.157–163; Rockhill, 1910, С.25–27; Petech, 1972, С.9–10].

Когда раскрылся обман регента, маньчжуры, утратив доверие к Санье Гьяцо, обратили свой взгляд к представителю второй по популярности линии тибетских хубилганов – Панчен-ламе V³⁶ Лосант Еше Пэлсанпо (1663–1737). С 1693 по 1698 год император многократно приглашал его в Пекин, аргументируя необходимость приезда как религиозными, так и политическими причинами. Наряду с глубоким пониманием Учения и благими заслугами Панчен-ламы, Канси писал о том, что Далай-лама стар, а регент завистлив, и может, учитывая влиятельность Панчен-ламы подговорить Галдана его убить. Однако поездка все же не состоялась [Цзян Пин, 1998, С.19]. Тем не менее, Канси продолжил переписку с Панчен-ламой и 24 февраля 1713 года пожаловал ему титул «Эрдэни»³⁷ (тиб. «Ринпоче») – «драгоценный», грамоту и печать [Цин Шилу, С.188].³⁸

Вопрос о том, кто должен управлять Тибетом после смерти «Великого Пятого», осложнялся не только тем, что он успел передать управление страной регенту, а монгольские князья, унаследовавшие титул «царя Тибета»

³⁶ Существуют расхождения в вопросе нумерации Панчен-лам. При жизни титул «Панчен-лама» получил четвертый, по счету более поздней традиции, Панчен-лама Лосан Чойгы Гьялцэн. Таким образом, в некоторых случаях Лосан Еше Пэлсанпо фигурирует как Панчен-лама V, а некоторых – как Панчен-лама II.

³⁷ Mayers, №585.

³⁸ Текст указа см. A collection of historical archives, 1990. №36

от Гуши-хана, также претендовали на полноту власти. Кроме того, титул Далай-лам передавался не по наследству, а по линии перерождений, т. е. следующего новорожденного духовного лидера искали при помощи оракулов, определяющих по знамениям, где и когда он должен был родиться. В 1685 г. по тайному распоряжению *дэси* были организованы поиски нового воплощения «Великого Пятого».

В воспитании мальчика Цаньяна Гьяцо, призванного Далай-ламой VI, Санье Гьяцо принял активное участие, уделяя особое внимание светским дисциплинам. Далай-лама VI рос своевольным юношей, гораздо больше времени посвящая поэзии, стрельбе из лука, вину и женщинам, нежели религиозным занятиям или делам управления Тибетом. В итоге вместо того, чтобы принять все необходимые монашеские обеты в 1702 г., он сложил с себя даже те обеты, которые уже успел принять [Шакабпа, 2003, С.141–142].

В это время в Тибете разгоралась борьба за власть между Санье Гьяцо и главой хошутских монголов в Центральном Тибете Лхавсан-ханом. В 1703 г. регент был вынужден уйти в отставку. Это было вызвано недовольством монголов, а также ухудшением его отношений с Далай-ламой VI. Однако Санье Гьяцо продолжал управлять тибетской администрацией, оставаясь в тени. Лхавсан-хан также претендовал на полноту власти в Тибете. О его вражде с регентом свидетельствуют китайские источники, в которых упоминается попытка Санье Гьяцо отравить монгольского правителя [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.16а]. В 1705 г. конфликт перерос в вооруженное столкновение. Бывший регент потерпел поражение и был казнен. Лхавсан-хан, при поддержке цинского двора, с которым он вел переписку, объявил Цаньяна Гьяцо «фальшивым» Далай-ламой. Высшие религиозные авторитеты Тибета не решились его поддержать, однако это не помешало Лхавсан-хану объявить, что найден «настоящий» Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо. Нового духовного лидера признали Панчен-лама V и цинский двор. В 1709 г. по указу императора Канси Нгаван Еше Гьяцо была дарована печать

Далай-ламы VI [Там же, Цз.91, Л.17а]. Однако среди тибетского населения он не пользовался авторитетом ни как религиозный деятель, ни как политик.

«Поддельный» Далай-лама VI Цаньян Гьяцо был низложен и отправлен в ссылку. Он умер по дороге в Пекин 14 ноября 1706 г. В то же время были организованы поиски его перерождения. Согласно традиции, намек на то, где искать новое воплощение, должен был сделать умерший предшественник. Этот намек был найден в стихах Далай-ламы VI:

Птица, белый журавль,
Мне крылья сильные отдань, пожалуйста.
В дальних краях не задержусь,
Литан облечу и вернусь [Савицкий, 1983, С.140].

Журавль в тибетской традиции является символом долголетия. Таким образом, слова Цаньяна Гьяцо, по некоторым истолкованиям, подразумевали продолжение его жизни путем перерождения в Литане и последующим возвращением в Лхасу Далай-ламой VII.

Кэлсанг Гьяцо, будущий Далай-лама VII, родился в девятнадцатый день седьмого месяца года земли-мыши по тибетскому календарю (3 сентября 1708 г.) в Литане в области Кам. В 1712 г. кукунорские правители цинь-ван Батур Тайджи (1632–1714, младший сын Гуши-хана Даши Батур, глава хошутских монголов в Кукуноре) и цзюнь-ван Галдан Эрдени Джунанг (ум. 1735, правнук Гуши-хана Чаган Дандин) официально объявили найденного в Литане мальчика Далай-ламой VII. Лхавсан-хан отправил послов разобраться в сложившейся ситуации, и они объявили Далай-ламу Кэлсанг Гьяцо «фальшивым» [Б7ДЛ, Л.17а–18б]. Согласно сведениям из ВУГТБКВМТ, хан был напуган и направил войска убить Кэлсанг Гьяцо [ВУГТБКВМТ, Цз.92, Л.5а].

Цинский двор не сразу определил свои позиции относительно происходящего в Тибете. Маньчжуры были заинтересованы в раздробленности монгольских племен и стремились оказывать на них

влияние, заручившись авторитетом духовного лидера буддистов – Далай-ламы. Однако сам Тибет пока не входил в сферу территориальных интересов цинской империи. Лхавсан-хан, с одной стороны, проявлял лояльность по отношению к императору, с другой – поддерживал связь с джунгарами, главным противником маньчжуротов на внешнеполитической арене в это время. Кроме того, позиции Лхавсан-хана в Тибете были не столь прочны. По императорскому указу 8 марта 1709 г. в Тибет был отправлен чиновник по имени Хэшоу, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Официально он был назначен императором «управляющим делами Тибета» (кит. гуань ли си цзан ши у) [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.17а; Цин Шилу, С.186]. Миссия Хэшоу также предполагала контроль за составлением карты Тибета, которую он привез в Пекин в 1711 году [Du Halde, 1735, С.459-460]. Однако «управляющий» пробыл в Тибете недолго. 22 апреля 1710 г. Хэшоу получил императорский указ – вручить Нгаван Еше Гьяцо грамоту и печать. В качестве причины признания его Далай-ламой были указаны заверения Панчен-ламы и Лхавсан-хана в том, что он сведущ в буддийском учении. Однако когда кукунорские князья уличили Лхавсан-хана в обмане, император решил взять под опеку Далай-ламу Лосанг Кэлсанг Гьяцо из Литана, а Хэшоу покинул Тибет [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.17а; Цин Шилу, С.186–187]. Нового «управляющего делами Тибета» Канси не назначил, и эта схема представительства не стала функционировать на постоянной основе. Хэшоу иногда называют первым амбанем³⁹, так как это был первый официальный представитель маньчжуротов, отправленный на постоянное проживание в Тибет, чтобы следить за происходящими там событиями [Чэнь Байпин, 2004, С.19]. Ж. Колмаш расценивает миссию Хэшоу как первую удачную попытку маньчжурского вмешательства во внутренние дела Тибета,

³⁹ «Амба» в переводе с маньчжурского значит «большой». Поэтому «амбань» стал общим термином для высшего руководства как в Пекине, так и на местах. В китайской литературе закрепился перевод да-чэн — « большой чиновник ». В тибетском языке также существует аналог — mi drags, однако чаще встречается фонетическая транскрипция ‘am ban.

однако возникновение института амбаней относит к 1727 г. [Kolmaš, 1992, С. 543]. Само же слово «амбань» в отношении цинских чиновников в Тибете в китайских документах впервые встречается в указе 25 сентября 1731 г. [Цин Шилу, С.350].

Канси приказал отправить Далай-ламу Кэлсанг Гьяцо в Китай, но Чаган Дандин и Лобсан Дандин (род.1692) попросили разрешения императора поселить его в монастыре Кумбум, опасаясь дальних путешествий из-за опасности заболевания оспой. Можно также предположить, что они хотели получить поддержку и признание Канси, но при этом не упустить Кэлсанг Гьяцо из-под своего контроля. Император повелел после того, как Далай-лама прибудет в монастырь, оставить сопровождавших его маньчжурских воинов в качестве охраны [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.17б]. Выбор монастыря можно объяснить как политическими, так и религиозными причинами: с одной стороны, он располагался в пределах досягаемости маньчжуков – на территории Цинхая; с другой стороны этот монастырь был основан Далай-ламой III на месте рождения основателя школы Гелуг Цзонхавы. В монастырь Далай-лама прибыл в сопровождении своего отца Соднама Даргье, который несколько лет спустя стал важнейшей политической фигурой в Тибете. В Литан для охраны Кэлсанг Гьяцо были направлены маньчжурские войска из Дацзянлу [ВУГТБКВМТ, Цз.92, Л.5а–б].

Таким образом, после смерти Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо расстановка сил в Тибете приобрела следующий характер: светским правителем являлся Лхавсан-хан; на место духовного лидера Тибета претендовали ставленник Лхавсан-хана, Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо, признанный Панчен-ламой, и Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо, поддерживаемый оппозиционно настроенным духовенством и кукунорскими правителями. Тибетская аристократия не приветствовала существующий режим, при котором вся полнота власти находилась в руках хошутского хана, который проявлял лояльность по отношению к династии Цин. Традиционность, присущая тибетскому обществу, также склоняла знать на

сторону Далай-ламы VII из Литана, которого они считали перерождением Далай-ламы VI Цаньяна Гьяцо. Тем не менее, сторонники Лхавсан-хана были и среди тибетских аристократов. Одним из них был Соднам Тобгье (1689–1747), известный как Полханэ, сыгравший важнейшую роль в междоусобной войне 1727–1728 гг. и ставший затем светским правителем Тибета. Цинский двор, поначалу выступивший на стороне Лхавсан-хана, затем признал «настоящим» Далай-ламой Кэлсанг Гьяцо, не оставляя в то же время попытки наладить отношения с Панчен-ламой, мнение которого также играло важную роль в Тибете.

Заручившись поддержкой более авторитетного и признаваемого верующими буддистами Далай-ламы, маньчжуры стремились усилить свое влияние на монголов и тибетцев. Отправляя воинов сопровождать Кэлсанг Гьяцо в Кумбум, император велел им не только остаться для охраны Далай-ламы, но и следить за тайным проникновением в Тибет джунгаров [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.176]. Их правитель Цеван Рабтэн (правл.1697–1727 гг.), наблюдая за усилением китайского влияния на события в Тибете, стремился, в свою очередь, контролировать ситуацию, поддерживая отношения с Лхавсан-ханом. Политический союз был скреплен брачными узами: сам Цеван Рабтэн был женат на сестре Лхавсан-хана, а в 1714 году состоялась свадьба его дочери и сына Лхавсан-хана Галдан Данзина (ум. 1721). Заключение этих браков также послужило средством поддержания иллюзии безопасности у тибетского правителя, в то время как Цеван Рабтэн обдумывал план вторжения в Тибет. По случаю свадьбы сына, джунгарский правитель попросил у Лхавсан-хана деньги и 800 солдат. Как отметил Л. Петех, «нечасто случается, чтобы правитель преуспел в том, чтобы его военные расходы были заранее оплачены его же будущим противником» [Petech, 1972, С. 33–34].

В 1717 г. джунгарская армия вступила в Тибет. Декларируемыми целями джунгарского вторжения были месть за смерть дэси Сангье Гьяцо, возвращение власти в стране тибетцам и водворение в Лхасе законного

Далай-ламы VII. Джунгары захватили Лхасу и подвергли ее разграблению, Лхавсан-хан был убит в сражении.

Цеван Рабтэн заручился поддержкой лам трех важнейших монастырей Тибета (Сэра, Гандэна и Дрепунга), и 30 ноября 1717 года войска под предводительством его двоюродного брата Церина Дондуба взяли Лхасу.⁴⁰ Город был подвергнут разграблению. Особенной жестокостью отличались действия джунгаров в отношении последователей Ньингмы.

Существуют разные теории о том, почему джунгары были столь нетерпимы к «Старому учению». По мнению католического миссионера Ипполито Дезидери, ставшего свидетелем кровавых событий в Тибете 1717–1720 годов, причиной гонений на «Старую школу» стали зависть и ненависть желтошапочников, к которым относился и Церин Дондуб [Desideri, 2005, С.220–221]. Еще один современник этих событий, ученый лама Сумба-Хамбо Ешай-Пэлджор в «Анналах Кукунора» о причинах неприязни джунгаров к Ньингме сообщает следующее:

«Ранее Лхавсан-хан из Тибета⁴¹ и правитель Джунгарии хунтайджи Цеван Рабтэн пребывали во взаимном согласии, однако Лхавсан стал тайно практиковать старую веру, и перед тем, как его призвал к себе Владыка смерти,⁴² он положил письменные проклятия в некоторые седла и одежду, которые были направлены в Джунгарию в качестве подарков. Джунгары признали от посыльного (...) о семи письменных проклятиях и др. и поэтому в год огня-птицы (1717 г.) из Джунгарии вышли пять командующих войсками: Церин Дондуб, Чойпэл, Тобчи, Санье и Дугкар Джейсан вместе со своими армиями...» [Sum-pa mkhan-po, 1969, С.22–23].

Таким образом, Сумба-Хамбо говорит о том, что использование ньингмапинских ритуалов против монголов было причиной не только гонений на Ньингму, но и самого вторжения джунгаров в Тибет.

⁴⁰ Подробнее о джунгарском вторжении см. Petech, 1972, С.32–65.

⁴¹ Тиб. Dbus gtsang

⁴² Тиб. gshin rje chos rgyal, см. Nebesky-Wojkowitz, 1996, С.82.

Рассуждая о религиозных причинах конфликта и военного вторжения, также не следует забывать и о геополитических интересах джунгаров, которые в то время стали главным противником Цинской империи на внешнеполитической арене. Среди декларируемых целей джунгарского вторжения было возвращение в Лхасе законного Далай-ламы VII. И если бы Церину Дондубу действительно удалось захватить Далай-ламу, находившегося в то время под охраной цинских и кукунорских войск в монастыре Кумбум, и привезти его в Лхасу, он бы смог не только захватить власть путем военного вторжения, но и стать новым монгольским «покровителем веры». Таким образом, переход светского правления в Тибете от хошутских монголов, лишившихся власти в 1717 году со смертью Лхавсан-хана, к джунгарам, было бы подтверждено на уровне традиционной буддийской доктрины, игравшей в Тибете столь важную роль.

Несмотря на взятие столицы и свержение существовавшего в Тибете режима, положение джунгаров было очень непрочным. Главный козырь – Далай-лама – оказался вне пределов их досягаемости. Это означало, что на поддержку тибетского духовенства можно было больше не рассчитывать.

Церин Дондуб попытался организовать светскую власть, образовав тибетское марионеточное правительство в Лхасе, возглавленное тайджи Лхагьялом Рабтэном (?–1720).⁴³ Что касается религиозной организации, джунгары низложили ставленника Лхавсан-хана, сослали в монастырь Чагпори. Отсутствие Кэлсанг Гьяцо в Лхасе не помешало им объявить его законным духовным лидером Тибета. Однако поддержки внутри Тибета у джунгарского правителя не было, поэтому удержать правление Церин Дондуб мог, лишь опираясь на армию. Но и с военной точки зрения, положение было критическим. Армия была невелика и измотана. Джунгары контролировали лишь Лхасу и часть центрального Тибета. Западные территории стали плацдармом для сопротивления, организованного

⁴³ Также известен как Тагцэпа.

Канченнэ⁴⁴ (ум. 1727) и Полханэ. Кам, находящийся под контролем местного духовенства, все больше тяготел к Китаю. А кукунорские хошутские правители проявляли лояльность по отношению к цинскому двору с момента принятия дарованных императором титулов в 1697 году [Petech, 1972, C.51].

В этих обстоятельствах в марте 1718 года император Канси получил письмо уже покойного Лхавсан-хана о помощи. Терпя одно поражение за другим, хошутский «царь Тибета» был вынужден просить маньчжуротов о военном вмешательстве [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.19б.].

Последовавший ввод маньчжуро-монголо-китайских войск на территорию Тибета и водворение Далай-ламы VII Кэлсанг Гьяцо в 1720 году в Лхасе по указу императора Канси открыли новую страницу в истории политики империи Цин в отношении Тибета.

⁴⁴ Тиб. Khang-chen-nas, букв. «из местности Канчен». Настоящее имя Соднам Гьялпо, однако в китайских текстах, а также в европейских исследованиях он больше известен как Канченнэ. Был первым министром при Лхавсан-хане и правителем области Нгари с 1715 г.

Глава 2. Начало новой политики империи Цин в отношении Тибета.

§2.1. О значении событий 1720 года в истории Тибета.

До получения от Лхавсан-хана письма с просьбой о военной помощи в 1718 году, император Канси не рассматривал Тибет как приоритетное направление внешней политики. После установления отношений с Далай-ламой V маньчжурский двор обращал свой взор в сторону Тибета, главным образом, когда возникала необходимость использовать влияние духовного лидера буддистов на монголов, которые оставались в центре внимания империи Цин. Как и предшественников маньчжуров – династию Мин, новую империю, прежде всего, интересовало спокойствие на границе и номинальное признание вассалитета. С выяснением обстоятельств сокрытия смерти Далай-ламы V регентом, внимание к делам в Тибете повысилось. Как уже было упомянуто в Главе 1, император даже направил в Тибет чиновника, чтобы тот разобрался в противоречивой ситуации и проконтролировал составление карты местности. Однако намерения ввода войск на тибетскую территорию у него не было. Не менее пристально следил цинский двор за планами и действиями джунгаров и уже в 1717 году знал о готовящемся вторжении. Лхавсан-хан, находившийся в постоянном контакте с маньчжурами, регулярно докладывал в Пекин о происходящих в Тибете событиях. Однако это был не единственный источник информации маньчжурского двора. В обращенном к Лхавсан-хану послании 1717 года император сам предупредил его о том, что Цеван Рабтэн послал армию с целью захватить Тибет и подчинить Кукунор [ВУГТБКВМТ, Цз.91, Л.18а]. Таким образом, просьба о военной помощи, полученная в марте 1718 года не была для Канси неожиданной.

После ввода в Тибет войск в 1720 году его включение в административную систему цинской империи по-прежнему не являлось первостепенной задачей внешней политики маньчжуров. Это был достаточно бедный труднодоступный район с суровым климатом, земли его были

неплодородны, и с местного населения нельзя было получить достаточный налог. Однако Тибет был духовным центром буддизма, и Далай-лама имел огромное влияние на умонастроения тибетцев, монголов, а также определенной части населения империи Цин, в том числе на многих высокопоставленных лиц. Поэтому Тибет оставался точкой пересечения geopolитических интересов главных сил региона. Маньчжуры были не сильно заинтересованы в полном контроле над ситуацией в Тибете только до тех пор, пока он не попадал под влияние монгольских племен, будь то джунгары – главный соперник цинской династии на внешнеполитической арене того времени, или кукунорские князья, которые, имея в своей власти Тибет, могли бы, объединившись, со временем выйти из под контроля. Принимая решение об отправке армии в Лхасу, император руководствовался, не столько идеей подчинения Тибета, сколько нежеланием допустить антицинского альянса на его территории. По свидетельствам И.Дезидери, тибетское духовенство, как и многие местные светские правители, было настроено против Лхавсан-хана и поддерживало контакты с джунгарами, которые согласились помочь им свергнуть хошутского «царя Тибета», низложить его ставленника Нгаван Еше Гьяцо и посадить на трон литанского хубилгана. И если бы их план возвести на престол Кэлсанг Гьяцо удался, тибетцы, по мнению И.Дезидери, непременно встали бы на сторону объединившихся ойратов в борьбе с цинской империей [Desideri, 2005, С.151–154]. В соответствии с письмами 14-го сына императора Канси Юньти (1688–1755), которому было поручено командование объединенными войсками, в дальнейшие планы джунгаров действительно входило завоевание Китая при содействии кукунорских хошутов и тибетцев. Исихама Юмико в своем исследовании, посвященном событиям 1720 года, приводит перевод на английский язык маньчжурского источника, в котором сообщается, что император был проинформирован о том, что Чаган Дандзин и Цеван Рабтэн планировали совместные антицинские военные действия после занятия Тибета. Политическое объединение кукунорских хошутов с джунгарами

было подтверждено рядом брачных союзов: Цеван Рабтэн выдал свою дочь замуж за сына Чаган Дандзина, брат Чаган Дандзина Кэнтар был женат на двоюродной сестре Цеван Рабтэна, а сын Кэнтара женился на второй дочери Цеван Рабтэна [Ishihama, 1997, С.421-422]. Исходя из этой информации, можно утверждать, что при принятии решения о вводе войск в Лхасу, Канси хотел не столько подчинить Тибет, сколько не допустить объединение ойратских князей против маньчжуротов, которое могло быть значительно упрочнено на религиозной основе в случае, если бы им удалось не только занять тибетскую территорию, но и возвести на престол Далай-ламы Кэлсанг Гьяцо.

Вести о смерти Лхавсан-хана и захвате Лхасы джунгарами достигли маньчжурских войск в Кукуноре. Осенью 1718 года маньчжурские войска потерпели поражение – отправленная императором семитысячная армия под руководством генерала Эрентэя (ум. 1718) была разбита. Но и джунгарское войско понесло серьезные потери, а подкрепления им ждать было неоткуда. Цинские же войска вновь выступили уже в 1719 году. 24 сентября 1720 года маньчжурская армия вступила в Лхасу, практически не встретив сопротивления. Л. Петех полагает, что в тот момент, когда о смерти Лхавсан-хана стало известно маньчжурам, характер операции изменился с военной поддержки на кампанию по завоеванию [Petech, 1972, С.66–68]. Как будет показано позже, завоевание Тибета все же вряд ли можно считать целью китайской экспедиции. Ведь даже после ввода войск в Лхасу, Канси по-прежнему говорил о том, что намеревается вернуть тибетский престол хошутам.

Принцу Юньти, кроме командования войсками, было также поручено вручить Кэлсанг Гьяцо печать Далай-ламы VI и сопроводить его в Лхасу [ВУГТБКВМТ, Цз. 91, Л.20а]. Таким образом, декларируемые маньчжурами и джунгарами цели совпадали – и те, и другие собирались восстановить на престоле в Лхасе законного Далай-ламу Кэлсанг Гьяцо. Разница заключалась в том, что у маньчжуротов была возможность воплотить слова в действие. В

своем письме Церин Дондубу Юньти даже предлагал объединиться с целью восстановить «Желтую веру» в Лхасе и считать конфликт исчерпанным, в том случае, если ввод джунгарских войск в Тибет был вызван желанием процветания буддизма и возведения на престол истинного Далай-ламы. При этом императору Канси отводилась роль царя-чакравартина, покровителя веры, воплощения бодхисатвы Манджуши, который в своих действиях руководствовался заботой о благе живых существ: бодхисатвой маньчжурского правителя называли не только высокопоставленные тибетские ламы в своих обращениях, но и его сын принц Юньти [Ishihama, 1997, С.424]. И.Дезидери также пишет о том, что перед вводом войск император делал попытки решить вопрос мирным путем, руководствуясь идеей по возможности сохранить жизни как собственных солдат, так и мирных тибетцев [Desideri, 2005, С.166]. Однако джунгари предпочли выяснить отношения путем военных действий.

Одновременно с наступлением цинской армии в самом Тибете также было организовано антиджунгарское движение. Руководителем и организатором антиджунгарских действий на западе стал Канченнэ, в 1715 году назначенный Лхавсан-ханом правителем Нгари. Полханэ, которого новое правительство хотело поначалу привлечь на свою сторону, не стал выполнять их распоряжения, и был арестован. Его пытали и бросили в тюрьму, конфисковав все имущество. Однако вскоре Полханэ освободили по настоянию Лхагьяла Рабтена, так как из-за арестов влиятельных и известных людей авторитет новых властей упал еще ниже. Отвергнув предложенную ему должность, Полханэ вернулся в свое имение в Нгари и на время отошел от политики, восстанавливая свои силы и вынашивая идеи организации сопротивления. Неудачный поход Эрентея лишь усилил в нем желание свергнуть джунгарский оккупационный режим, и когда пришли вести из Западного Тибета о начале вооруженного восстания, он собрал ополчение, и двинулся навстречу Канченнэ. В месте под названием Сангсанг они объединили свои силы, и там же получили письмо от маньчжуров с предложением приехать в Лхасу. Канченнэ и Полханэ прибыли в

столицу вместе с Панчен-ламой, также получившим приглашение [Petech, 1972, С.55–59, 64–65].

Оценки роли внутреннего сопротивления расходятся. Л. Петех полагает, что оно практически никак не повлияло на развитие событий, и их удача скорее стала следствием прихода маньчжуро-монголо-китайских войск, которые решили исход военных действий [Petech, 1972, С.55–59]. В.Д. Шакабпа, напротив, утверждает, что именно «войска Канченнэ вынудили джунгаров бежать из Лхасы еще до того, как пришли маньчжурские армии» [Шакабпа, 2003, С.152–153].

В 1719 году в монастыре Кумбум, где Далай-лама находился с 1715 года под покровительством маньчжурских и кукунорских войск, было объявлено об императорском решении сопроводить Далай-ламу в Лхасу и взвести его на золотой трон в Потале. Согласно «Правдивым записям», решение о вручении Кэлсанг Гьяцо печати и грамоты Далай-ламы было принято императором 7 ноября 1719 года. Правда, в этом указе присутствует оговорка, что отправлять его в Лхасу можно только в том случае, если он вместе с кукунорскими князьями не вступил в сговор с Церин Дондубом. После же прибытия в Тибет там надлежало оставить одну или две тысячи солдат для охраны и внимательно следить за контактами с джунгарами. [Цин Шилу, С.234–235]. После празднования Нового Года железа-мыши (1720 г.), прибывший в Кумбум со свитой в 3000 человек принц Юньти лично объявил Кэлсанг Гьяцо о необходимости отправиться в Лхасу и передал соответствующий императорский указ [Б7ДЛ, Л. 53а, 57б, 59б]. Официальное вручение именной золотой печати Далай-ламы Шестого весом 130 лянов состоялось 30 числа 3 месяца года железа-мыши (27 апреля 1720 г.). Текст золотого диплома весом 150 лянов, врученного вместе с многочисленными дорогими подарками, гласил:

Силой вечного неба всеобщего владыки Поднебесной повеление:

Для того, чтобы все люди на земле мирно радовались, я им покровительствую, не различая внешних и внутренних⁴⁵, храню народ, проявляя милосердие и почтение. Тех, кто праведную жизнь, уважая, хранит и в принципах и законах Будды пребывает, почитая их в соответствии с традицией, истинно хвалю и поощряю, и всем им даю почетные титулы и прозвания. Поэтому, Далай-лама, ты, с древних времен непрерывно в каждом своем рождении с западной стороны и в окраины и в срединные земли распространив сущность религии, получил указ из Срединного государства⁴⁶ и был возвышен.

Сейчас ты, с малого возраста, в продолжение прежнего порядка, усердствуешь в нравственности и обучении, хорошо вникаешь в тонкий смысл трех колесниц.⁴⁷ Благодаря этому о тебе все думают с доверием. Поэтому вместе с восхваляющим тебя повелением, даю диплом и печать. Поскольку тебя возвысили до звания «Распространяющий учение и направляющий живые существа Далай-лама Шестой», проявляй усердие в том, чтобы, не ленясь, учение Будды распространив, повсюду отдавать силы для [блага] моего правления.

Указ дан в благоприятный день 2-го месяца 59-го года правления императора Канси и написан на тибетском, монгольском и маньчжурском языках [Б7ДЛ, Л.60а–б].

22 числа 4 месяца (28 мая) Кэлсанг Гьяцо, признанный императором Далай-ламой VI⁴⁸, в сопровождении принца Юньти, отправился вместе с

⁴⁵ в пределах империи и вне ее границ

⁴⁶ Императорский указ

⁴⁷ Три колесницы (санскр. Triyāna): шравакаяна (санскр. śrāvaka yāna) – ученичество, пратьекабуддаяна (санскр. pratyekabuddha yāna) – познавших просветление и махаяна (санскр. mahā yāna) – большая колесница [Tsepak Rigzin, 1986, С.124–125].

⁴⁸ Интересно отметить, что, признав Кэлсанга Гьяцо «настоящим», цинский император не признал его предшественника Цаньян Гьяцо. Кэлсанг Гьяцо получил от императора печать Далай-ламы VI. Таким образом, сложилась уникальная в истории Тибета ситуация – существовало три Шестых Далай-ламы: Цаньян Гьяцо (воспитанник регента Санье Гьяцо), Нгаван Еше Гьяцо (ставленник Лхавсан-хана) и Кэлсанг Гьяцо (перерождение Цаньян Гьяцо).

цинской армией в Лхасу. Торжественный въезд в Лхасу и восшествие Кэлсанг Гьяцо на золотой трон состоялись 15 числа 9 месяца года железа-мыши (16 октября 1720 г.) [Там же, Л.61б–67а]. Так начался новый период в истории Тибета – начиная с этого момента внутренние дела Тибета решались при непосредственном участии уполномоченных представителей империи Цин.

Существуют разные оценки событий 1720 года в истории китайско-тибетских отношений. Диссертант полагает, что это событие стало переломным моментом в истории Тибета и сыграло решающую роль в его дальнейшей судьбе. Поэтому ниже предлагается достаточно подробный обзор свидетельств современников и мнения современных ученых о значении произошедшего.

В Лхасе для увековечения события восстановления желтой веры маньчжурским императором была воздвигнута стела, надпись для которой сочинил сам Канси:

Ранее при императоре Тайцзуне, на 7-й год правления [под девизом] Чундэ (1642 год) Панчэн-Эрдэни, Далай-лама и Гуши-хан, полагая, что на восточной земле появился постигший истину⁴⁹, специально отправили посланника, который пробирался сквозь непроходимые земли через вражеские царства и через несколько лет, наконец, достиг Мукдэна. С тех пор прошло 80 лет. Они вместе вершили благие дела, заботились о духовенстве, и [в Тибете] царило великое спокойствие. (...) Цеван Рабтэн, не имея законного основания, двинул джунгарские полчища [на Тибет], своевольно и коварно, он сверг Далай-ламу (ставленника Лхавсан-хана – М.С.), разрушил ступу Далай-ламы V, униzel Панчена, разрушал монастыри и безжалостно убивал лам, утверждая, что делает это во имя Учения, а в действительности уничтожал его и хотел лишь захватить Тибетское царство. Я счел его поступки противозаконными, и поэтому назначил своего сына генералом и отправил с ним других моих потомков во главе армии

⁴⁹ Кит. шэн жэнь – дословно переводится «мудрый (святой) человек». В буддийской терминологии обозначает «постигший истину». Также употребляется в значении «государь».

маньчжуров, монголов и воинов Зеленого знамени (китайцев – М.С.). (...) Умиротворив Тибет и восстановив Учение, я пожаловал нынешнему хубилгану грамоту и печать, утвердив его Далай-ламой VI и посадив на престол, принес мир тибетскому духовенству и народу, чтобы каждый снова спокойно занялся своим делом... все монгольские племена и местные тибетские правители также в один голос писали мне в докладах: «Император своим мужеством, талантом стратега, добротой и воинственными заслугами намного превзошел своих предков. Куда бы ни приходили твои войска, всюду побеждали зло. Ты восстановил Учение, которое так уважают и в которое так верят монголы, спас жителей Кама, Цзана и Уя из пучин и огня, и там вновь спокойно живется (...» Разве в этом есть мои заслуги? Однако просьбы народа не прекращались, и я сочинил эту надпись и поставил стелу в Тибете, чтобы за пределами Китая знали как о преданности родов Далай-ламы, Панчен-ламы и Гуши-хана, так и о приверженности всех племен и времен к Учению. Я же в этом деле действовал ради устраниния врагов, облагодетельствовании покорных, успокоении народа и восстановлении веры [Цин Шилу, С.266–269].

Интересно отметить, что в качестве мотивировки военных действий в тексте говорится, главным образом, о восстановлении истинной веры. В то же время, исходя из начала текста, можно сделать вывод о том, что Тибет рассматривался императором Канси как данническое государство с 1642 года в рамках уже привычной для маньчжуров китайской концепции.

В официальной китайской историографии XVIII века этому событию также отводится важная роль. В ВУГТБКВМТ (1795 г.) раздел «Тибет» начинается с 1720 года: «В 59-м году правления императора Канси большая (маньчжурская) армия умиротворила Тибет. Им стали управлять амбани...» [ВУГТБКВМТ, Цз.12, Л.1а]. Еще один китайский источник XVIII века, переведенный на русский язык и опубликованный Н.Я.Бичуриным в 1828 году, называет 1720 год временем, когда был покорен Тибет [Бичурин, 1828а, С.117]. В то же время, современная китайская историческая наука, вслед за

традицией, продолжает исходить из того, что Тибет, будучи «данническим» государством, всегда был подчинен Китаю [Фэн Чжи, 2004; Дэн Жуйлин, 1989; Ya Hanzhang, 1993 и др.].

Католические миссионеры И.Дезидери и Г. делла Пенна – свидетели этих событий - также пишут о том, что с 1720 года Тибет перешел под управление китайского императора, называя, однако, в качестве причины ввода войск месть за убийство Лхавсан-хана и его семьи [Desideri, 2005, C.147, 171; Penna, 1876, C.314, 322].

В традиционной монгольской исторической литературе 1720 год считается годом включения Тибета в состав империи Цин. В 1748 году современник описываемых событий монгольский ученый Сумба Хамбо Еше Пэлджор дал следующую оценку событиям 1720 года: «После этого кукунорские и китайские генералы вместе с войсками в год железа-мыши (1720 г.) привезли из Гумбуза в тибетский Уй далай-ламу Галсан-Чжамцо, и с этого времени Китай подчинил своей власти Тибет» [Пубаев, 1991, С.49]. Эта трактовка закрепилась в последующей монгольской историографии.

Современные тибетские историки, живущие за пределами КНР, придерживаются точки зрения, согласно которой Тибет был и оставался независимым как до, так и после событий 1720 года. В частности, В.Д. Шакабпа пишет, что «маньчжурский император не посыпал свои армии для «покорения» Тибета, он посыпал их для того, чтобы отомстить за смерть своего союзника, Лхасанг-хана, и восстановить Далай-ламу на его троне», и характеризует рассматриваемый нами исторический период как начало маньчжурского влияния в Тибете [Shakabpa, 1984, С.139–140].

Эти же события трактуются иначе в исследованиях тибетских историков, опубликованных в КНР. В том числе, авторы уделяют большое внимание критическому разбору книги В.Д. Шакабпы. К примеру, в «Политической истории Тибета» Шакабпы и истинной истории Тибета» делается акцент на том, что многие цитаты в «Политической истории Тибета» расходятся с источниками: часть предложений опущена, а часть

искажена. Кроме того, авторы критического издания подчеркивают, что многие утверждения просто не аргументированы [ТПИШИИТ, С.3]. В частности, в разделе, посвященном событиям 1720 года, отмечается, что в ряде цитат преднамеренно упускаются отрывки, в которых присутствуют слова «по императорскому указу», «по повелению великого императора Канси...», «сын императора Юньти сообщил Далай-ламе, что ему надлежит во имя распространения учения Будды и на радость всем живым существам центра и окраин, прия на поле дхармы Уя и Цзана, взвести свои стопы-лотосы на золотой престол в Потале» и другие фразы и слова, так или иначе указывающие на роль Китая в принятии решений, касающихся внутренних дел Тибета [Там же, С.58–59]. Необходимо отметить, что подобных фраз в Б7ДЛ действительно немало.

Исихама Юмико, анализируя ситуацию с «завоеванием Тибета Китаем» в 1720 году, акцентирует внимание на том, что инициатива ввода маньчжурских войск в Тибет принадлежала хошутским правителям Кукунора и Далай-ламе. С точки зрения японской исследовательницы, это событие следует рассматривать как «восстановление буддизма в Тибете», осуществленное при поддержке потомков Гуши-хана — кукунорских хошутов и императора Канси. Из ее статьи «Новый взгляд на китайское завоевание Тибета в 1720 году», написанной с привлечением источников на маньчжурском, китайском и тибетском языках, мы узнаем, что, направляя армию для изгнания джунгаров, император планировал восстановить прежний режим правления кукунорских хошутов — «царей Тибета», без которых не могло бы состояться «китайского» завоевания Тибета [Ishihama, 1997, С.426]. Однако кукунорские правители не смогли сами выбрать «царя» из-за внутренних разногласий, и поэтому решать вопрос с управлением Тибетом пришлось маньчжурам. Так, вступление цинской армии в Лхасу в 1720 г. явилось тем рубежным событием, после которого Тибет стал объектом имперского административного управления. После выхода в свет работы Л.Петеха «Китай и Тибет в начале XVIII века» в 1950 году, этот новый

режим управления стал иногда называться в европейской литературе «китайским протекторатом».

§2.2. Организация системы управления в Тибете в 1720–1723 гг.

По сравнению с джунгарским режимом 1717 года у цинского правительства был целый ряд преимуществ. Главным козырем являлась поддержка признанного всеми слоями тибетского населения Далай-ламы VII. Духовенство было не против китайского покровительства, а знатные тибетцы, участвовавшие в антиджунгарских движениях, ждали от них привилегий. Регионы Кама и Кукунора и прежде постоянно находились под китайским влиянием. В Нгари и Цзане царили, главным образом, антиджунгарские настроения. Таким образом, идеологических противников цинского режима в Тибете, по сути, не было. Джунгарские происки не могли повториться, потому что у самих джунгаров были военные столкновения в районе Туркестана и китайской провинции Ганьсу, а также потому, что цинским войскам по географическим условиям в случае возникновения проблем было проще добираться до Тибета. Но для реализации всех этих преимуществ были необходимы религиозная, политическая и военная организации [Petech, 1972, С.76].

Маньчжуры были не склонны к введению новой схемы управления, тем более, что они изначально не планировали введение войск в Тибет и включение его в свою административную систему. Сразу после занятия джунгарами Лхасы, в соответствии с договоренностью с кукунорскими хошутами, генерал Яньсинь предложил им выбрать «царя Тибета» из наследников Гуши-хана. В планы маньчжуров входило восстановление не только Далай-ламы, но и режима монгольского светского правления, как это было во времена Лхавсан-хана. Однако хошутские правители ввиду разногласий друг с другом не смогли сами определить, кто из них должен управлять Тибетом [Ishihama, 1997, С.425–426]. Исторические, географические и, главное, религиозные особенности в Тибете требовали

особого подхода к организации управления. Однако за основу маньчжурам взять было практически нечего: в Тибете после его объединения Гуши-ханом на протяжении 1642–1720 гг. реальную власть осуществляли самые разные люди с разными титулами и должностями: Далай-лама V, объединивший в лице одного правителя духовное и светское управление, регент Санье Гьяцо, хошутский «царь Тибета» Лхавсан-хан. Джунгары также делали попытки установить свое правительство во главе с регентом Тагцепа Лхагьяял Рабтеном после вторжения 1717 г. В связи со сложностью ситуации, решение вопроса затянулось, поэтому проблема обсуждения системы управления Тибетом и ее формирование перешли по наследству сыну Канси – императору Юнчжэну, занявшему престол в 1723 г. после смерти отца.

После возведения на престол Далай-ламы, в Лхасе было образовано временное военное правительство во главе с генералом Яньсинем. В него вошли представители халхаских князей, командовавших подразделениями объединенной армии, - Цеван Норбу (ум.1732) и Дондуб Дордже (ум.1743), тибетских аристократов - Нгабопа и Люмпанэ, а также кукунорских хоштов – Лобсан Дандин и Батур Джунанга (ум.1739), также известного как Абу. Главной задачей этого правительства было официальное расследование и привлечение лиц, сотрудничавших с джунгарами, к уголовной ответственности. Главным среди них был регент Тагцепа. Полханэ и Лобсан Дандин пытались за него заступиться, так как он оказал помощь в противостоянии джунгарам. Далай-лама также просил решить вопрос без кровопролития, однако китайцы не учли их просьбы. Сначала бывшего регента поместили в китайский лагерь, организованный у подножия Поталы, затем, обвинив в пособничестве джунгарам, казнили, а семью отправили в ссылку в Пекин [Sum-pa mkhan-po, 1969, С. 49; Shu Hui-wu, 1995, С.28; Petech, 1972, С.74–76].

Временное правительство ликвидировало институт *дэси*, так как не хотело, чтобы в руках одного человека сосредотачивалось слишком много власти. Кроме того, понятие регентства при Далай-ламе напоминало

маньчжуром о Сангье Гъяцо, интриговавшем за спиной у императора. В Лхасе был расквартирован большой гарнизон цинских войск, целью пребывания которого было, в том числе, наблюдение за работой новой администрации и сохранение связей с Китаем. Также был создан совет министров, находившийся под контролем начальника военного гарнизона. Что касается территориальных изменений, большая территория (Батан, Литан, Дацзянлу и др. территории вплоть до границ центрального Тибета) переходила к китайской провинции Сычуань. С течением времени вопрос пришлось пересмотреть.⁵⁰ Во внутренних вопросах, не затрагивавших интересов цинского правительства, совет министров не был ограничен в своих решениях. Сначала он состоял из трех людей: Канченнэ, оставшийся при этом правителем Нгари и получивший титул бэйсэ, стоял во главе; ему были подчинены двое чиновников, с практически сходными правами: Нгабопа, правитель Конпо, также получивший титул бэйсэ, и Люмпанэ, аристократ из долины Цангпо в Уй, получивший от императора титул фугогун, также назначенный правителем в местности, где он родился. Министров стали называть *калонами*. С точки зрения маньчжуротов, они должны были контролировать друг друга, тем более что личные взаимоотношения между ними были достаточно неприязненные, если не враждебные. Кроме калонов, было еще двое людей, не имевших титулов, но участвовавших в принятии решений – отец Далай-ламы и Полханэ, правитель Цзана, получивший титул тайджи первого класса⁵¹ [Цин Шилу, С.263; Petech, 1972, С.78–80].

Отношения в новом правительстве складывались не лучшим образом. Министры разделились. С одной стороны оказались Канченнэ и Полханэ – оба противники джунгаров, настроенные проманьчжурски, уже имевшие опыт совместных действий во время организации сопротивления джунгарскому режиму. Подчиненные им территории располагались в

⁵⁰ Вопрос о перераспределении этих земель был вновь поднят после кукунорского мятежа. См. Глава 3.

⁵¹ Mayers, №538.

западном и южном Тибете. Оппозиция состояла, главным образом, из двух человек – Нгабопа и Люмпанэ, представителей традиционной тибетской аристократии. Они присоединились к восставшим против джунгарского режима только под конец, и после водворения Кэлсанг Гьяцо на престоле в Потале, остались правителями территории Цангпо и Конпо. Со временем в состав совета также вошел Джараба (или Джаранэ, ум. 1728 г.), за которым стоял отец Далай-ламы Соднам Даргье. Они встали на сторону Люмпанэ и Нгабопа. Такой состав совета продержался до восстания 1727 г. [Там же]. Имея каждый свою подвластную территорию, калоны чаще бывали в своих регионах, нежели в Лхасе и редко собирались в полном составе. Новая система управления не объединила Тибет, а, напротив, способствовала его раздробленности.

Далай-лама в новой системе управления не играл сколько-нибудь существенной роли. Номинально он все же считался главой Тибета, но без каких-либо светских прав и обязанностей. Однако духовное лидерство гарантировало исключительно серьезное влияние. Пекинский двор это учитывал и постоянно поддерживал контакт с Далай-ламой, посыпая миссии с императорскими подарками. Кукунорские правители также с большим почтением относились к Далай-ламе. В силу исключительной роли буддизма в Тибете, большинство высокопоставленных светских лиц, включая генералов, регулярно принимало участие во всех значимых религиозных церемониях [Б7ДЛ, Л.73б-88а].

Что касается военной реорганизации, 3500-ный гарнизон, состоявший из маньчжуртов, монголов и китайцев, был расквартирован в Лхасе и находился под командованием Цеван Норбу и Абу, во главе кукунорских подразделений войск стояли Лобсан Дандин и Чаган Дандин. В 1721 году оставшиеся цинские войска под командованием генералов Яньсиня и Гарби покинули Лхасу, из них были организованы воинские части в Батане, Литане, Чамдо и Лхорондзон. Изначально вывод войск организовывался как временная мера. 26 октября 1721 года Цеван Норбу был назначен

уполномоченным представителем и главнокомандующим тибетских войск. Генерал Яньсинь должен был вернуться в Лхасу с 500 воинами из Юньнани и 500 – из Сычуани, чтобы укрепить гарнизон в Лхасе [Цин Шилу, С.263–266; Shu Hui-wu, 1995, С.29–30; Petech, 1972, С.78–79]. Однако смерть императора Канси в конце 1722 года внесла свои корректизы в развитие сложившегося положения. Войска маньчжурской армии были практически полностью выведены из Тибета, и временное правительство стало постоянным.

Император Канси скончался 20 декабря 1722 года. В Тибете весть о смерти императора многими была воспринята с печалью. Далай-лама, обязанный ему своим положением, на протяжении 49 дней проводил службы и молился, а 12 мая 1723 года провел прощальную церемонию [Б7ДЛ, Л.92а–б.].

§2.3. Начало правления императора Юнчжэна: вывод войск из Тибета.

В 1722 году в Цзане состоялась встреча представителей местной аристократии, на которой присутствовали Канченнэ и Полханэ. Жители жаловались на новые непосильные налоги, на то, что им приходилось кормить огромное количество лошадей маньчжурских солдат и отдавать своих в качестве компенсации в случае падежа лошадей, что в силу климатических условий случалось нередко. Среди населения бытовало мнение, что хуже им бы не жилось даже при джунгарах [Petech, 1972, С.87–88].

Вопрос о возможном сокращении цинского военного присутствия в Тибете был поставлен перед императором Канси генералом Нянь Гэнъяо. В своем докладе он сообщил о проблемах, связанных с пребыванием в Тибете большого контингента войск. Генерал писал, что снабжение армии продовольствием и лошадьми было непосильным бременем для тибетцев. Главнокомандующий Цеван Норбу, по его мнению, не контролировал ситуацию, а командующие более низкого уровня Маньду и Падма конфликтовали друг с другом и сеяли раздор среди своих подчиненных. Нянь

Гэнъяо предлагал сменить командующих и вывести войска из Лхасы, сохранив налаженную почтовую связь между Лхасой и Пекином и резервные силы в Чамдо, чтобы успокоить Далай-ламу [Цин Шилу, С.273–274]. Изначально Канси действительно планировал вывести войска, как только будет решена проблема с джунгарами. Об этом докладывали Нянь Гэнъяо и Янь Синь императору Юнчжэну в январе 1723 года: «Раньше, когда я, Янь Синь, вел войска в Тибет, покойный император [Канси] приказал мне: «После того, как твои войска успокоят Цзан, если Далай-лама и кукунорские монголы не попросят оставить армию, все войско следует полностью вывести, и только тогда дело будет успешно завершено». Но после того, как [мы] умиротворили Тибет, Хубилган (Далай-лама VII – М.С.) и тибетцы – все попросили на время оставить армию для охраны, поэтому я оставил армию» [СДНГЯМКЯ, С.1]. Нельзя точно сказать, повлияла ли на мнение императора только просьба тибетцев, но 30 августа 1722 император, в ответ предложение Нянь Гэнъяо, не только приказал оставить армию, но и высказал серьезное недовольство тем, что подчиненные могли себе позволить такие мысли и тем более предложения. Маньду и Падма были смешены, сюньфу Серту был отправлен в Лхасу, чтобы разобраться в ситуации и поправить положение дел. 15 октября Серту доложил, что организовал 66 новых почтовых станций и подсчитал, что для поддержания спокойствия в Тибете и наблюдения за почтовыми станциями необходимо 1900 солдат, а остальные 1600 предложил вернуть в Китай, так как расходы на их содержание были действительно неоправданно высоки [Цин Шилу, С.233–234]. Император Канси не был сторонником сокращения цинских войск в Тибете, и неизвестно какая реакция могла бы последовать на доклад Серту. Однако принимать решение о дальнейших действиях предстояло уже новому императору Юнчжэну.

Тибетцы как на территории Цинхая, так и в Цзане, со времен Гушихана привыкли видеть в его потомках покровителей религии, маньчжуры же на территорию Тибета в 1720 г. вступили впервые. Помощь в водворении в Лхасе Далай-ламы и освобождении от джунгарских завоевателей была

значительным фактором в формировании положительного маньчжурского образа среди тибетского населения, однако длительное пребывание маньчжурско-китайских войск в Тибете лежало тяжелым бременем и на местном населении. Несмотря на то, что Канси сам говорил о необходимости вывода войск при первой же возможности сразу после освобождения Тибета от джунгаров, он все же не решился на эти меры, так как считал, что положение в регионе слишком нестабильно. Когда же к власти пришел император Юнчжэн, он практически сразу отдал приказ о выводе войск.

Генерал Нянь Гэнъяо докладывал о том, что Цзан очень тяжело снабжать необходимым провиантом, что устали как тибетцы, так и сами воины, и что монголы Цинхая, в частности Лобсан Дандин, который мечтает стать «царем Тибета», недовольны сложившейся в Тибете ситуацией. Полагая ситуацию в Тибете стабильной, Нянь Гэнъяо писал, что «если быстро вывести армию, тогда у тибетцев не останется жалоб, а правители Цинхая поймут, что Небесной династии [Цин] не нужен Тибет, и что он останется землей буддизма» [ДНГЯ, С.3; СДНГЯМКЯ, С.1]. Таким образом, решение о выводе войск, принятое вскоре после восшествия императора Юнчжэна на престол, было вызвано желанием решить сразу несколько задач: вернуть войска и сократить расходы на их содержание за пределами собственно Китая; устраниТЬ причины для недовольства местного населения маньчжурами; предотвратить возможное сплочение кукунорских правителей против империи Цин, основанное на предположении, что маньчжуры держат в Тибете войска, так как не хотят передавать им управление Тибетом. В ответ на обеспокоенность Далай-ламы, возражавшего против вывода войск, Нянь Гэнъяо предложил императору объяснить Кэлсанг Гьяцо, что несмотря на отсутствие самих войск в Лхасе, ситуация будет находиться под контролем: отложенная почтовая система позволит в случае необходимости вернуть армию в кратчайшие сроки [СДНГЯМКЯ, С.1–2]. Как показало дальнейшее развитие событий в Тибете, ситуация находилась под контролем только в той степени, в которой она касалась отношений с монголами — внутренние

противоречия и интриги в самом Тибете привели в 1727–1728 гг. к междоусобной войне и необходимости возвращения маньчжурских войск.

Официальный указ о выводе войск был издан 9 апреля 1723 года. Предложения Янь Синя и Нянь Гэнъяо были приняты. Юнчжэн сообщал, что содержание гарнизона обходится тибетцам слишком дорого, и что он доверяет управление Тибетом новым министрам, а на случай возникновения проблем повелел расквартировать 6000-ное войско в Синине. Еще 1000 воинов была оставлена в Сычуани [Цин Шилу, С.277–278]. Генералы Цеван Норбу и Абу перед отъездом встретились с Далай-ламой, который выразил искреннее сожаление об их отъезде [Б7ДЛ, Л.94а.].

Указ императора Юнчжэна о выводе цинской армии из Тибета застал новые правящие верхи, наделенные властью его отцом, врасплох. Канченнэ был не только удивлен, но и раздосадован таким поворотом событий. Ни присутствие войск в Синине, ни приезд в Лхасу секретаря Лифаньюань⁵² вице-канцлера Великого секретариата⁵³ Орая⁵⁴ не внушали спокойствия новому министру. Он обратился к Цеван Норбу с просьбой отозвать указ, что, по его мнению, с точки зрения налогообложения, это разумно, однако джунгары по-прежнему стремятся вернуться в Тибет, Далай-лама еще молод, а Панчен-лама стар, страна находится в разрухе, и при таком положении вещей для поддержания порядка требуется военная опора. Однако слова Канченнэ были оставлены без внимания [Petech, 1972, С.93].

Говоря о неожиданности этого решения Юнчжэна, стоит, тем не менее, помнить о том, что изначально вывод войск был запланирован императором Канси, а предложение о сокращении военного присутствия в Тибете было вынесено генералом Нянь Гэнъяо на основании исследования обстановки, которую он провел также по поручению Канси. Поэтому, несмотря на то, что содержание первого же указа Юнчжэна по вопросу Тибета отменял

⁵² Mayers, №162, №183.

⁵³ Mayers, №142.

⁵⁴ О деятельности Орая подробно пойдет речь в Главе 4.

предшествовавшие указы отца, вряд ли стоит, вслед за Л. Петехом, называть политику Юнчжэна «новой», так как в основе ее лежали решения его отца, о чем он сам неоднократно писал своим подданным.⁵⁵

Вопрос о новом административном устройстве Юнчжэн также не считал решенным и продолжал обсуждать его с подчиненными. В одном из первых секретных донесений императору в феврале 1723 года генералы Янь Синь и Нянь Гэнъяо предлагали собственную схему управления Тибетом: «Далай-лама слишком молод и лишь недавно взошел на трон, и в Тибете нет человека, который бы управлял государственными делами; если не успокоить сердца [местного населения], это будет противоречить высшему пожеланию умершего императора (Канси – М.С.) об умиротворении дальних земель. Нижайшие наши мысли заключаются в следующем: позволить Далай-ламе, местным духовным лицам и князьям вместе избрать одного достойного доверия человека, который бы пользовался авторитетом среди тибетцев, назначить его регентом и поручить ему управление делами [Тибета]. Этот министр не был бы [нашим] ставленником, и если впоследствии он оказался бы неспособным к управлению, не составило бы труда сразу его сместить» [СДНГЯМКЯ, С.1]. В качестве одной из главных кандидатур на место светского правителя рассматривался молодой Далай-лама Кэлсанг Гьяцо, главным образом по той причине, что самым эффективным и популярным правителем в течение долгого времени (если не за всю историю Тибета) был Далай-лама V, «Великий Пятый». Спустя несколько месяцев после процитированного выше донесения, Нянь Гэнъяо докладывал императору о том, что Далай-лама VII не хочет брать на себя управление Тибетом: «Оsmелюсь предположить, что если бы Далай-лама смог взять управление на себя, это было бы значительно лучше, чем приказать секретарю Государственной канцелярии⁵⁶ Ораю самому назначить министра. Если бы Ваше императорское Величество в письме убедили Далай-ламу, он смог бы

⁵⁵ См. §4.4.

⁵⁶ Mayers, №142.

управлять по образу Далай-ламы V, тибетцы доверяли бы ему, и это было бы на благо дела» [СДНГЯМКЯ, С.7]. Таким образом, если Далай-лама не соглашался, согласно предложениям приближенных императора управление Тибетом передавалось в руки пользовавшегося доверием и уважением среди местного населения тибетца. Однако император еще не вполне разобрался в запутанных тибетских делах, и временно оставил решение на откуп пребывавшим в Тибете уполномоченным. На донесение генерала Янь Синя с вышеупомянутыми предложениями Юнчжэн ответил: «В том, что ты докладываешь, я вижу смысл, однако еще не [могу] принять решение. Это очень ответственное и важное дело. Я уже сообщил об этом Нянь Гэнъяо. Когда он вернется [в Лхасу], во всех местных вопросах проявляйте еще большее старание, будьте максимально внимательны и предлагайте помочь с уважением и осторожностью» [СДНГЯМКЯ, С.2]. Генералам приходилось действовать на месте по ситуации.

Также интересно отметить, что, несмотря на то, что делами светского правления Далай-лама не занимался, на документах требовалась его печать. В одном из докладов Нянь Гэнъяо даже писал императору о том, что необходимо сделать для Далай-ламы новую печать, так как та, которая была вручена ему в 1720 году, была меньше, чем у его предшественника. Из-за этого тибетцы, по сведениям, предоставленным генералу ламой Цултим Санпо, будучи глупыми и необразованными, полагали менее значимым как нового Далай-ламу, так и указы, на которых стояла эта печать, и поэтому не считали нужным их соблюдать. В Лхасе новое правительство даже стало пользоваться старой печатью, дарованной при династии Юань, чтобы вызвать больше уважения. Нянь Гэнъяо предложил Юнчжэну решить проблему, сделав для Кэлсанг Гьяцо увеличенную копию печати предыдущего Далай-ламы (т.е. Далай-ламы V, так как Цаньян Гьяцо был разжалован и Далай-ламой больше цинским двором не признавался) [СДНГЯМКЯ, С.7]. Предложение было императором принято, и в 1724 году Кэлсанг Гьяцо получил от императора Юнчжэна новую печать большего

размера, но уже без порядкового номера. Сегодня эта печать хранится в Музее тибетской культуры при Центре китайской тибетологии в Пекине, и она действительно является увеличенной копией печати Далай-ламы V. Это подтверждают также исследования китайских ученых [ИОКПСТ, С.420–421; ТОТ, С.37].

В первые годы правления Юнчжэна политика империи в отношении Тибета не была направлена на его включение в цинскую административную систему. Исходя из стремления к соблюдению баланса сил в регионе и сведению к минимуму затрат на политические и военные акции во «внешних землях», император рассматривал варианты передачи власти самим тибетцам, не допуская при этом возвращения власти над Тибетом лидерам хошутов. Стоит также отметить, что, говоря о неожиданности решения Юнчжэна о выводе войск из Лхасы, следует помнить о том, что в перспективе это входило в планы императора Канси, а предложение о сокращении военного присутствия в Тибете было вынесено генералом Нянь Гэнъяо на основании исследования обстановки, которую он также провел по поручению Канси. Поэтому вряд ли стоит называть политику Юнчжэна «новой»: в основе ее лежали решения его отца, о чем он сам неоднократно писал своим подданным.⁵⁷

⁵⁷ Примеры подобных писем см. Гл.4.

Глава 3. Кукунорский мятеж 1723–1724 гг.

§3.1. Причины и повод мятежа.

Мы уже упоминали выше, что монгольские князья остались недовольны распределением полномочий в Тибете после 1720 года. Больше всех негодовал Лобсан Дандзин, претендовавший на наследие Гуши-хана. Император Юнчжэн не считал необходимым сдерживать обещание Канси, данное перед походом объединенных армий 1718–1720 гг. Когда был убит Лхавсан-хан, Канси, по совету Нянь Гэнъяо, пообещал кукунорским князьям, наследникам титула «царя Тибета», что когда военные действия завершатся, они смогут сами назначить правителя. Однако, по мнению Юнчжэна, кукунорские князья еще не были готовы взять ситуацию под контроль. В манифесте 1723 года, адресованном хошутским правителям, император писал: «...исповедуя одну и ту же веру, все монголы не считают буддизм верой единой семьи: Цеван Рабтэн без причины повел армию в Тибет, где убил своего родственника Лхавсана и, действуя вопреки Закону, поверг Тибет в пучину разгрома. Среди вас, братьев, еще не было того, кто смог бы сам отомстить и возродить Закон и величие всех монголов. Поэтому мой премудрый [отец] император, вспомнив, как 3-4 поколения и 100 лет назад Гуши-хан и Далай-лама объединили духовную и светскую власть [в Тибете] и были смиренны и добры, специально направил большую армию, потратил тысячи тысяч лянов серебра, объединил монголов, чтобы вместе проводить Далай-ламу на престол. Воспев Закон, он вытащил тибетцев из воды и огня. Все ваши враги бежали. Сейчас, когда уже нет врагов, вы должны испытывать благодарность и смирение. Все, о чем вы думаете и что говорите, должны докладывать мне и с уважением выполнять указы. В предыдущем году хошуты – [поданные] Дай Цин прибыли на аудиенцию и просили об указе по делам Тибета. Я теперь повелеваю: пока не решено дело с Цеван Рабтэном, вопрос о Тибете временно не обсуждается. Когда же вопрос будет решен, обязательно сделаем все, как было раньше» [ПТДРЮ, С.300]. Приказав вывести из Лхасы войска и вновь пообещав хошутам вернуть им

Тибет, когда дела с джунгарами будут улажены, император действительно мог рассчитывать на то, что это успокоит Лобсана Дандзина. Тем не менее, вряд ли стоит с уверенностью говорить, что Тибет был ему настолько безразличен, насколько он хотел внушить это монгольским князьям. Шу-хуэй У даже предполагает, что Юнчжэн вместе с Нянь Гэнъяо, добившись мира с джунгарами и обеспечив спокойствие в Тибете, рассчитывали на то, что правители Кукунора пойдут на открытую конфронтацию с империей Цин, чтобы получить повод к его завоеванию [Wu Shu-hui, 1995, C.53]. Исходя из подробных докладов Нянь Гэнъяо об умонастроениях самих тибетцев, которые явно не хотели восстановления правления хошутов, можно также предположить, что при выборе системы управления Тибетом, император в том числе руководствовался интересами местного населения [ДНГЯ, С.51–52].

Теория о том, что Юнчжэн провоцировал конфликт между кукунорскими князьями (которые и без постороннего вмешательства особенно сплочены не были) подтверждается его принципом распределения титулов между князьями. Юнчжэн даровал многим князьям в награду за помощь в освобождении Тибета от джунгаров и водворении на престоле Далай-ламы титулы и деньги, распределение которых способствовало ухудшению отношений среди князей. На второй месяц своего правления император Юнчжэн, вызвав в столицу Нянь Гэнъяо и подробно обсудив с ним положение дел в Тибете [Сяо Ши, С.77], 31 марта 1723 г. принял следующие решения о распределении наград: цзюнь-ван Чаган Дандзин получал титул цинь-вана; бэйлэ Эрдэни Эрке Тогтонай получал титул цзюнь-вана; еще трое хошутских князей получили титул бэйлэ, двое – чжэньгогун; цинь-ван Лобсан Дандзин был награжден 200 лянями серебра и 5 отрезами атласа. Племянник Чаган Дандзина Дандзюнь был награжден титулом цзюнь-вана посмертно [Цин Шилу, С.276–277]. До этого момента носителем титула цинь-вана (князя первой степени) среди хошутских ойратов был только Лобсан Дандзин, получивший его в 1716 году, после смерти своего отца

цинь-вана Даши Батура [Шэн-цзу Шилу, С. 655]. Поэтому он считался главой хошутов Кукунора. Указ же Юнчжэна о распределении наград поднял второго по влиятельности князя Чаган Дандзина до уровня Лобсан Дандзина, дав ему возможность претендовать на место главы Кукунора.

Также Юнчжэн принял непосредственное участие в решении вопроса с распределением земель погибшего Дандзюна. Чаган Дандзин взял эти земли под свое управление, и император подтвердил его права, несмотря на очевидную спорность ситуации. Учитывая напряженность в Цинхае, еще до принятия решения об утверждении какого-либо из князей в правах на наследство Дандзюна, император, по совету Нянь Гэнъяо направил в Сунпан (в пров. Сычуань) 2000-ное войско под командованием Юэ Чжунци, чтобы держать ситуацию под контролем [ПТДРЮ, С.567; Дэн Жуйлин, 2002, С.82]. Поддержка была оказана Чаган Дандзину только после продолжительных дискуссий и сомнений. Нянь Гэнъяо изначально высказывался против произвольного захвата территории хошутским князем, однако предположение шилана⁵⁸ Чаншоу о том, что «если не передать удел Дандзюна в управление Чаган Дандзину, тогда в Цинхае могут возникнуть проблемы, и [он] станет искать поддержку на стороне», о котором императору сообщил Нянь Гэнъяо в своем донесении в июне 1723 года, подтолкнуло Юнчжэна к решению о признании Чаган Дандзина законным наследником Дандзюна [ДНГЯ, С.8–9, 58; Kato Naoto, 1993, С.67–70]. Окончательное заключение по вопросу спорной территории было принято, когда Лобсан Дандзин начал военные действия: император повелел Нянь Гэнъяо срочно отправить посланника к Чаган Дандзину, чтобы не допустить таким образом его примирения с Лобсан Дандзином [Shu Hui-wu, 1995, С.69–70]. Так, участие императора при распределении спорной территории значительно усиливало влияние Чаган Дандзина среди хошутов,

⁵⁸ Mayers, №161.

обеспечивало его нейтралитет в планируемом антицинском восстании и провоцировало конфликт между князьями.⁵⁹

Еще одним фактором, свидетельствующим о возможной провокации конфликта со стороны цинского правительства стала аннексия территории Дерге, принадлежавшей ранее Лобсан Дандзину. Налоги населения Кама составляли значительную часть финансового обеспечения хошутского правителя, и ввод на его территорию маньчжурских войск под командованием Юэ Чжунци подливал масло в огонь [ДНГЯ, С.48; Shu Hui-wu, 1995, С.73-82].

Кроме того, как мы уже упоминали в Главе 2, Юнчжэн всерьез обсуждал возможность передачи светской власти Далай-ламе. Доклады Нянь Гэнъяо о ситуации в Тибете подтверждали как способности Далай-ламы, так и желание всех тибетцев видеть его своим правителем [СДНГЯМКЯ, С.7; ДНГЯ, С.51-52]. Это также свидетельствует в пользу того, что кукунорские хошуты уже не рассматривались как реальные претенденты на власть. Тот же факт, что Юнчжэн подтвердил, что собирается в будущем сдержать обещание отца передать им правление в Тибете после разрешения вопроса с джунгарами, не мог сильно повлиять на Лобсан Дандзина, так как мирные переговоры с Цеван Рабтэном затягивались, а решение проблемы военными методами постоянно откладывалось, в то время как временное правление министров в Тибете приобретало постоянный характер. По мнению китайского исследователя Дэн Жуйлина, вторичное вторжение джунгаров реально Тибету не угрожало и являлось по сути отговоркой цинского правительства [Дэн Жуйлин, 2002, С.79]. Не стоит, однако, забывать о родственных связях кукунорских хошутов с джунгарами, из-за которых их политические контакты вряд ли могли сойти на нет. Лишним аргументом против возвращения власти хошутам действительно мог быть их потенциальный политический союз с джунгарами, основанный на родственных связях.

⁵⁹ Подробнее о распределении спорных земель см.: [Kato Naoto, 1993, С. 67–70; Shu Hui-wu, 1995, С. 61–73].

Итак, Юнчжэн не рискнул сдержать обещание отца о возвращении Тибета кукунорским хошутам, руководствуясь отсутствием среди них достаточно авторитетного правителя, который мог бы поддерживать спокойствие в регионе, а также настроениями самих тибетцев и возможностью возникновения при кукунорских «царях Тибета» политического союза с главным противником империи Цин.

На съезде хошутских князей в декабре 1722 года в качестве повода для объединения против династии Цин и обращения к джунгарам за помощью было принято именно нежелание маньчжурского правителя возвращать наследникам Гуши-хана титул «царя Тибета»: «До сих пор мы, со времен наших предков, соблюдали все повеления Амугулан-хана (Канси. – M. C.). Сейчас же, кажется, для нас в этом нет выгоды ни на волосок. [Мы] ладили с Лхавсан-ханом, который по собственной вине был убит Цеван Рабтэном, а Тибет был захвачен. Наша армия объединилась с китайской и пошла в наступление, заставила Церина Дондуба бежать и попросила Далай-ламу занять престол. Ранее Амугулан-хан говорил, что если [мы] возьмем Тибет, сможем в будущем назначать хана из своих. Только затем мы собирались назначить хана из своих. С тех пор 3–4 года нет известий. Видимо, нет надежды [самим назначить хана]. Со времен предков и до наших дней с джунгарами мы были очень дружны. Но из-за того, что Лхавсан-хан поступил неверно, мы стали врагами. Однако какое нам дело до [Лхавсан-хана]? Давайте же скорее в 12-ый месяц этой зимой отправим посла к Цеван Рабтэну с посланием: “Со времен наших предков мы были в хороших отношениях, и до сих пор сохранили хорошие отношения. Давайте же и дальше действовать, объединив наши помыслы и устремления, и полагаться друг на друга. Следовать Амугулан-хану для нас невыгодно” – давайте скорее отправим ему посланника с этими словами» [СТДКЯРЮ, Т.1, С. 218].

Об этом решении стало известно командующему Цеван Норбу, который через генерал-губернатора Юньнани и Гуэйчжоу Гао Цичжо сообщил об этом императору Юнчжэну в мае 1723 года. В своем донесении

генерал-губернатор также сообщал, что это не первое подобное собрание хошутов [Там же]. Сведения из «Истории Кукунора» подтверждают, что решение о выступлении против Китая хошутские князья планировали еще в 1720 г. в Лхасе, когда уже во время пира, посвященного восшествию Далай-ламы VII на престол, их статус был существенно принижен: «Во-первых, во время великого пира в Потале китайские чиновники сидели на центральных местах и были обслужены с почтением, мы же, кукунорцы, сидели на задних рядах и еду нам подносили на бегу. Во-вторых, несмотря на наши попытки спасти регента Тагцепу, никто нас не слушал, и наша просьба была похоронена. В-третьих, мы привезли Далай-ламу из Литана и благодаря нашим стараниям сейчас завершили задачу его водворения на Львиный трон — задание, для которого мы были нужны и для которого к нам относились с почтением, а теперь наши заслуги принижены. Более того, по нашему разумению, благородные потомки Гуши-хана должны быть, как и прежде, благополучно коронованы царями Тибета. И тем не менее, на должность регента в Цзане был назначен Канченнэ из Шанга. По этим причинам наши лица были покрыты потом стыда, и наши сердца были словно уколоты терновыми шипами. Пряча негодование, мы поклялись перед изображением Будды в Тибете, сойдясь на том, чтобы поднять восстание против Китая» [Sum-pa mkhan-po, 1969, С. 24–25].

Однако единства среди правителей Кукунора не было. Политика цинской империи в отношении региона активно этому способствовала. Из-за участия императора в распределении спорных земель между князьями и провокационном распределении им титулов, Лобсан Дандзин, идеолог Кукунорского мятежа, лишился наиболее важного союзника в противостоянии маньчжурам – Чаган Дандзина, а его влияние на территории Цинхая значительно сократилось. Като Наото даже предполагает, что именно политика императора Юнчжэна в отношении кукунорских правителей стала причиной кукунорского мятежа [Kato Naoto, 1993, С. 80]. Понижению авторитета Лобсан Дандзина также способствовала, по сообщению Гао

Цичжо, его склонность к пьянству [СТДКЯРЮ, Т.1, С. 219]. В итоге к началу военных действий монгольский князь не только не сумел добиться поддержки джунгаров, но и растерял своих союзников.

§3.2. Участие тибетцев в Кукунорском мятеже.

Ход мятежа подробно описан в «Завоевании Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Шу-хуэй У [Wu Shu-hui, 1995, С.130–159], поэтому мы не будем заострять внимание на конкретных военных действиях, именах и названиях. В целом можно отметить, что, по свидетельствам очевидца событий Сумба-хамбо Ешай-Пэлджора, эта попытка монголов вести войну с цинским двором выглядела детской игрой в сравнении с действиями, предпринятыми маньчжурскими генералами. И если действия монгольских князей не были слажены и четко продуманы, у маньчжиров была определенная стратегия, и каждое действие носило продуманный характер [Sum-pa mkhan-po, 1969, С.25].

Важным фактором в определении политики цинской империи в отношении Кукунора во время восстания и в ходе ликвидации его последствий было большое количество проживавших на его территории тибетцев. В конфликте 1723–1724 гг. они поддержали хошутских ойратов (которых воспринимали как своих законных правителей) в лице Лобсан Данзина, обеспечив военную поддержку и материальное снабжение мятежа. Зачастую количество тибетцев, поддержавших восстание, в разных районах значительно превышало количество монгольских участников выступлений [ДНГЯ, С.55]. Монастыри служили местами сбора восставших, а монахи не только снабжали их провиантом и оружием, но и принимали непосредственное участие в военных действиях. Еще до начала восстания Юнчжэн писал Нянь Гэнъяо о том, что его удивляет и возмущает фанатичность приверженцев желтой веры, что влияние лам на монголов слишком велико и этому следует помешать, как только появится повод [Shu Hui-wu, 1995, С.133–134]. Император действительно зачастую очень резко

высказывался в адрес лам и тех, кто им слепо доверял, в особенности после того, как монастыри приняли активное участие в мятеже. В своем обращении к чиновникам Лифаньюань от 3 февраля 1724 г. Юнчжэн исключительно эмоционально описывал, как на протяжении практически целого столетия императоры династии Цин покровительствовали буддизму, установили прекрасные отношения с Далай-ламой V и восстановили на престоле в Лхасе Далай-ламу VII. Однако неблагодарные ламы приняли участие в антицинском восстании. В конце обращения император написал, после такого проявления черной неблагодарности он может разувериться в подобном учении Будды [Цин Шилу, С.289]. По этой причине у некоторых исследователей складывалось впечатление, что император плохо относился к буддизму. Шу-хуэй У, в частности, приводит перевод письма Юнчжэна к Нянь Гэньяо, в котором говорил о том, что «неразумность и непереносимость желтого учения» не поддается описанию и предлагал генералу обеспечить самые суровые наказания для монастырей, поддержавших восстание, но так, чтобы нельзя было бы обвинить цинский двор в инициативе нанесения вреда «желтому учению». Иначе это сразу сказалось бы негативно на расположении лояльно настроенных монголов [Wu Shu-hui, 1995, С.169]. Однако, исходя из других высказываний императора, который среди своих любимых иуважаемых учителей и воспитателей особо выделял Джанджа-Хутухту I Нгаван Лосанг Чойдэна (1642–1714) [СОУЦ, С.18], скорее можно заключить, что его негативное отношение распространялось не столько на буддизм, сколько на тех, кто, с точки зрения Юнчжэна, учением прикрывался, но ему не следовал: «повсюду все монгольские принцы, тайджи и ламы, услышав о [подавлении] восставших монахов в Гонлуне,⁶⁰ приходили в возмущение, но никто не осмелится сказать это вслух. Глупо, не зная причин [каких-либо действий], ошибочно делать [вывод об их]

⁶⁰ Речь идет о событиях начала 1724 года, когда под командованием генерала Юэ Чжунци у монастыря Гонлун (резиденция Джанджа-хутухт, к северо-востоку от Синина), поддержавшего Лобсана Дандзина, было сожжено более 7000 домов и казнено 6000 человек [Shu Hui-wu, 1995, С.130].

несправедливости, действительно нельзя объяснить [подобное поведение]. Мой закон Будды в самом деле превосходит тот, который сейчас используют монахи. Когда управляешь, руководствуясь настоящим Учением Будды, [понимаешь,] что все они – монгольские принцы, тайджи и другие множество раз все проявляли показные чувства, а внутри так не считали!» [цит. по: Дэн Жуйлин, 2002, С.84]. Особая жестокость в отношении лам при подавлении восстания объясняется, таким образом, не ненавистью к учению, а тем, что император искренне предполагал, что после долгих лет поддержки буддизма империей они встанут на сторону маньчжуров. Когда же тибетское население Цинхая встало на сторону Лобсан Дандзина, это вызвало недоумение и гнев императора, считавшего себя справедливым правителем-чакравартином.

Юнчжэн также, в отличие от Нянь Гэнъяо, в связи с поддержкой восстания кукунорскими тибетцами, был обеспокоен перспективой распространения мятежа на территорию Тибета. Кроме того, в случае победы над Лобсан Дандзином, необходимо было перекрыть ему пути к отступлению, и Тибет, наряду с Джунгарией, был его потенциальным прибежищем. Дополнительным поводом для беспокойства были посольства от Далай-ламы и Панчен-ламы с просьбами помиловать Лобсан Дандзина. И если в начале беспокойств в Цинхе император был уверен, что лидеры Тибета однозначно будут на его стороне и выдадут им мятежника, если он бежит в Тибет [ДНГЯ, С.52], то после этих посольств его мнение изменилось. В своем замечании к донесению генерала от 10 мая 1724 г. Юнчжэн писал: «Ламы, монахи, и последователи буддизма чувствительны как жены, им не важно, прав кто-то или виноват. Ты ответил очень правильно.⁶¹ Но в Тибете готовится более 10000 воинов, чтобы противостоять Лобсан Дандзину и схватить его.⁶² А сейчас опять за него заступаются [Далай-лама и Панчен-лама], не понимая мои намерения. Что они, с твоей точки зрения планируют? Как обстоят дела с приехавшим [посланником Далай-ламы]? Если Лобсан

⁶¹ Имеется ввиду ответ Нянь Гэнъяо Далай-ламе.

⁶² Подразумеваются тибетские воины, которых подготавливали в это время Канчэннэ.

Дандзин бежит в Тибет, как они будут действовать? Распорядись, чтобы письма с просьбами [Далай-ламы и Панчен-ламы] перевели и привезли мне прочитать» [ПТДРЮ, С.768]. Дополнительным поводом для беспокойства было то, что отец Далай-ламы отдал одну из своих дочерей в жены Лобсан Дандзину. Так духовный лидер Тибета оказался связан с мятежным хошутским правителем родственными узами [см. Глава 4].

Поэтому император торопил Нянь Гэнъяо с отправкой в Лхасу чамдоской армии под командованием Чжоу Ина, чтобы усилить оборону. Когда тибетские министры узнали о беспорядках в Цинхае, маньчжурских войск в Лхасе не было. Оставшись без военной поддержки императора после вывода армии, они были очень напуганы. Более того, по свидетельствам Нянь Гэнъяо, даже отправленная в Тибет маньчжурская армия не внушала калонам уверенности, что они будут защищены от Лобсан Дандзина, которого тибетцы видеть своим правителем не хотели [ДНГЯ, С.51]. Войска прибыли в столицу Тибета только в декабре 1723 года. Около полугода Лхаса находилась, таким образом, только под защитой войск под командованием Канченнэ и Полханэ [Дэн Жуйлин, 2002, С.82; Shu Hui-wu, 1995, С.211]. Когда же цинские войска прибыли в Тибет, маньчжурские командующие обеспечили оборонительную линию вдоль границы с Кукунором и организовали участие совместной маньчжурско-китайско-тибетской армии в военных действиях [Shu Hui-wu, 1995, С.213–214, 232–234].

Летом 1723 года Лобсан Дандзин начал военные действия в отношении своих соплеменников, не желавших его поддерживать. Первыми под ударом оказались Эрдэни Эрке Тогтонай, Соном Даши⁶³ и Галдан Даши⁶⁴, земли которых граничили с уделом Лобсан Дандзина. Поводом для нападения послужило то, что они тайно передавали информацию цинскому двору

⁶³ Потомок восьмого сына Гуши-хана Сангарджа. (Второго сына Эрдэни Эрке Тогтоная также звали Соном Даши [Kato Naoto, 1993, С.71])

⁶⁴ Потомок сына Гуши-хана Даяна Гъялпо, племянник Эрдэни Эрке Тогтоная, который также участвовал в антиджунгарской кампании 1718–1720 гг.

[ДНГЯ, С.35, 264–268; Kato Naoto, 1993, С.71]. Вопрос о том, когда следует оказать помощь подвергшимся атаке князьям, вызвал спор императора с генералом. Как докладывал Нянь Гэнъяо, для цинской империи было выгодно, чтобы потомки Гуши-хана ослабли в борьбе друг с другом. Генерал полагал, к тому же, что маньчжурской армии требуется отдых, и стоит подождать весны и, если все само собой не образуется, тогда уже применить военную силу. Юнчжэн, в свою очередь, решил, что лучше действовать, пока силы врага не выросли, потому что если бы Лобсан Дандзин объединился с джунгарами и захватил Тибет, ситуация стала бы значительно серьезнее [ДНГЯ, С.21–23; Shu Hui-wu, 1995, С.98–101]. Кроме того, император отметил в своем послании Нянь Гэнъяо, в случае, если Эрдэни Эрке будет разбит и захочет укрыться в Китае, необходимо оказать дать ему прибежище: «... в противном случае мы совершим ошибку в отношении умиротворения дальних земель в будущем. Эрдэни Эрке и другие – мои верноподданные и заслуживают мое милосердие. Если сейчас их принять, можно рассчитывать на их силу в будущем. Сообщи об этом Янь Синю» [СДНГЯМКЯ, С.7–9].

Не торопясь, Нянь Гэнъяо, в соответствии с указаниями императора, направился в Синин из Сиани. В конце октября маньчжурские войска выдвинулись из Сиани, и несколько недель спустя прибыли в Синин, где практически сразу встретились с войском Лобсан Дандзина, которое внезапно атаковало Шэнъчжун и окружило Чжэнъхай. Малочисленная маньчжурская армия отважно сражалась, и Синин был сохранен. Но позже император ставил в вину Нянь Гэнъяо, что тот опоздал и не выполнил указ, положившись на свое собственное мнение. Хошутские князья, подвергнувшиеся к тому моменту нападению со стороны Лобсан Дандзина, воспользовались позволением Юнчжэна и бежали в Китай [СТДКЯРЮ, Т.1, С.801, Т.31, С.720–721; ПТДРЮ, Т.1, С.412].

Это практически единственный случай в течение хода кукунорской кампании, когда император упрекнул в чем-то Нянь Гэнъяо. Интересно отметить полное доверие императора Юнчжэна к генералу в принятии

практически всех решений в отношении Тибета и Цинхая в первый год его правления: именно мнение Нянь Гэнъяо сыграло решающую роль в выводе войск из Тибета, распределении титулов и наград между участниками похода в Тибет в 1718–1720 гг., решении вопроса со спорными землями в Цинхае. В отношении безопасности Тибета в свете приближающегося мятежа мнение императора не совпало с мнением Нянь Гэнъяо: Юнчжэн боялся, что мятеж заденет Тибет, в то время как Нянь Гэнъяо был уверен в том, «при нынешнем развитии ситуации абсолютно невозможно проникновение разбойников в Тибет. Я в этом абсолютно уверен». Однако, даже высказывая критические суждения в адрес генерала, решения Юнчжэн практически всегда оставлял за ним. Комментарии императора, в большинстве случаев, носили консультирующий характер: «у меня нет полной уверенности», «принял к сведению» и «поступай, как сочешь нужным» [СТДКЯРЮ, Т.31, С.730]. Более того, император даже прощал Нянь Гэнъяо такие действия, как отправка посланий монгольским князьям от его имени [ПТДРЮ, С.164–165; Kato Naoto, 1993, С.73; Shu Hui-wu, 1995, С.94–95]. Подавлением мятежа было поручено руководить Нянь Гэнъяо, и генерал успешно справился со своей задачей.

Интересно отметить, что, по мнению Като Наото, Лобсан Дандзин, хотя и планировал восстание, на китайский гарнизон напал непреднамеренно во время военных действий, предпринятых против Чаган Дандзина [Kato Naoto, С. 80]. Поводом же для нападения на Чаган Дандзина послужило «присвоение» им удела Дандзюня, осуществленное при поддержке императора. В соответствии с докладом Чаншоу Юнчжэну от 22 сентября 1723, Лобсан Дандзин отрицал обвинение в организации мятежа и связях с джунгарами. Кроме того, он сам обвинял Эрдэни Эрке и Чаган Дандзина в том, что они собирались захватить Тибет. Однако то, что он сам, по сообщению Чаншоу (направленного к Лобсан Дандзину с целью попытки

решить конфликт дипломатическим путем),⁶⁵ повелел местным кукунорским правителям именовать себя «Далай Хунтайджи»⁶⁶ и не использовать титулы, дарованные ранее цинским правительством, а также потребовал от императора титул хана и право на управление всем Цинхаем и Тибетом, свидетельствовало не в его пользу [Цин Шилу, С.282–284]. Чаган Дандзин, как и другие хошутские правители не будучи в силах противостоять Лобсан Дандзину, также бежал в Китай [ПТДРЮ, С.310–312].

После столкновения Лобсан Дандзина с маньчжурскими войсками в Синине⁶⁷ статус военных действий изменился: выяснение отношений между хошутами переросло в антицинское восстание, и началась кампания Нянь Гэнъяо по его подавлению. Нянь Гэнъяо объявил Лобсан Дандзина предателем и отправил ему послание,⁶⁸ в котором выдвинул следующие обвинения: неподчинение указу императора; самовольное требование титула хана и права управления Тибетом; требование передачи ему титула Эрдэни Эрке Тогтоная; заявление, что он поедет в Пекин или отправит посланника объясниться только после решения вопроса с Чаган Дандзином, было также трактовано как явное нарушение закона. Генерал признавал, что император Канси обещал, что после наведения порядка в Тибете, администрация там будет организована как прежде, но подчеркивал, что требование управления Тибетом до того, как ситуация стабилизируется, непозволительно. Тем не менее, Нянь Гэнъяо все еще предлагал решить вопрос мирным путем. Он писал, что ни под каким предлогом Лобсан Дандзин больше не сможет претендовать на управление Цинхаем и будет лишен титула цинь-вана, однако он сможет сохранить титул гуна [ПТДРЮ, С.330]. Это последнее щедрое предложение принято было лишь на словах: Лобсан Дандзин

⁶⁵ Текст императорского указа (отправленного Нянь Гэнъяо от имени Юнчжэна), который Чаншоу привез Лобсан Дандзину см. [ПТДРЮ, С.164–165; Kato Naoto, 1993, С.73; Shu Hui-wu, 1995, С.94–95].

⁶⁶ Титул «Далай Хунтайджи» был дарован Далай-ламой V сыну Гуши-хана Далай Батуру в 1658 году [Ishihama, 1992, С.503].

⁶⁷ Подробно о военных действиях в Синине см. Shu Hui-wu, 1995, С.137–142.

⁶⁸ Перевод обращения Нянь Гэнъяо см. Shu Hui-wu, 1995, С.104–107; Kato Naoto, 1993, С.78.

пообещал предстать перед императором зимой с объяснениями, однако сам продолжал военные действия. Зимой же он действительно направился в сторону Китая, но не для того, чтобы просить прощения, а для того, чтобы напасть на Синин [ДНГЯ, С.125–126; Shu Hui-wu, 1995, С.108]. Нянь Гэнъяо приступил к военным действиям, и Кукунорский мятеж был подавлен за считанные месяцы. Лобсан Дандзин бежал в Джунгарию. Однако, как докладывал императору Нянь Гэнъяо, быстро подавить восстание – не проблема, вопрос в том, чтобы достичь спокойствия на границах, а для этого необходимо подчинить умы проживающего там населения [ДНГЯ, С.34]. При этом «умиротворение» тибетцев и лам Кукунора генерал считал приоритетной задачей [Там же, С.37]. Этот процесс потребовал значительно больших усилий и времени.

Поддержка тибетцами мятежного хошутского князя стала не только идеальным оправданием мер, предпринятых в отношении лам и монастырей, – она разозлила императора и стала причиной беспрецедентной жестокости, проявленной при «умиротворении» Цинхая. Кроме того, тибетцы, проживавшие на территории Кукунора, не выразили покорности даже после бегства Лобсан Дандзина, что усугубило последовавшие в их отношении меры, предпринятые маньчжурскими генералами. Шу-хуэй У подробно описывает действия командующих Нянь Гэнъяо и Юэ Чжунци (1686–1754), которым было поручено «умиротворение» Цинхая. Маньчжурские войска убивали лам, молодых и старых, уничтожали монастыри и прилегавшие к ним деревни. Были разрушены монастыри Кумбум – родина основателя школы Гелуг Цзонхавы и Гонлун – резиденция Джанджа-хутухт. Учитель Далай-ламы VII престарелый Чубсан-хутухта вместе с другими высшими ламами был сожжен заживо. Семилетний Джанджа-хутухта Ролби-Дордже (1717–1786), воплощение учителя и наставника Юнчжэна Нгаван Лосанг Чойдэна, по специальному распоряжению императора⁶⁹ под охраной доставили в Пекин [Wu Shu-hui, 1995, С.173–199]. Принятие решения о

⁶⁹ Текст распоряжения см. ДНГЯ, С.53.

перемещении Джанджа-хутухты было вызвано полученной Юнчжэном ранее петицией высокопоставленных лам, именовавших себя учениками Нгаван Лосанг Чойдэна. Они предлагали императору принять участие в судьбе семилетнего Джанджа-хутухты, поместив его в монастырь в Долонноре. Несмотря на явный скептицизм Юнчжэна по поводу петиции и призыв к ламам обращаться с этой проблемой в соответствующую инстанцию (Лифаньюань), император все же распорядился позаботиться о судьбе Ролби-Дордже [Weiers, 1988, С.120–126]. С тех пор Ролби-Дордже находился под опекой императора и смог вызвать его расположение. Десять лет спустя молодой Джанджа-хутухта получил титул *гоши* и был отправлен с дипломатической миссией, возглавляемой братом императора, семнадцатым принцем Юньли (1697–1738), сопровождать Далай-ламу в Лхасу (см. Глава 5). В 1751 году Ролби-Дордже окказал значительное влияние на решение преемника Юнчжэна императора Цяньлуна (правл. 1735–1799) о передаче светской власти Далай-ламе VII. Впоследствии Джанджа-хутухта написал биографию Далай-ламы Кэлсанг Гьяцо [Wang, 2000, С.125–126].⁷⁰

Меры, предпринятые Нянь Гэнъяо в отношении отдельных областей уже завоеванной территории Цинхая (Кам, Гуанчжун, Амдо), отличались в зависимости от степени их помощи Лобсан Дандзину или признания господства империи Цин. В то же время правила и ограничения, введенные по окончании военных действий, затронули весь Кукунор.

§3.3. Последствия Кукунорского мятежа.

Кроме традиционных наград, поощрений и штрафов, Юнчжэн, по предложению Нянь Гэнъяо, предпринял целый ряд мер, обеспечивших вхождение Цинхая в состав империи Цин.

Что касается территориального размежевания, этот вопрос был подробно изучен императором. Вначале он изучил донесение Нянь Гэнъяо,

⁷⁰ Подробно о жизни и деятельности Ролби-Дордже см. Kämpfe, 1974.

которое гласило: «Я выяснил, что Кукунор, Бар-Кам, Уй и Цзан раньше были четырьмя государствами тибетского народа. Гуши-хан, после военного вторжения, разделил [свою территорию] на занимавший большую территорию Сихай (Цинхай), пригодную для земледелия и скотоводства, и плотно населенный Кам, скудно обеспечиваемый пропитанием, и разделил их между сыновьями. От Лхоронцзона на восток была земля Кама, [население которой] платило земельный налог князьям Сихая, а на запад от Лхорона – Уй-Цзан, который [он] отдал Далай-ламе и Панчену. Как сказал регент-калон, 130000 тибетцев были отданы Далай-ламе, и это только территория Уя, которая относилась к его юрисдикции, т.е. Цзан и Кам не входили в это число» [СТДКЯРЮ, Т.31, С.763].

Юнчжэн прокомментировал сообщение следующим образом: «Этого знания для меня недостаточно, пересмотри вопрос и доложи более ясно» [Там же]. Однако, несмотря на то, что император считал доклад не вполне подробным, основа для представления о том, как следует распределить территорию, была положена. После этого доклада Юнчжэн исходил из того, что, создав свое государство в 1642 году, Гуши-хан разделил тибетские земли на Кам, Уй и Цзан, а остальная территория вошла в состав Кукунора. Причем Далай-ламе в управление был передан только Уй. Исходя из этого, Нянь Гэнъяо предложил: «В такой ситуации то, что к востоку от Лхоронцзона отходит к Сычуани и Юньнани, так как [подавление] восстания в Цинхае принесло [нам] эту территорию, [мы] спасли 100000 тибетцев от огня и воды и провели перепись.⁷¹ Его (калона – М.С.) слово твердо, его мысли правильны. Мы, таким образом, не берем, пользуясь предлогом, то, что должно относиться к территории, на которой Далай-лама возжигает свои благовония⁷² (комментарий Юнчжэна: «Это прекрасно!»). Я скромно полагаю, если сейчас все же милостиво дать оба (Уй и Цзан) Далай-ламе и Панчену, этим мы дадим понять, что помогаем идее желтой веры». На что

⁷¹ Дословно: «зафиксировали спальные циновки» – дэн чжи жэнь си

⁷² Фразу о благовониях император прокомментировал, что это не стоило говорить.

император ответил: «Очень хорошо, они обязательно согласятся, тогда монголам нечем будет управлять» [Там же]. Это свидетельствует о том, что, в соответствии с распределением земель Гуши-ханом в созданном им государстве, территории Чамдо, Батана, Литана и Дэрge не входили в состав Тибета, и по праву принадлежали восставшему Лобсан Дандзину. Таким образом, с точки зрения цинского двора, их присоединение к цинским провинциям было логически обосновано. Что же касается земель Чаган Дандзина, то они также отходили империи «по праву», так как Чаган Дандzin укрылся на территории Китая. По предложению Нянь Гэнъяо, Далай-ламе и Панчен-ламе была также выделена ежегодная денежная выплата и 3750 кг лучшего чая в качестве компенсации за то, что часть территории, с которой налог раньше отправлялся им, теперь отходила к Цинской империи. Кроме того, их посольства в Дацзянлу были освобождены от налога на торговлю. Однако решение о границе было принято только в 1726 году. 5 декабря 1725 года Юэ Чжунци, сменивший Нянь Гэнъяо на должности генерал-губернатора Сычуани и Шэньси, доложил императору о том, что часть подчиненных земель, таких как Лхоронцзон, было бы сложно контролировать, если их включить в состав китайских провинций, поэтому стоит рассмотреть вопрос о том, какие места стоит передать в качестве дара Далай-ламе [Цин Шилу, С.311–312]. На переговоры с Чжоу Ином в Чамдо приехал Нгабопа, и по итогам пересмотра территориального вопроса Чжоу Ином летом 1726 года отправил Юнчжэну донесение, согласно которому в подаренные Далай-ламе земли вошли земли от Наньдэн до Шобаньдо (к западу от Лхоронцзона). Батан, Литан, Дэрge, Лхато и Линцун были включены в состав Китая [СТДКЯРЮ, Т.7, С.713–715; Shu Hui-wu, 1995, С.289].

Наряду с территориальными изменениями, способствовавшими в том числе разобщению монголов, была введена новая система налогообложения, кочевой образ жизни было приказано сменить земледельческим, была проведена перепись населения и организованы новые почтовые пункты для

усиления контроля над подчиненной территорией. Все тибетцы, проживавшие на территории Цинхая, стали платить налоги Цинской империи. Раньше они подчинялись монгольским князьям и поэтому поддержали их в мятеже, теперь же они переходили в полное и безоговорочное подчинение цинскому двору. Земли были распределены между провинциями Сычуань, Шэньси и Юньнань. Также был введен строгий контроль за деятельностью монастырей и регламент, ограничивавший количество комнат и лам в монастыре, регулировавший порядок выдачи монашеских удостоверений и вводивший серьезные ограничения в других областях жизни последователей “желтой веры”. На территориях, населенных тибетцами, были на постоянной основе размещены цинские гарнизоны [Shu Hui-wu, 1995, C.260–284].

Подводя итоги событиям 1723–1724 гг., можно выделить следующие наиболее важные для Тибета последствия:

- Завоевание Кукунора и его включение в состав цинской империи положило конец притязаниям наследников хошутского Гуши-хана на титул «царя Тибета» и участие в его управлении.
- Джунгары, отказавшиеся выступить против империи Цин, становились менее опасными соседями, так как лишились практически единственного возможного союзника в противостоянии цинскому двору. Сам же факт того, что Цеван Рабтэн отказался поддержать Лобсан Дандзина, свидетельствовал о том, что джунгары еще долгое время не смогут набрать достаточно сил, чтобы стать серьезным соперником на внешнеполитической арене и повторить вторжение в Тибет.
- Значительные территории, населенные тибетцами, вошли в состав внутренних провинций империи Цин. Важнейший религиозный очаг, родина основателя школы Гелуг Цзонхавы, перешел в подчинение к цинской администрации. Был принят целый ряд серьезных мер по ограничению деятельности лам и монастырей на присоединенной территории.

§3.4. Стела «На покорение Цинхая» 1725 года.

После стремительного покорения мятежников в 1725 году, придворные порекомендовали Юнчжэну воздвигнуть стелу, чтобы запечатлеть великое событие покорения Цинхая и воспеть славный подвиг цинской армии. Чиновники привели в пример императора Канси, установившего подобную стелу на китайском и маньчжурском языке после покорения хана Галдана [ВУГТБКВМТ, цз.81, Л.31б; Ди Фубао, 2006, С. 76]. Юй Хуэйчун сообщает, что эта традиция стала поддерживаться цинскими правителями для легитимизации власти династии в Китае, так как стелы устанавливались в конфуцианских храмах, и победы, в соответствии с древним обычаем, посвящались именно Конфуцию [Yu Hui-chun, 2007, С.113–114]. До сегодняшнего дня сохранилось две стелы на покорение Цинхая с идентичными текстами. Одна стела в Храме Конфуция в Пекине установлена рядом со стелами «На покорение далеких пустынных земель» (1705 г., император Канси), «На покорение Цзиньчуаня» (1749 г., император Цяньлуна) и «На покорение Джунгарии» (1755 г., император Цяньлун). Стела с идентичным текстом стоит в храме Конфуция в городе Юньчэн округе Цзянсянь (провинция Шаньси). Текст этих стел также дошел до нас в текстах «Правдивых записей» и ВУГТБКВМТ. В нем говорится, что, следуя традиции, примеру императора Канси и совету придворных, император Юнчжэн написал этот текст и повелел установить стелу и совершить ритуалы жертвоприношения перед изображением Конфуция. В тексте император изложил свое видение событий 1723-1724 годов:

«Что касается Лобсан Дандзина, его предок Гуши-хан, в первые времена нашего государства, поклонившись в землю, изъявил покорность. И направленные [к нему] в то время чиновники, обсудив, утвердили [решение], дать ему землю для кочевий. Эти земли, где вперемежку жили фани и цяны (тибетцы – М.С.), находились очень близко к Ганьчжоу и Лянчжоу. Стратегия моего милостивого отца Шэнцзу была глубокой и далеко идущей, поэтому я постоянно думаю об этом. Он сам, возглавив великое войско, умиротворил

северную пустыню. [Он] взрастил сильный дух, и Даши Батур из кукунорского племени (сын Гуши-хана – М.С.) и другие испугались [его] величия и подчинились. Милостивый император Шэн-цзу (Канси – М.С.) оказал благоволение и дал [Даши Батуру] титул цинь-вана, а восьмерых его старших и младших братьев наградил наследственными титулами и жалованием. Хотя они явно демонстрировали, что находятся под контролем, плохие мысли и характер нельзя исправить добродетелью и законом. Более 30 лет они таили другие мысли. Когда я сел на великий престол, продолжил оказывать великую милость, даря им знаки отличия. Тогда у меня еще была надежда усмирить дикие сердца подданных. Но Лобсан Дандзин глупо и несознательно поднял восстание и возглавил его вместе с Чойлаг Номчи, Рабтэном Вэнбу, Джампа Джабом и другими. Говоря о добром деянии создания великого государства, он не показывал, что делает приготовления [к восстанию]. Однако он осмелился возглавить восстание, вовлечь в него фаней и цянов, напасть на приграничные города, демонстрировать антигосударственные лозунги, совершая невообразимые для Неба поступки. Тогда я назначил гуна, великого защитника, генерал-губернатора Сычуани Нянь Гэнъяо Великим генералом, умиротворяющим границы,⁷³ публично обвинил [Лобсан Дандзина] и отправил карательный поход. На 10 месяц первого года правления под девизом Юнчжэн благороднейший (Нянь Гэнъяо – М.С.) пошел в поход. Всю зиму и весну все разбивал и разбивал толпы примкнувших к восстанию племен. Управляя клевцом и боевым топором, он в нужное время одерживал победы. Он одержал победу над сотней тысяч человек, а также победил более двадцати бэйлэ, бэйсэ, гунов и тайджи. Я имел милосердие к его (Лобсан Дандзина – М.С.) глупости и несознательности, [и решил, что] если [Лобсан Дандзин], не желая повторения беды, покаявшись в преступлении, лично явится, я обязательно полностью его прощу. Однако [он] упорствовал в своих ошибках. Неся страх, он сопротивлялся, не подчинившись. Тогда я определил план [его]

⁷³ Кит. Фу юань да цзян цзюнь

уничтожения, втайне подробно объяснил стратегию великому полководцу Нянь Гэнъяо, сообщив ему план выдвижения армии. [Генерал] произвел осмотр оружия и проверку войск и командующих. А главнокомандующий Сычуани Юэ Чжунци был назначен могущественным генералом⁷⁴. В начале среднего месяца весны, принеся жертву главному стягу перед выступлением в поход, двинулись в атаку. [...] Ради меня [войны] с воодушевлением несли службу, рискуя жизнью. Подавив скверных бунтовщиков, умиротворив фаней и цянов, [они] навсегда заставили погаснуть огневые и дымные маяки⁷⁵. Народ внутренних и внешних земель наслаждается спокойствием и благополучием. В действительности следуя намерениям предка (Канси), [я] достиг в этом великого успеха» [ВУГТБКВМТ, Цз.81, Л.29а–31б].

Как видно из приведенного выше перевода отрывка текста, особое значение император придавал участию в восстании тибетцев, которых Лобсан Дандзин «вовлек в восстание»: их «умиротворение» стоит в списке заслуг рядом с «покорением бунтовщиков».

Также можно отметить, что Юнчжэн неоднократно упоминает, что в своей политике он руководствовался мудрыми идеями своего отца о покорении внешних земель. О том, что Юнчжэн следовал линии императора Канси, он неоднократно писал как в официальных документах, так и в личной переписке со своими приближенными.⁷⁶

Интересно подчеркнуть, что в монгольской версии ВУГТБКВМТ отсутствует отрывок текста стелы, в котором говорится о заслугах генерала Нянь Гэнъяо. Вероятно, это произошло в связи с тем, что, несмотря на многочисленные заслуги, генерал попал в опалу, и после того, как в 1726 году ему было приказано покончить с собой,⁷⁷ хвалебные тексты в его адрес были в официальной документации сокращены.

⁷⁴ Кит. Фэн вэй цзян цзюнь

⁷⁵ Такие маяки служили в Китае знаками военной тревоги.

⁷⁶ См. Глава 4.

⁷⁷ Существуют различные точки зрения о причинах, по которым Юнчжэн приказал Нянь Гэнъяо покончить с собой. Среди причин называют то, что генерал, зазнавшись, перестал соблюдать ритуал и стал вести себя

В результате кровавой расправы над монахами и разгрома, которому подверглись буддийские монастыри в 1723–1724 годах, в Тибете, где только начинало складываться представление о маньчжурском правителе, стало слишком сложно поддерживать его имидж как «покровителя буддизма». Однако Юнчжэну удалось добиться того, чтобы разграбление монастырей и массовые убийства тибетцев на территории Кукунора ассоциировались отнюдь не с его именем: поводом к совершенным действиям послужила поддержка тибетцами мятежного монгольского князя Лобсан Дандзина, а причиной стали считать кровожадность и жестокость китайских генералов. В тибетской историографии под именем Ньен-гун стали понимать воплощение злого духа. Поэтому, когда Нянь Гэнъяо, верный и талантливый полководец, выполнивший повеления императора, получил приказ покончить с собой, в Тибете это было воспринято как возмездие за его жестокость. Также Юнчжэн распорядился о восстановлении монастырей, которое, главным образом, завершилось к 1729 г.

§3.5. Указ императора Юнчжэна 1726 года о преследовании школы Ньингма.

Кроме казни Нянь Гэнъяо, императором была предпринята еще одна мера, которая могла преследовать своей целью утвердить в умах тибетцев представление об императоре как о «защитнике истинной веры». В 1726 году вышел указ императора Юнчжэна, тибетский перевод которого сохранился в биографии Полханэ⁷⁸:

неприемлемо по отношению к императору. Есть версия, что император испугался, что влияние Нянь Гэнъяо превысило его собственное, что он брал взятки и назначал на должности своих людей, не советуясь с императором и формируя группировку для того, чтобы самому занять престол. Также существует предположение, что Нянь Гэнъяо участвовал в заговоре, благодаря которому Юнчжэн захватил власть после смерти императора Канси, который назвал своим наследником 14-го сына Юньти. И, когда Юнчжэн утвердил вертикаль власти, то просто избавился от ненужного свидетеля. Подробнее о кончине Нянь Гэнъяо см. Shu Hui-wu, 1995, С. 317–329.

⁷⁸ В доступных нам китайских источниках этот указ не упоминается.

«Указ императора. Пусть достигнет Далай-лама просветления в океане систем сутр и тантр. [Монахи, проживающие в] Миндролинг, Дорджедраг и Самье, которые придерживаются традиции старых мантр, могут оставаться в [этих] монастырях или менять религиозную систему, если пожелают. Что же касается других последователей старого учения, которые проживают в своих монастырях, следует лишить их полномочий, запретить практиковать [ритуалы] усмирения демонов, огненные подношения, разбрасывание магического оружия. Если же кто-то пожелает стать монахом, он должен стать, не имея самостоятельного права выбора, последователем желтошапочного учения» [Hor khang, 1998, С.92].

О возможных причинах, по которым император мог издать подобный указ, пишет В.Л.Успенский в своей монографии «Тибетский буддизм в Пекине». На основе ряда тибетских источников, автор делает вывод о том, что во время правления императора Юнчжэна «в Пекине среди высших лам сложились две группировки. Первую составляли пуристы и фундаменталисты школы Гелуг. Ее можно назвать “гонлунской”, поскольку ее лидеры Туган-хутухта, Сумба-хамбо и Джанджа-хутухта были крупнейшими ламами монастыря Гонлун. (...) Вторую группу возглавляли Ганджурва Лобсан-Чултэм и его патрон и ученик Юньли. Их можно назвать духовными предтечами появившегося в тибетском буддизме в XIX в. движения “римэ” (“всеохватывающего”), стоявшего выше сектантских разногласий. По-видимому, раскол между двумя группами произошел около 1725 г., т.е. даты приглашения в Пекин двух иерархов школы Кармапа. Во всяком случае, Туган-хутухта и Ганджурва-хутухта вместе сопровождали седьмого далай-ламу в Лхасу в 1720 г., а также вместе подписали петицию к императору о приглашении в Пекин юного Джанджа-хутухты в 1724 г. Едва ли когда-нибудь станут известны причины личного характера, которые стояли за этим конфликтом» [Успенский, 2011, С.212]. Безусловно, такое противостояние и интриги при цинском дворе могли повлиять на решение императора об издании указа в

1726 году. Необходимо также отметить, что это первый указ, изданный за пределами Тибета, призванный регулировать его религиозную жизнь.

Повеление, дающее серьезнейшие привилегии последователям «желтого учения», могло преследовать своей целью взять под контроль развитие тибетского буддизма, последователи которого доставили Юнчжэну столько проблем в 1723-1724 гг. Император сам был последователем Учения и понимал его значение как в самом Тибете, так и в регионе. Согласно его словам, «монголы верят в буддизм. Они слушаются всего, что говорят ламы. Поэтому, если мы хотим контролировать монголов, мы не должны окончательно отказываться от учения лам. А те, кто этого не знают, лишь выдвигают неразумные возражения, противоречащие мнению большинства, и это взгляд поверхностных, ограниченных людей» [ВПГКШЦ, Цз.56, Л.20а]. Исходя из высказываний императора о необходимости подчинения монголов посредством тибетских лам, указ 1726 года вполне можно трактовать как желание унифицировать религию в Тибете, чтобы было проще контролировать верующих буддистов через авторитет Далай-ламы. В то же время, этот контроль был бы облечен в форму покровительства доминирующей школе Гелуг, к которой относился Далай-лама, что, как мы уже говорили, способствовало бы укреплению представления о маньчжурском императоре как о «защитнике истинной веры», которым он себя и считал.

Несмотря на то, что указ Юнчжэна давал значительные привилегии школе Гелуг, тибетские калоны не спешили воплотить его в жизнь. Согласно традиции, установленной при Великом Пятом, Гелуг и Ньингма мирно сосуществовали в Тибете и имели практически равный авторитет среди верующих тибетцев. Учителя «Старой школы», которая являлась национальной тибетской идеологией и носительницей царских традиций,⁷⁹ оказывали значительное влияние не только на умы простых тибетцев. Как следует из «Тайной автобиографии» Далай-ламы V, он сам практиковал

⁷⁹ Во времена существования «Великого Тибета» других школ тибетского буддизма еще не было.

ритуалы «Старой школы» и принимал посвящения от учителей Ньингмы [Ishihama, 1993, С.49]. Одной из причин такой благосклонности Далай-ламы V к «Старой школе» можно назвать его происхождение: Далай-лама родился в семье, почитавшей традицию Ньингмы, а в том месте, где он родился, сложилась традиция дружественных отношений между последователями школ Гелуг и Ньингма [Snellgrove, Richardson, 2003, С.194]. Кроме того, приверженцы «Старой школы» поддерживали последователей «Желтого учения» в их противостоянии с другими школами, в т.ч. Кагью. Таким образом, привлечение школы Ньингма на свою сторону также было выгодно для Гелуг не только в силу значительного количества последователей, но и потому, что ньингмапинские ламы не претендовали на то, чтобы занять доминирующее положение ни в религиозной, ни в политической жизни Тибета. В то же время, существовала историческая традиция, препятствовавшая распространению учения «Старой школы» за пределы Тибета. В «Беседах буддийских монахов» ученый лама Гунтан Чжамбэй Янг, со ссылкой на Великого Пятого, писал, что не следует распространять учение Ньингмы на территории Монголии и пояснял причины, по которым этого не стоило делать: «Все же у вас (монголов – М.С.) есть сильное стремление к Закону. И с самого начала требовалось указать такой метод, который был бы наиболее глубокомысленным, возвышенным и скорым, но высказывалось так, как попадется на язык, и вышло непонятно. Ныне большая часть литературы Нинмабы дошла до Монголии. Но V Великий Далай-лама в целях государственных интересов Тибета прослушал книг более ста «скрытных кладов» и литературу Нинмабы распространил повсюду. Но он признал учение Нинмабы несчастьем для Монголии и запретил его доступ в эту страну. Подобный взгляд его явствует из его биографии и поучений. Причина подобного отношения Нинмабы к Монголии заключается в том, что в прежнее время монгольские войска неоднократно вторгались в Тибет и преследовали эту sectу. Вследствие этого все верховные ламы и гении хранители Нинмабы были враждебны монголам и сила нравственных

преступлений последних против секты была слишком велика» [Барадийн, 1925, С.40-41]. Объяснение запрета на распространение Ньингмы на территории Монголии исторически сложившейся традицией плохих взаимоотношений монголов с последователями «Старой школы» подтверждается автором так называемой «Золотой книги», халхаским ламой Дамдином, который относит начало конфликта к периоду правления царя Тисондэцена (742–810): «Что же касается традиции Ньингма, ранее Падмасамбхава для того, чтобы пригласить Пехара⁸⁰ стать хранителем местности монастыря Самье, обратился к Тисондэцэну, и когда [он] отправил армию, [войска] завоевали школу медитации в Бхамта Хор⁸¹, разграбили владения и повелели местным божествам, встречавшимся по дороге, подавлять монголов⁸². Начиная с этих пор ньингмапинцы вызывали большой страх у вооруженных племен севера» [ЗКД, С.151–152].

Хотя докторанту неизвестно о подобных конфликтах с китайской стороной, существуют свидетельства о нежелании Далай-ламы V допускать распространение Ньингмы в Китае. В одном из посланий императора Канси к Галдану сказано: «В 13-м году Канси (1674 г.) далай-лама попросил издать указ, запрещающий монахам и мирянам в Китае читать сочинения Падма Самбхавы. Я тотчас также отдал [такой] приказ и запретил монахам и мирянам читать [эти сочинения]» [Цит.по: Мартынов,1978, С.151].⁸³ Можно предположить, что Великий Пятый предпочитал сохранять монополию на поддержку внешних сил, будь то маньчжуры или монголы, благодаря которым Гелуг пришла к власти, за своей школой. В то же время, стоит

⁸⁰ Божество, почитаемое в Тибете как дхармапала – «защитник учения». Подробнее о Пехаре см. Nebesky-Wojkowitz, 1996, С.94-102.

⁸¹ Согласно легенде, до того, как Пехар был призван Падмасамбхавой и стал охраняющим божеством монастыря Самье, он был божеством-защитником школы медитации (тиб. sgom grwa) в местности Бхамта Хор на территории уйголов. Подробно легенду о Пехаре см.: Stein, 1951, С. 223-265; Hummel, 1962, С. 313-316.

⁸² Тиб. hor sog. Под тибетскими этонимами «хор» и «сог» монгольские и тибетские авторы 17 – нач. 20 вв. понимали монголов. О различных точках зрения на идентификацию «хор» и «сог» см. Китинов, 2004, С.55.

⁸³ Китайский текст повеления см. Цин Шилу, С.108.

обратить внимание и на то, что ритуалы Ньингмы, призванные отражать внешних врагов, были направлены не только на монголов, но и на другие народы граничащих с Тибетом земель. Так, на иллюстрации к ньингмапинскому обряду отражения врагов из «Тайной автобиографии» Пятого Далай-ламы можно ясно различить не только монгольские юрты и лошадей со скованными ногами, но и традиционные китайские дома [Karmay, 1988, С.165]. Это также могло послужить дополнительным стимулом для Юнчжэна для того, чтобы начать преследования Ньингмы.

В силу вышеизложенных обстоятельств вопрос о реализации этого указа вызвал острую полемику среди калонов. Канченнэ, проявляя лояльность по отношению к цинскому двору, воспринял его с энтузиазмом. Однако его сторонник Полханэ, выступивший категорически против проведения указа в жизнь, в итоге сложил с себя полномочия и уехал из Лхасы. По данным из его биографии, дочь великого ламы школы Ньингма Ригдзина Тердраг Лингпы (1646–1714)⁸⁴ Чжецзун Ми Гьюр Пэлги Чжома (1699–1769), исповедовавшая «Старое учение», в беседе с Полханэ предсказала крах Канченнэ из-за того, что он начал угнетать ньингмапинцев [Petech, 1972, С.109–110; Martin, 2003, С.662]. И действительно, Канченнэ, начавший приводить указ в действие, был вскоре убит другими министрами, после чего Тибет погрузился в междоусобную войну 1727–1728 гг.

⁸⁴ О Ригдзине Тердраге Лингпа см. Dudjom Rinpoche, Jikdrel Yeshe Dorje, 1991, С.825–834.

Глава 4. Позиция императора Юнчжэна в отношении тибетского междоусобного конфликта 1727–1728 гг.

§4.1. Цинские представители в Тибете до 1726 года и предпосылки междоусобной войны.

Внутренняя ситуация в Тибете после бурных событий 1717–1724 гг. была, с одной стороны, урегулирована: появился действующий орган управления – совет министров, наделенный полномочиями цинским императором, возможность нового вторжения джунгаров и распространения кукунорского мятежа на территорию Тибета становилась все менее вероятной. С другой стороны, после всех потрясений, выпавших на долю Тибета за этот период, требовалось время, чтобы войти в мирный ритм жизни. Атмосфера все еще была накалена, а в новом правительстве уже начались столкновения, причем подкрепленные не только личной неприязнью, но и политическими разногласиями, существовавшими между министрами. Как мы уже упоминали выше, Канченнэ и Полханэ были убежденными сторонниками процинской политики, в то время как остальные калоны не расставались с мыслью о Тибете, которым тибетская аристократия могла бы управлять без оглядки на маньчжурского императора.

Когда после восстания Лобсан Дандзина решился вопрос с территориальной и административной реорганизацией Цинхая, а военные действия против джунгаров были приостановлены, цинское правительство занялось вопросом организации системы управления Тибетом. Однако беспокойные события истории Тибета последнего десятилетия, недавний приход Юнчжэна к власти и его склонность к глубокому анализу ситуации перед принятием решения по серьезным вопросам привели к затягиванию решения.

Начиная с первого года своего правления, император постоянно направлял в Тибет чиновников для того, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. После вывода войск из Лхасы в начале 1723 года и отъезда

генералов Цеван Норбу и Абу, в Тибет 24 апреля 1723 года был направлен секретарь Лифаньюа́нь по имени Орай, назначенный вице-канцлером Великого секретариата, а также заместитель главы министерства церемоний⁸⁵, чтобы вместе с калонами заниматься делами управления. После традиционного визита к Далай-ламе, Орай отправился на заседание совета министров, на котором объявил о решении императора назначить Полханэ калоном. Джараба Лодой-гъялпо, также известный как Джаранэ (ум. 1728), был назначен его помощником, и также получил звание калона в совете министров и титул тайджи [Цин Шилу, С.280; Petech, 1972, С.94–95]. По предложению Орая, по итогам кампании 1723–1724 гг, Полханэ был назначен дзасак-тайджи,⁸⁶ а 6 апреля 1724 г. Орай был отправлен обратно в Синин заниматься делами управления кукунорскими монголами [Цин Шилу, С.292; ИОКПСТ, С.420].

Китайские исследователи полагают, что Орай был вызван из Тибета по просьбе генерала Нянь Гэнъяо [ИОКПСТ, С.438]. Однако, согласно приведенным Л.Петехом сведениям из биографии Далай-ламы, вице-канцлер не сразу выполнил указ и еще несколько месяцев оставался в Тибете [Petech, 1972, С.98]. Исходя из того, что 15 апреля 1725 ему вместе с Нянь Гэнъяо было приказано обеспечить работу Канченнэ, можно утверждать, что в это время он уже был в Цинхае [Цин Шилу, С.303].

Во время кукунорского мятежа вместе с Ораем в Тибете также находился главнокомандующий⁸⁷ Чжоу Ин, который руководил сычуаньским подразделением цинских войск, оборонявших Тибет. Таким образом, после отъезда Орая, из представителей цинской администрации в Тибете остался только Чжоу Ин.

⁸⁵ Mayers, №161, №155.

⁸⁶ Добавление должности «дзасак» перед титулом «тайджи», по всей вероятности, означало, что на Полханэ также были возложены обязанности заниматься административными делами. Вопрос о применении монгольских титулов и должностей в условиях Тибета требует отдельного изучения.

⁸⁷ Mayers, №440.

Главнокомандующий продолжал изучать ситуацию в Тибете, и на 21 день 12 месяца 3 года правления Юнчжэна, он доложил императору свои наблюдения. Судя по содержанию его донесения, генерал явно поддался влиянию отца Далай-ламы Соднама Даргье. Чжоу Ин дал положительные характеристики всем находящимся у власти тибетцам, аргументировав свое мнение тем, что, исходя из его личного опыта общения и сотрудничества с каждым из них, можно констатировать их огромные заслуги перед цинским двором. Главнокомандующий писал, что все калоны в период противодействия джунгарам в 1717-1720 гг. и во время Кукунорского мятежа 1723-1724 гг. проявили себя как лояльные, достойные люди, и предложил за каждым из них закрепить определенную территорию, за которую он бы нес ответственность:

«Мои предположения таковы:

Территория Тибета велика. После недавнего обсуждения Аппаратом советников по политическим вопросам⁸⁸ было принято решение назначить Канченнэ главным [калоном], а Нгабопу – его заместителем. Я скромно полагаю: кроме разделения на главного и заместителя, также необходимо возложить на бэйсэ⁸⁹ специальные обязанности по охране [земель]. Если они по отдельности будут охранять [вверенные им территории], и периодически самостоятельно их инспектировать, это будет исключительно полезно для [Тибета].

Так как бэйсэ Канченнэ происходит из Цзана, является преданным и храбрым человеком и, возглавляя на второй год правления под девизом Юнчжэн (1724 год – М.С.) вместе со мной ханьско-тибетскую армию,... всеми силами старался служить, [стоит] признав его заслуги и преумножив милость, даровать ему грамоту и печать и поручить в управление Цзан.

⁸⁸ Об образовании и функционировании Аппарата советников по политическим вопросам см. Têng, Fairbank, 1940, C. 21.

⁸⁹ Mayers, №22.

Территорию от Нгари до Янбацзина, Дама и Намцо – стратегический пункт, защищающий от джунгаров, – следует поручить дзасак-тайджи Полханэ. Полханэ раньше вместе со мной руководил войсками [...], я считаю его сдержанным, сильным и всегда готовым оказать необходимую помощь.

Что касается бэйсэ Нгабопа, он умеет работать с людьми, очень способный, лояльный и тибетцы повсюду уважают его больше всех. Когда я вводил войска, он занимался в Тибете вопросом обеспечения армии провизией, не жалея сил. Признав его заслуги и преумножив милость, [стоит] даровать ему грамоту и печать и передать в управление территорию от Кумбуна до Бар-Кама, а также можно прибавить внутренние (китайские – М.С.) прилегающие земли Батана, Дэрge и Хор.

Гун Люмпанэ, происходящий из Западного Тибета, - человек серьезный и степенный, который почитает императора. Вместе со мной и сюэши Ораем был отправлен в Нагчу и оборонял его более года. Он очень трудолюбивый, и к нему тоже стоит проявить милость, дав ему в управление Нагчу, а вновь завоеванные мной земли Юйшу, Накшу и другие вплоть до Нагчу стоит оставить дзасак-тайджи Чжаранэ.

Так, в каждом месте будет ответственный, и все они зимой и весной, когда холодно и суха трава, будут собираться в западном Тибете и вместе решать вопросы, [относящиеся к компетенции] калонов. А летом и осенью, когда обильно цветет трава, будут чередовать их с делами по охране вверенных [им] территорий. Тогда Тибет сам сможет постоянно обеспечивать свою защиту и не будет беспокойств.

Есть у меня еще одна просьба. Соднам Даргье – отец Далай-ламы. Наш император, проявив щедрость к его сыну, даровал ему грамоту и печать, пожаловав его титулом Будды. А его отец все еще не занимает высокого положения. Я считаю его исключительно честным человеком, который является чистосердечным последователем Желтой веры. Кроме того, он пользуется уважением среди тибетцев, и я прошу милостиво [...] даровать ему титул, явив [таким образом] свое благоволение не только Соднаму

Даргье, но и сделав счастливыми Далай-ламу и тибетских монахов и мирян [СТДКЯРЮ, Т.6, С.628-629].

Управление тибетскими регионами действительно было распределено между калонами, в соответствии с предложением Чжоу Ина. Однако вместо того, чтобы наладить управление Тибетом, это лишь способствовало разобщению правящей элиты. Недостаток новой системы управления, связанный с тем, что калоны с кардинально противоположными взглядами были наделены практически одинаковыми полномочиями, был усугублен новыми обстоятельствами. Теперь каждый из министров одновременно занимал должность главы местного правительства в различных областях Тибета, т.е. должен был бывать там регулярно и не мог, таким образом, сосредоточить свои силы и мысли ни на одной из возложенных на него обязанностей. При этом остававшиеся с Чжоу Ином войска, которые могли бы стать гарантией сохранения установленного цинским двором режима, были выведены по приказу императора Юнчжэна.

Что же касается дарования титула Соднаму Даргье, в отношении этого вопроса у императора были определенные сомнения. Юнчжэн пристально следил за семьей Далай-Ламы, так как у него были родственные связи с Лобсан Дандзином. Начав разбираться в семейных связях Кэлсанг Гьяцо, император выяснил, что Соднам Даргье обеспечил своего сына родственными связями как с кукунорскими хошутами, так и с правящей тибетской аристократией. Чжоу Ин, хоть и прожил в Тибете два года, все же не так хорошо разобрался в делах, как Нянь Гэнъяо, благодаря донесениям которого Юнчжэн получил достаточно полное представление об отношениях между министрами и о роли, которую играл в тибетской политике Соднам Даргье.

Как мы уже упоминали в предыдущей главе, после восстания Лобсан Дандзина император настороженно относился ко всем ламам в целом. Что же касается Далай-ламы, то к нему он проявлял особый интерес еще и потому, что в детстве духовный лидер Тибета был помещен в монастырь Кумбум в

Синине, где находился под покровительством кукунорских князей. В 1723 году этот монастырь поддержал восстание Лобсан Дандзина, и Далай-лама неоднократно писал императору послания с просьбой о снисхождении к мятежнику. Кроме того, как выяснил Нянь Гэнъяо, у семьи Далай-ламы обнаружились родственные связи с восставшими, и поэтому он поддерживал связи с кукунорскими монголами и им симпатизировал. Об этом генерал сообщил императору в одном из своих донесений (документ без даты), относящийся, по-видимому, к весне 1724 года:

«Никогда нельзя доверять тибетцам. Характер этого народа жадный, подозрительный, слабый и лживый. Я уже более 10 лет командую войском провинции Шэньси. В Цинхае и Тибете все с презрением относятся к внутреннему (китайскому – М.С.) духу. Когда Лобсан Дандзин поднял восстание, а Канченнэ, Нгабопа и др. не хотели, чтобы царем Тибета стал Дандзин, тогда, в соответствии с духом тибетцев, все не верили, что моя армия обязательно убьет разбойника (комментарий Юнчжэна: да и не только тибетцы, в Поднебесной тоже не были уверены, что так дело кончится). Так как [они] увидели, что Чжоу Ин и Орай уже прибыли в Тибет и с трудом при помощи военной силы стали контролировать распространение слухов, затаили в своих сердцах большой страх. Далай-лама отправил ко мне посланника, чтобы я был снисходительнее к Лобсан Дандзину, даже два раза об этом просил. Это - взгляд сидящего на двух стульях (комментарий Юнчжэна: 1. Согласен, 2. Монахи не разбираются в серьезных делах, это их извиняет. Наверное, все эти монахи одного поля ягоды с теми, кто распускает слухи и их поддерживает). Кроме того, отец Далай-ламы Соднам Даргье жаден, груб и любит выгоду (комментарий: а некоторые считают его хорошим человеком), все надеется, что его назначат регентом, а получает только серебро и вещи. Из-за этого человека в Тибете неизбежно что-то случится. Более того, он исключительно любезен с Лобсан Дандзином, так как Дандзин собирается сделать своей младшей женой [взятую им в плен]

жену Лачаба,⁹⁰ поэтому они будут связаны семейными узами, и поэтому у (Лобсан Дандзина) есть поддержка внутри Тибета» [ДНГЯ, С.51–52].

Поэтому, когда посольство Далай-ламы и Панчен-ламы прибыло в Синин с данью и донесением, в котором монахи просили за Лобсан Дандзина, император разгневался. Он был согласен с Нянь Гэнъяо в том, что снисхождение к мятежнику является признаком двурушничества, а попытку монахов, которые не разбираются в важных вопросах, вмешаться в государственные дела назвал признаком враждебным [Там же].

Связи Далай-ламы с кукунорскими князьями не ограничивались тем, что дочь Соднама Даргье стала женой Лобсан Дандзина. Его сын Чэнлэй, старший брат Далай-ламы, когда проживал вместе с ним в Кумбуме, женился на племяннице Лобсан Дандзина. Об этом Нянь Гэнъяо сообщил императору в своем донесении в апреле 1725 года. Генерал докладывал Юнчжэну, что Чэнлэй раньше был монахом, но затем снял с себя обеты, женился на дочери старшего брата Лобсан Дандзина, поддержал восстание 1723–1724 гг., сражался с Нянь Гэнъяо, а потом бежал в Тибет. Генерал писал, что, по закону, этого человека следовало бы предать публичной казни, но у него были смягчающие обстоятельства: Лобсан Дандзин вынудил Чэнлэя это сделать, но он осознал свою вину и бежал из Гасы⁹¹ в Тибет. Когда же об этом узнали Соднам Даргье и Далай-лама, они отправили к Нянь Гэнъяо посла, а сам он был схвачен людьми калонов и доставлен под охраной командующему Чжоу Ину и секретарю Лифаньюань второго класса⁹² Чанбао. Генерал написал императору в завершение своего доклада: «После того как я провел тщательное исследование, Чэнлэй кажется мне человеком не вполне похожим на конченного разбойника. Поэтому я сделал копию устных

⁹⁰ Лачаб – (Мерген Дайчин Лачаб) тайджи из кукунорских монголов. Его жена – дочь Соднам Даргье, старшая сестра Далай-Ламы, в соответствии с информацией, полученной Юэ Чжунци от сына Лачаба Чагана Рабтэна и информацией Орая, полученной от самого Соднам Даргье, была взята в плен Лобсан Дандзином в начале 1723 года [ПТДРЮ, С.461-463, 566-567; Цин Шилу, С.287-288].

⁹¹ Совр. Маньтайчжэн, на границе Синцзян-Уйгурского автономного района и Цинхая.

⁹² Mayers, №164.

показаний Чэнлэя, изложил в донесении суть дела и нижайше прошу высочайшего решения». В ответ император написал, что находит оправдания удовлетворительными, но не считает возможным оставить Чэнлэя в Тибете. Юнчжэн поручил Нянь Гэнъяо и Ораю заняться вопросом о том, как и куда его отправить, а затем доложить об исходе дела [ПТДРЮ, С.1073–1074]. Месяц спустя Юэ Чжунци сообщил императору, что отправил Чэнлэя под охраной на его родину в Литан [ПТДРЮ, С.1101; Дэн Жуйлин, 2002, С.85].

Согласно еще одному недатированному донесению Нянь Гэнъяо, которое, по мнению Дэн Жуйлина, было написано не раньше второй половины 1724 года, в результате расследования был предан публичной казни бэйсэ Рабтэн, младший брат которого Дамалин Цебтэн был мужем младшей сестры Далай-ламы [Дэн Жуйлин, 2002, С.86]. Так еще одна сестра Далай-ламы оказалась связана узами родства с одним из руководителей восстания - Рабтэном Вэнбу.

На этом фоне родственные связи Соднам Даргье с представителями тибетской аристократии выглядели еще более подозрительно. Например, уполномоченный Эци писал 20 февраля 1727 года, докладывая о ситуации в Тибете: «Соднам Даргье взял в жены двух дочерей Люмпанэ, поэтому эти трое (Соднам Даргье, Люмпанэ и Нгабопа – М.С.) заодно» [Цин Шилу, С.315].

Дэн Жуйлин также приводит сведения о том, что, в соответствии с сообщениями принца Юньти, который возглавлял цинскую антиджунгарскую кампанию 1719-1720 года, сопровождавший его Нгабопа был сыном старшей сестры Соднам Даргье, т.е. его племянником [Дэн Жуйлин, 2002, С.86]. По мнению другого китайского исследователя Го Шэнли, племянником и дядей они друг друга называли условно, так как происходили из семей, предки которых имели родственные связи. Тем не менее, наличие этих связей ученый все же не отрицает [Го Шэнли, 2010].

Так, отец Далай-ламы обеспечил себя родственными связями как с политической верхушкой Тибета, так и с монгольскими князьями, и к 1727

году стал одним из наиболее влиятельных людей в Тибете. Он также смог заручиться поддержкой китайского главнокомандующего Чжоу Ина, который ходатайствовал за него перед императором. Однако более адекватная оценка ситуации генералом Нянь Гэнъяо обеспечила императору ясное понимание положения вещей. Император с опаской относился к связям Соднам Даргье и его растущему авторитету, тем более, что в силу молодости Далай-ламы, духовный лидер Тибета, мнение которого играло не последнюю роль в политике страны, был серьезно подвержен влиянию отца. Таким образом, Юнчжэн, будучи в курсе внутренней ситуации благодаря докладам Нянь Гэнъяо, не спешил следовать совету Чжоу Ина, который явно попал под влияние «клана» Далай-ламы во главе с Соднам Даргье, Нгабопой и Люмпанэ. При дворе в Пекине даже обсуждалась версия, что главнокомандующий был подкуплен тибетцами (см. Глава 4).

Проанализировав сложившуюся ситуацию, как Нянь Гэнъяо, так и император, постепенно пришли к выводу, что не стоит все важные посты в тибетской администрации отдавать «клану» Далай-ламы. Тем не менее, цинский двор стремился регулировать политику в Тибете, опираясь на поставленных им во главе администрации светских правителей, осознавая в то же время, необходимость отправки в Тибет чиновников на постоянное пребывание, чтобы контролировать ситуацию. Эта идея в дальнейшем легла в основу цинской системы управления Тибетом.

Основное же внимание Юнчжэна было сосредоточено не столько на системе управления Тибетом, сколько на предотвращении возможности повторного вторжения джунгаров. В связи с тем, что когда Лобсан Дандин, потерпев поражение, бежал в Джунгарию, Цеван Рабтэн запросил мира, цинский двор пришел к выводу, что джунгарский правитель слишком слаб, чтобы вновь начинать военные действия против империи. В итоге, в 1725 году, после всестороннего обсуждения проблемы, император счел целесообразным вывести из Тибета войска, оставленные там после подавления мятежа Лобсан Дандзина [СТДКЯРЮ, Т.4, С.423–424]. После

полутора лет пребывания в Тибете, Чжоу Ин получил приказ о выводе войск, и 5 сентября 1725 года покинул Лхасу. 600 человек его подразделения получили от Далай-ламы перед отъездом серебро и провизию [СТДКЯРЮ, Т.5, С.626–627; ИОКПСТ, С.422]. В Тибете не осталось ни армии, ни представителя цинской администрации. Поэтому цинский двор подошел к решению наделить полномочиями одного министра, чтобы он мог принимать решения в спорных ситуациях.

§4.2. Конфликт калонов и убийство Канченнэ

Когда генерал Нянь Гэнъяо, уже после победы над Лобсан Дандзином, просил вывести армию Чжоу Ина из Тибета, он также предложил императору подчинить Канченнэ оставшихся четырех калонов (Нгабопа, Люмпанэ, Полханэ, Чжаранэ), чтобы сделать его не только полноправным правителем Уя, но и наделить его правом приоритетного мнения в конфликтных вопросах [СТДКЯРЮ, Т.31, С.730; ДНГЯ, С.51-52]. Несмотря на то, что генерал к тому моменту уже дискредитировал себя в глазах маньчжурского правителя, это решение, после долгого обсуждения, все же было реализовано. Так, в основу дальнейшего развития системы управления в Тибете были положены идеи Нянь Гэнъяо. Однако решение о назначении Канченнэ было принято далеко не сразу.

После отъезда из Лхасы, Чжоу Ин докладывал, что ситуация в Тибете наладилась, и все дела дружно решаются Канченнэ, Нгабопой, Люмпанэ, Полханэ и отцом Далай-ламы Соднам Даргье [ИОКПСТ, С.423-424]. Однако император обсуждал положение внутренних дел в Тибете со многими доверенными лицами, и поэтому понимал, что все не так спокойно и очевидно, как представлялось из послания Чжоу Ина. 15 апреля 1725 Юнчжэн написал Нянь Гэнъяо: «Ты хочешь, чтобы я приказал Канченнэ управлять в Тибете, но вот что вызывает сомнения: Канченнэ живет в Нгари, а это тоже очень важное (место). Не знаю, захочет ли сам Канченнэ [управлять Западным Тибетом]. И сможет ли он наладить отношения с

Нгабопой и Люмпанэ? Сейчас назначение Канченнэ главным калоном, чтобы он руководил тибетцами и направился жить в Западный Тибет, может не понравиться Нгабопа, и Канченнэ придется справляться одному, и даже если он хочет быть лояльным, совершенно точно не сможет это сделать. Я думаю, оставим Канченнэ одновременно в обоих местах ездить туда и обратно - возможно, это принесет пользу. Если повелеть Канченнэ жить в Тибете, он тогда захочет управлять (только) Нгари, но этого нельзя допускать. Вот что нужно как следует продумать: если Канченнэ утвердить в двух местах, то кого назначить управлять делами Тибета, когда он будет ездить в Нгари? – детально и осторожно, обдумайте как следует вместе с шиланом Ораем, как решить вопрос» [Цин Шилу, С.303-304]. Исходя из этого указа, можно понять, что император действительно хорошо разбирался во внутренних делах Тибета, придавая им большое значение и уделяя значительное внимание обсуждению тибетского вопроса. Юнчжэн уже в начале 1725 года знал о проблемах во взаимоотношениях калонов и предполагал, что Канченнэ один не сможет справиться с влиятельным Нгабопой. Император, с одной стороны, хотел, чтобы внутреннее положение в Тибете стабилизировалось, поэтому собирался поставить во главе лояльного министра Канченнэ. С другой стороны, управление Нгари он тоже мог доверить только лицу, в котором он был бы абсолютно уверен, так как больше всех проблем во внешней политике его волновал вопрос джунгарской угрозы. Юнчжэн пришел к выводу, что совмещение должностей не причинит никому вреда: и Нгари, и Лхаса будут подчинены Канченнэ, в то же время Нгабопа тоже не будет обделен властью. Нянь Гэнъяо согласился с таким назначением и ответил императору в донесении от 13 мая 1725 г., что, обсудив с Ораем положение дел, пришел к следующему выводу: «Когда джунгарский Церин Дондуб вторгся в Лхасу, заслуги Канченнэ [в противостоянии джунгарам] были велики, а сейчас Далай-лама даровал ему титул Дайцин Батур за заслуги перед Желтым учением, еще больше его возвеличив. Когда совет министров обсуждает дела, решения Канченнэ

отличаются от решений Нгабопы, Люмпанэ. Однако бэйсэ Нгабопа, гун Люмпанэ (...) и другие перед ним заискивают. Поэтому прошу приказать Канченнэ, чтобы он присматривал за двумя областями, переезжая туда и обратно из Нгари в Лхасу. И всегда, когда Канченнэ будет находиться в Лхасе, пусть управляет Канченнэ, а когда он будет уезжать в Нгари заниматься местными делами, пусть управляет Нгабопа. Сейчас среди лхасских бэйсэ, гунов и тайджи,⁹³ [выделился] бэйсэ Нгабопа. Хотя [он] и не такой эффективный управляющий как Канченнэ, я глубоко верю, что [он] все же может управлять делами. Ведь перед тем, как Канченнэ прибыл в Лхасу, управление на месте осуществлялось Нгабопой. Поэтому когда Канченнэ будет уезжать в Нгари, тогда следует доверить управление делами другим гунам и тайджи во главе с Нгабопой» [ПТДРЮ, С.1100].

Окончательное решение было принято на заседании Отделения административного обсуждения политических вопросов 5 декабря 1725 года, где обсуждался доклад Юэ Чжунци по вопросу о переустройстве китайской администрации в приграничных с Тибетом регионах. По итогам военных действий 1718-1724 гг. территории на востоке Тибета до границ с Уем перешли под прямое управление китайской администрации провинций Сычуань и Юньнань. Это было признано дорогим и неэффективным способом управления. На заседании было принято решение, оставив Батан, Литан, Дэрge и Васулхор в составе внутренних провинций цинской империи, передать административное управление этими районами местным правителям, которые, в свою очередь, несли бы ответственность перед представителями императора, а все остальные земли, в том числе Лхорондзон, передать в управление Далай-ламе. Также Юэ Чжунци предполагал, что необходимо прислать из Пекина в Тибет уполномоченного представителя, чтобы объявить Далай-ламе об этом решении. Бэйсэ Канченнэ и Нгабопе генерал предлагал дать официальные должности премьер-

⁹³ Подразумевалось всего пять человек, так как до 1720 года в Тибете этих титулов никто не имел.

министра⁹⁴ и его помощника⁹⁵ с вручением соответствующих грамот. Также совет министров счел необходимым одобрить выдвинутое ранее Нянь Гэнъяо предложение установить постоянное военное присутствие в Гартаре. Император Юнчжэн дал свое согласие на все эти постановления, повелел зафиксировать границу и отправить миссию в составе фудутун цзунши⁹⁶ Эци, секретаря Государственной канцелярии Баньди⁹⁷ (ум. 1755), дzasак-даламы⁹⁸ Гелег Чойдже и командующего⁹⁹ Чжоу Ина «обстоятельно заняться решением дел» [Цин Шилу, С.311–312]. Однако осуществленные изменения не касались самого совета министров, в то время как именно система управления Тибетом в первую очередь требовала пересмотра, и ее несовершенство не замедлило себя проявить.

Сам Канченнэ, как и предположил император, предпочитал Тибету Нгари. В феврале 1726 года И-цинь-ван¹⁰⁰ Юньсян (1686–1730), возглавлявший Аппарат советников по политическим вопросам, доложил Юнчжэну о просьбе Канченнэ снять его с должности. Калон подробно писал в донесении о своей работе на благо Тибета, буддизма и императора на протяжении практически десяти лет: после освобождения Тибета от джунгаров, в котором он принял непосредственное участие, Канченнэ с 1720 по 1723 год находился в Нгари, а первые два года правления Юнчжэна, хотя и приезжал в Уй, все равно постоянно ездил на север охранять территорию от возможного проникновения джунгаров. По мнению Канченнэ, его присутствие в таком стратегическом месте как Нгари, было гораздо более важным, чем в Уе, где другие калоны могли бы справиться с делами

⁹⁴ Кит. Цзунли. Mayers, №159.

⁹⁵ Кит. Сиели. Mayers, №540.

⁹⁶ Mayers, №29.

⁹⁷ Биографию Баньди см. Намсараева, 2003, С.233–243.

⁹⁸ Mayers, №602; Успенский, 2011, С.98.

⁹⁹ Mayers, №440.

¹⁰⁰ Mayers, №57. Этот титул носили только сам Юньсян – тринадцатый сын императора Канси и его потомки.

управления и без него. Канченнэ просил императора освободить его от обязанностей калона, приняв во внимание необходимость заниматься вопросом охраны северо-восточной границы Тибета [ПТДРЮ, С.1254–1255]. Но, так как решение о его назначении обсуждалось продолжительное время и, в конце концов, было принято, оно показалось маньчжурскому правителю достаточно взвешенным. В то же время, стало ясно, что без наделения Канченнэ особыми полномочиями, конфликт между калонами исчерпан не будет, а при отсутствии у Канченнэ желания заниматься делами в Уе и наличии у него возможности проводить время в Нгари, управление неофициально перейдет в руки Нгабопе, т.е. «клану Далай-ламы». Отставка Канченнэ принята не была.

Когда Далай-лама был официально информирован о назначении Канченнэ, он попросил императора прислать в Тибет какого-нибудь чиновника из цинской администрации, чтобы тот контролировал ситуацию. На это император ответил Кэлсанг Гьяцо 26 февраля 1726: «Канченнэ всегда испытывал благодарность к императору и пользовался милостью Канси. Дав отпор джунгарам, он стал нести пограничную службу и преданно поддерживал Желтое учение. Об этом ты знаешь детально, во всем Тибете нет того, кто бы это не знал. Канченнэ и другие (калоны) стали управлять делами в Тибете, и он ничем не отличается от направленного мной государственного чиновника. Кроме того, с Уем и Цзаном, которые граничат с провинциями Сычуань и Юньнань, каждый год непрерывно происходит обмен делегациями, поэтому мы можем глубоко понимать ситуацию. Потом, если возникнет дело, в решении которого потребуется государственный чиновник, я его к вам направлю» [ИОКПСТ, С.425]. Так Юнчжэн, как и в 1723 году руководствуясь соображением об экономии средств и сил, затрачиваемых империей на «внешние земли», вновь выведя войска и представителей цинской администрации из Тибета после окончания военных действий, сознательно, хотя и не без сомнений, оставлял Тибет в руках калонов. А пока экспедиция во главе с Эци добралась до Тибета, отношения

между тибетскими министрами успели настолько испортиться, что приезд цинских чиновников уже не мог спасти положение. Позже, после начала междоусобного конфликта, Далай-лама писал императору, что как раз в это время Канченнэ нарушил верность императору, став предателем [Там же, С.426].

Перед тем, как отправиться в Лхасу, Эци предпринял инспекцию районов Цинхая, Чамдо, Нагчу и Дэрge. В Лхасу посланники императора прибыли 21 июля 1726 г. Это был третий раз, когда Юнчжэн отправлял уполномоченного по делам управления Тибетом чиновника. Он пробыл в Лхасе всего 1 месяц и 9 дней: 29 августа Эци покинул Лхасу, успев, однако, в течение этого времени побывать в Цзане. О его пребывании в Тибете есть подробные сведения в биографии Полханэ, но, так как эти события изложены в книге Л.Петеха [Petech, 1972, С.106-109], мы не будем подробно на них останавливаться. Отметим, однако, что именно в этот момент, согласно биографии Полханэ, в Тибет был привезен указ о преследовании школы Ньингма. Из-за проведения его в жизнь Канченнэ поссорился с Полханэ, который единственный не побоялся открыто выступить против императорского повеления. А Канченнэ было предсказано падение из-за угнетения последователей «Старой школы» [см. Глава 3].

Несмотря на недолгий срок пребывания в Тибете, Эци успел досконально изучить все основные проблемы управления. 7 ноября 1726 г. Эци вернулся в Чэнду и доложил о своих выводах Юэ Чжунци, который, в свою очередь, передал его слова императору в донесении от 3 января 1727 г.: «Я внимательно пригляделся к различным людям, занимающимся управлением в Тибете. Канченнэ бескорыстен, тибетцы его боятся и уважают, но он излишне самоуверен, и это его недостаток. Что касается Нгабопы и других (калонов), они относятся к людям хорошо, постоянно пытаются угодить тем, с кем вместе работают. Все они алчны, и тибетцы их не боятся. Я исследовал эти обстоятельства [и пришел к выводу, что] хотя Нгабопа при встречах с Канченнэ очень вежлив и уважителен, и внешне

кажется, что они друг с другом ладят, но слишком уж они с Люмпанэ и другими (калонами) близки, а Канченнэ одинок и обособлен. Кроме того, когда я только прибыл в Цзан, отец Далай-ламы Соднам Даргье должен был вместе с Канченнэ ехать в столицу благодарить великого государя, но после того как был дан свыше указ о распределении даров, он сказался больным и не вышел, и не поехал в столицу, как будто был чем-то недоволен. Что же касается Канченнэ, о приезде в столицу он сказал, что путь туда и обратно слишком долгий, и на случай, если вдруг покажутся джунгары, лучше какое-то время приглядывать [за Тибетом], поэтому [Канченнэ] не отважился покинуть [Тибет]» [Лю Шэнци, 2004, С.94].

Юэ Чжунци написал императору, что доклад Эци внушил ему беспокойство, и Юнчжэн, в ответ на донесение генерала, выразил свое мнение о ситуации в Тибете:

«Я думаю, что в ситуации в Тибете не хватает согласия [между калонами]. Соднам Даргье – нехороший человек, но он – отец Далай-ламы. Он не ленив и не наслаждается праздным образом жизни, и в таком случае, трудно решить вопрос [с калонами]. Другие тибетцы все заодно, все они алчны, и им нельзя доверять. И хотя Канченнэ лоялен, он слишком одинок [...] Видимо, когда я повелел присматривать за [ситуацией в] Тибете, план был составлен недостаточно хорошо, и мы не смогли завоевать расположение этих людей и, судя по всему, сейчас уже тоже его не завоюем, поэтому я исключительно обеспокоен положением в Тибете. Тибет исключительно важен. Думаю, если бы Цеван Рабтэн не успокоился и продолжил отстаивать свои интересы в Тибете, другие бы ничего не смогли [с этим поделать]. [...] В этом деле нужно быть предельно внимательным!» [Там же].

Из приведенного отрывка видно, что император ясно понимал несовершенство установленной в Тибете системы управления и необходимость ее изменения. Продолжительное время обсуждавшийся как в Пекине, так и в Лхасе проект назначения Канченнэ главным управляющим

прошел к январю 1727 года все необходимые инстанции: обсудив этот вопрос со всеми чиновниками, разбиравшимися в тибетских делах, император вынес вопрос на обсуждение на заседании совета министров в Тибете. Юнчжэн также счел необходимым получить в этом вопросе одобрение Далай-ламы, который присутствовал при вынесении решения. Его мнение было объявлено решающим. Духовный лидер, находящийся под влиянием Соднам Даргье, не сразу выразил свое одобрение, согласившись лишь под давлением Эци [Б7ДЛ, Л.119б]. Позже, после начала междоусобного конфликта, он докладывал императору, что сомневался в его лояльности [См. Глава 4].

18 января 1727 года Канченнэ получил от императора золотую печать «Бэйсэ, управляющий делами Тибета» - фактически, он был назначен премьер-министром. Указ подтверждал его право на единоличное управление Тибетом [Цин Шилу, С.315].

Несмотря на то, что шаги в развитии системы управления Тибетом были предприняты, к стабильности это не привело: будучи вынуждены под давлением согласиться с предложением императора, тибетские министры и Далай-лама, на самом деле, не поддерживали это решение. Канченнэ же не только продолжал конфликтовать с калонами, но и лишился своего единственного союзника. Полханэ, и ранее проявлявший благосклонность к школе Ньинмапа, не мог согласиться с политикой ее преследования, поэтому он предпочел на время уехать из Лхасы, сославшись на болезнь жены [Petech, 1972, С.111].

На основании донесения Эци, обрисовавшего отношения в тибетском правительстве, 20 февраля 1727 г. цинские чиновники внесли новые предложения по совершенствованию тибетской администрации, которые были приняты императором:

«Чиновники Аппарата советников по политическим вопросам обсудили и доложили (свое суждение) о следующем донесении фудутун¹⁰¹ Эци: «Я прибыл в Тибет и изучил обстановку. Главные управляющие [Тибетом] люди не ладят друг с другом. Я часто вижу [это] по их выражению лиц. Далай-лама хотя и очень умен, но еще слишком молод, чтобы не быть подверженным пагубному влиянию своего отца Соднам Даргье. Канченнэ – очень хороший человек, но он самоуверен и с пренебрежением относится к другим калонам, за что его ненавидят. Нгабопа по природе своей злой и опасный человек, и ведет дела иначе, чем Канченнэ. А Соднам Даргье, будучи женат на двух дочерях Люмпанэ, образует с ними втроем клику. Они провоцируют ссоры Далай-ламы и Канченнэ, и это обязательно создаст проблемы. Кроме того, калонов очень много, и это создает дополнительные трудности. Люмпанэ беспорядочен, а Джаранэ бестолков и некомпетентен. Необходимо снять этих двух калонов с их должностей. Тогда Нгабопа останется без поддержки и, будучи один, не будет способен причинить беспокойство. Прошу последовать совету и издать указ, чтобы Далай-лама, Канченнэ и Нгабопа вместе дружно занимались делами управления». Все эти предложения следует удовлетворить». Кроме того, было принято принципиально новое решение: отправить в Лхасу чиновников на постоянное проживание и поручить им отвезти и провозгласить указ о том, что отныне они будут заниматься делами Тибета. В качестве посланников императора были выбраны вице-министр Великого секретариата¹⁰² Сэнгэ и фудутун Мала (1673-1735). Им надлежало отправиться в резиденцию Далай-ламы объявить о решении Юнчжэна и приступить к осуществлению непосредственного контроля за событиями в Тибете, на что каждому было выделено по 1000 лянов серебра [Цин Шилу, С.315-316].¹⁰³

¹⁰¹ Mayers, №427, №381.

¹⁰² Mayers, №142.

¹⁰³ Перевод указа на английский см. Petech, 1972, С.264-265.

В то же время, приняв решение об отправке чиновников, император продолжал активно обсуждать ситуацию в Тибете со своими приближенными. И-цинь-ван Юньсян писал о том, что, несмотря на то, что содержание армии в Чамдо, Литане и Гартаре, является глубоко продуманным действием, расходы на «внешние земли» слишком велики. Поэтому император повелел Юэ Чжунци еще раз продумать этот вопрос [СТДКЯРЮ, Т.9, С.145]. В ответ генерал написал 10 марта 1727, что если не отправить армию, а отправить только двух чиновников, то, возможно, Соднам Даргье все же сможет их обмануть и продолжить плести интриги. Юэ Чжунци предложил отправить в Лхасу еще 300 человек под командованием какого-нибудь генерала. В такой ситуации, если бы джунгары проникли в Тибет и стало бы понятно, что Канченнэ не сможет отбиться своими силами, это подразделение смогло бы доставить Далай-ламу в Чамдо. Соответственно, отправка воинов на тот момент могла быть представлена как индивидуальная охрана Далай-ламы. С точки зрения генерала, можно было не беспокоиться о Далай-ламе только в том случае, если бы он находился под охраной цинской армии. Юнчжэн написал в комментарии к донесению, что в целом он согласен, однако не стоит торопиться с принятием решения, так как уже есть указ об отправке Мала и Сэнгэ, в котором не говорится об армии. Если поменять указ, тибетцы могли бы испугаться, и это спровоцировало бы Нгабопу и Соднам Даргье. Поэтому Юнчжэн предложил посоветоваться с Канченнэ и Далай-ламой по поводу отправки войска и отправить его в том случае, если они сами об этом попросят [СТДКЯРЮ, Т.9, С.145; ИОКПСТ, С.442-443]. Интересно при этом отметить, что предполагая скверное влияние Соднам Даргье, Юнчжэн, тем не менее, в обсуждении всех вопросов управления Тибетом, предлагал учитывать и даже опираться на мнение Далай-ламы.

Сэнгэ и Мала сразу отправились в Тибет и 17 мая 1727 г. прибыли в Чэнду. Однако данные им полномочия не были подкреплены военной силой.

Кроме того, когда они прибыли в Тибет, междоусобная война уже разгорелась.

Многие ученые полагают, что именно решение об отправке цинских чиновников подтолкнуло заговорщиков к убийству Канченнэ [Лю Шэнци, 2004, С.95; Petech, 1972, С.115; ИОКПСТ, С.431]. Об также свидетельствуют сведения из донесения Юэ Чжунци конца сентября 1727 года [СТДКЯРЮ, Т.10, С.452]. О причинах разногласий между калонами китайские исследователи дополнительно сообщают, что, в соответствии с биографией Полханэ, они не только расходились с Канченнэ в политических вопросах и завидовали его карьере, но и полагали, что люди его происхождения не должны были занимать высокие должности. Канченнэ, в отличие от Нгабопы, Люмпанэ и Чжаранэ, происходил из Цзана и был низкого происхождения, как и Полханэ. Традиционно, такое высокое положение цзанцы не получали. Об этом Нгабопа неоднократно сообщал Далай-ламе [ИОКПСТ, С.429].

5 августа 1727 года во время заседания в Лхасе Канченнэ был заколот другими калонами. 300 человек были отправлены убить Полханэ, однако план не удался, так как он был предупрежден об опасности. После убийства Канченнэ калоны подняли восстание в Уе, Конпо и других провинциях. Сторонники Полханэ в Лхасе были арестованы и посажены в тюрьму [Petech, 1972, С.114-115].

§4.3. Действия цинского правительства во время междоусобной войны 1727–1728 гг.

Информация из некоторых источников о ходе междоусобной войны, ее причинах и последствиях, содержится в исследовании Л. Петеха. В Б7ДЛ о конфликте калонов практически ничего не говорится, не говоря уже об участии в них отца Далай-ламы, и тем более самого Кэлсанг Гьяцо. Поэтому, главным образом, этот раздел книги Л.Петеха построен на биографии Полханэ и «Правдивых записях» и повествует о развитии событий на

территории Тибета. [Petech, 1972, С.122-140]. В нашем исследовании мы покажем, какой ситуация представлялась из Пекина.

27 августа 1727 г. Мала и Сэнгэ прибыли в Шалагэнла, расположенный неподалеку от Лхасы, где встретились с посланником Далай-ламы, который передал им сообщение, что Канченнэ предал императора, замышляя недобroе, и если бы Нгабопа, Люмпанэ и Чжаранэ его не остановили, то он бы непременно причинил вред Тибету. В заключение сообщалось, что Нгабопа, как и Далай-лама, с трепетом и нетерпением ожидают приезда Мала и Сэнге и надеются, что они помогут восстановить справедливость и уладить конфликт. Послание сходного содержания посол вез к императорскому двору [СТДКЯРЮ, Т.10, С.419; Лю Шэнци, 2004, С.95].

7 сентября 1727 г. Мала и Сэнгэ добрались до местечка Сэдин (совр. Сэцин), в трех днях езды от Лхасы, где получили письмо от Нгабопы, который порекомендовал им немного задержаться в пути. В Лхасу чиновники прибыли 12 дней спустя [ИОКПСТ, С.431].

В Лхасе в это время ходили слухи, что как Соднам Даргье, так и сам Далай-лама имеют непосредственное отношение к убийству Канченнэ. Католические миссионеры, ставшие свидетелями этих событий, позже писали, что убийство было осуществлено по приказу Кэлсанг Гьяцо и его отца [Penna, 1876, С.322]. Несомненно, цинские чиновники об этом знали, но обстоятельства складывались благоприятно для калонов и Соднам Даргье, так как Мала и Сэнгэ не имели контактов с Полханэ. Расположившись в Лхасе, они попали под влияние находившихся там министров и Далай-ламы, поэтому получали достаточно одностороннее представление о событиях.

Полханэ, в свою очередь, тоже первым делом отправил императору посланника с докладом о произошедшем и просьбой о военной помощи. В донесении, датированном 4 сентября 1727 г., сообщалось следующее: «Калон дзасак-тайджи Полханэ докладывает нижайше: Канченнэ вел войну против джунгар. Все предпринятые им меры были успешны. Но Нгабопа, Люмпанэ и Чжаранэ, действуя совместно с лидерами Уя, 18 числа 6 месяца убили

Канченнэ. Я тотчас собрал войско в Цзане, чтобы защитить свою вотчину. Нгабопа и другие множество раз посылали войска завоевать ее, но многие были убиты и ранены мной. Теперь я поведу своих солдат напасть и схватить Нгабопу и остальных. Я милостиво прошу императора как можно скорее направить государственные войска в Тибет, истребить восставших правителей и умиротворить Тибет»¹⁰⁴ [Цин Шилу, С.316-317]. В еще одном донесении императору Полханэ открыто обвинял в причастности к убийству Далай-ламу и Соднам Даргье [СПМТАД, С.9–12].

Таким образом, Юнчжэн получал более широкое представление о событиях, чем его посланники на месте событий. А Полханэ удалось засвидетельствовать свою лояльность императору в самом начале военных действий.

Прибыв в Лхасу, Мала и Сэнгэ получили разъяснения от Далай-ламы и Нгабопы. Что же касается Люмпанэ и Чжаранэ, они в это время во главе уйской армии отправились в Цзан атаковать Полханэ. 14 октября чиновники направили в Пекин три письма: первое содержало общую информацию о ситуации в Тибете, которую они получили после приезда; во втором говорилось о том, что Канченнэ был связан с джунгарами и вел переписку с Лобсан Дандином; третье письмо представляло просьбу о выделении 500 воинов для размещения в Лхасе на постоянной основе.

Из этих документов мы получаем довольно одностороннее представление о том, что происходило в Тибете. Мала и Сэнгэ докладывали, что Далай-лама выражал императору благодарность за то, что он направил в Тибет своих представителей: «По милости Великого Манджуши я вместе со всеми тибетцами живу в комфорте. Неоднократно, несметное количество раз являл император свою милость. Сегодня вновь по моей просьбе направил способных людей к нам, чтобы они опекали [меня], наставляя [меня], молодого человека по императорскому указу. Милости императора бесчисленны. Когда я принял посвящение, император вновь явил милость.

¹⁰⁴ Перевод на англ. См. Petech, 1972, С.265.

[Я] действительно не достоин такой чести. Чем я могу отплатить? Могу лишь с ламами читать сутры, желая императору сто миллионов лет, и, искренне запечатлевая в душе императорские указы, прилагать все усилия к усердному чтению канона» [СТДКЯРЮ, Т.10, С.501]. Говоря о том, что отправка чиновников была осуществлена в соответствии с его пожеланием, Кэлсанг Гьяцо подразумевал его упомянутую выше просьбу не оставлять Тибет под управлением Канченнэ, которая была адресована Чжоу Ину, покидавшему Лхасу. Поблагодарив императора, Далай-лама сообщил следующее: «Когда Великий император, сочувствуя мне, молодому человеку, отправил большую армию проводить меня в Тибет, тогда Канченнэ был мелким управляющим 4-5 хозяйств. После того, как большая армия вошла в Тибет (в 1720 г. – М.С.), большой человек (Янь Синь – М.С.) встретился с Канченнэ, шедшим из Цзана. [...] Большой генерал назначил Канченнэ, Нгабопу и Люмпанэ калонами, а затем сделал калонами Полханэ и Чжаранэ. По еще одной милости своей император роздал им титулы бэйсэ, гун и дзасак-тайджи. [...] В прошлом году Канченнэ, желая занять положение, которое раньше занимал регент, попросил назначить его регентом, уговаривал Нгабопу и других, просил об этом вновь и вновь. Я сказал, что [...] без открытого доклада императору, я не должен самовольно назначать его калоном. Канченнэ опять мне сказал: «мы с тобой вдвоем займем 13 мириархий, и что нам за дело до остальных калонов?» А когда я назначил Канченнэ первым министром, дал ему титул и печать управляющего Тибетом, и провозгласил Нгабопе и другим калонам, а также народу, что всеми делами теперь управляет Канченнэ, мне и в голову не могло прийти, что калоны, управляя от моего имени, во всех делах мало меня информировали [такое замыслят]. Потом я узнал, что калоны убили Канченнэ» [СТДКЯРЮ, Т.10, С.502-503].

Что же касается Нгабопа, на вопрос, почему тот не доложил императору и не посоветовался с Далай-ламой, тот ответил, что отправлять посла – слишком долго, а Далай-лама обязательно стал бы чинить препятствия, в то время как дело требовало срочного решения. Нгабопа

вменял Канченнэ четыре вины: захват владений, которые ему не принадлежали; растрата денег из сокровищницы Далай-ламы; связи с джунгарами и Лобсан Дандином и попытка убийства самих калонов. Мала и Сэнгэ писали: «В соответствии со словами калонов, они «хотели доложить и объяснить императору суть дела, но дорога слишком долгая; [оны] подумали, что если проинформировать Далай-ламу, он обязательно вмешается, и не даст завершить дело. Канченнэ, получая милость императора, вступил в сговор с джунгарским Лобсан Дандином и с ним переписывался, замыслив убить всех нас - калонов и приближенных Далай-ламы». [...] [Мы] допросили Нгабопу, [...] и тот сознался в следующем: «Канченнэ по милости императора был пожалован титулом бэйсэ. Далай-лама тоже дал ему титул, по примеру того, что ранее имел регент, и дал ему в управление 1000 дворов в местечке Лин. Но он все не знал удовлетворения, сам с 59 года правления Канси по 3 год правления Юнчжэна, произвольно захватил 12 поместий своих родственников, всего 2751 податное хозяйство, годовой налог с которых в пересчете на серебро составляет более 14800 лянов. [...] Когда стал править Канченнэ, ежегодные затраты возросли до 25300 лянов, поэтому серебра в хранилищах стало не хватать, и он стал переплавлять серебряную посуду Далай-ламы из хранилищ» [СТДКЯРЮ, Т.10, С.503-504].

Кроме того, монах Нгаван Йонтэн, пришедший к амбаням добровольно, дал следующие показания:

«Услышав, что великие генералы возглавляют войско, сопровождающее Далай-ламу в Тибет, я отправил сообщение Канченнэ, позвав его вместе поехать в Цзан. Канченнэ получил титул, и я к нему очень хорошо относился. Я также проявил усердие и докладывал [об этом], поэтому Далай-лама дал мне титул эркэ-тайджи и пожаловал несколько дворов. Канченнэ был изначально хорошим человеком, советовался с Полханэ, во всем слушал Полханэ и вместе с ним управлял делами. [...] Потом он позвал лам Акба и Джикба, проживавших в монастыре Балайбан (Дрепунге – М.С.), и сказал им: «Нынешние калоны глубоко отвратительны,

и Далай-лама тоже плох. Я собираюсь уничтожить всех распространяющих зло, и хочу, чтобы вы стали свидетелями этого». Когда ламы ушли, я сказал Канченнэ, что ему не стоило собирать лам и рассказывать им об этой идее и спросил, не думает ли он, что они обязательно пойдут расскажут об этом Далай-ламе. Канченнэ ответил: «Ничего страшного». Я обсудил это с Полханэ. С 4 числа 7 месяца по 8 число 7 месяца Канченнэ готовил большой пир, пригласил их и собирался, воспользовавшись ситуацией, убить всех до последнего. Это было точно установлено. Я думаю, что калоны и монахи поэтому-то и убили его в отместку. Далай-лама и все буддийские ламы в равной степени были мне благодарны. [...] Поэтому, вспомнив о том, как милостив был император к Далай-ламе, я решил, что даже под угрозой смерти, должен самолично сообщить о том, что это правда» [Там же, С.505–506].

Допросив Акбу и Джигбу, чиновники пришли к выводу, что все то, что сообщил эрке-тайджи Нгаван Йонтэн правда. Монахи подробно рассказали о своем визите к Канченнэ и сообщили, что еще он дал им чая, еды, а также по 4 отреза атласа и по хадаку и сказал: «Хотя сейчас я жив, потом жизнь моя закончится, и это плохо. Поэтому обязательно следует совершить деяние по уничтожению распространяющих зло!» В дополнение к перечисленным выше обвинениям, они сообщили, что Канченнэ был в сговоре с джунгарами и Лобсан Дандзином. [Там же, С.506].

Для цинских чиновников и императора самым серьезным было последнее обвинение. Однако подтверждения их слов представлялись довольно сомнительными. Документы, аутентичность которых вызывала вопросы у Мала и Сенгэ, были найдены уже после смерти Канченнэ, поэтому в любом случае не могли оправдать действия калонов. Амбани также докладывали, что уже в Шагунла-лин слышали от посланника Далай-ламы, что Канченнэ пригрел беглых родственников и сторонников Лобсан Дандзина. Однако об этом императору уже давно было известно, так как он сам распорядился вверить бежавших в Тибет надзору Канченнэ. В начале

1726 года Юэ Чжунци доложил императору о том, что многие родственники кукунорского князя бежали в Тибет, и Юнчжэн решил, что следует оставить их в Тибете под присмотром лояльного тибетского калона [СТДКЯРЮ, Т.6, С.799].

Что же касается увеличения затрат, выяснилось, что они, главным образом, шли на содержание армии. Об этом рассказал Мала и Сэнггэ Нгабопа, отвечая на вопрос, почему он раньше не докладывал о растратах. По словам калона, он не сразу понял, что Канченнэ тратит деньги из казны на себя, т.к. тот списывал расходы на содержание армии. Позже Полханэ также разъяснил, что часть потраченных денег была пожертвована на восстановление монастыря Нартан по императорскому указу. Поэтому в итоге, обвинения в растратах также были отклонены [ИОКПСТ, С.432-433].

В вопросе захвата не принадлежавших Канченнэ земель, Нгабопа ссыпался также на мнение Чжоу Ина, который подтвердил, что существуют факты, указывающие на то, что его состояние было нажито нечестным путем. Однако и здесь ситуация была неоднозначная: в соответствии с донесением Юэ Чжунци конца 1726 года, Канченнэ сам в свое время уличал Чжоу Ина в том, что тот брал взятки, находясь в Тибете [СТДКЯРЮ, Т.8, С.424]. Исходя из пристрастности, которая была заметна в приведенном выше письме Чжоу Ина, где он давал характеристики калонам и просил о титуле для Соднам Даргье, можно заключить, что обвинение Канченнэ представляется вполне обоснованным. На вопрос же, почему вместо того, чтобы доложить обо всех проблемах императору, калоны решили убить Канченнэ, Нгабопа ответил, что это был единственный способ предотвратить убийства, которые запланировал сам Канченнэ [СТДКЯРЮ, Т.10, С.451-452; ИОКПСТ, С.432-433].

Одновременно с выяснением обстоятельств и причин сложившейся ситуации, цинский двор решал вопрос о том, стоит ли отправлять в Тибет войска для прекращения междоусобного конфликта. Как уже было сказано выше, Полханэ направил послание императору с просьбой о военной

поддержке. Мала и Сэнгэ, с одной стороны, пытались решить вопрос путем переговоров, предложив отправить сообщение к Полханэ с предложением сдаться. Но Нгабопа сказал, что он абсолютно уверен, что дело можно завершить в кратчайшие сроки без вмешательства императора, поэтому не стоит волноваться [СТДКЯРЮ, Т.10, С.507]. В то же время, чиновники считали необходимым для обеспечения спокойствия в Лхасе получить в свое распоряжение подразделение цинских войск. Мала и Сэнге решили посоветоваться с Далай-ламой относительно того, какую цинскую армию стоит ввести в Тибет. Далай-лама же в ответ напомнил им о словах императора Канси о том, что тибетская земля невелика, труднодоступна и скудна, и что на ее территории сложно содержать большую армию. Кроме того, он говорил, что Канченнэ уже убит, и поэтому проблемы как таковой уже не существует: «Все 130000 тибетцев¹⁰⁵, проживающих на нашей земле – люди императора, кроме того, есть большие люди (Мала и Сэнгэ – М.С.), которые здесь живут, поэтому скоро не о чем будет беспокоиться. Когда император мне пишет, [спрашивая], нужно ли отправить армию, как я могу осмелиться просить армию императора, и без того постоянно пользуясь его великой милостью?» [Там же, С.508]. Из его ответа можно заключить, что духовный лидер явно не стремился к тому, чтобы армия вновь вступала на территорию Тибета. Объяснить это можно как экономическими, так и политическими причинами: Соднам Даргье предполагал, что после ликвидации главного соперника и отъезда Полханэ, он вместе с Нгабопой сможет сам контролировать ситуацию и без постороннего вмешательства управлять Тибетом.

В это же время, Юэ Чжунци тоже доложил Юнчжэну о своем видении происходящего, основанном, во многом, на сведениях, предоставленных Нгаван Лосангом – должностным лицом при Далай-ламе, привезшим весть о смерти Канченнэ. Его версия событий, в целом, соответствовала информации, которую сообщали императору Мала и Сэнгэ, но его опыт и

¹⁰⁵ Речь идет о 13 мириархиях.

кругозор, безусловно, были больше, чем у впервые отправленных в Лхасу чиновников, попавших под влияние калонов. Кроме того, изложив факты, Юэ Чжунци представил Юнчжэну свои рассуждения о причинах и последствиях конфликта. В начале донесения генерал напомнил императору о происхождении Канченнэ: ранее он был маленьkim незначительным человеком. Став фаворитом Лхавсан-хана, Канченнэ получил в управление Нгари. А когда хошутский правитель был убит джунгарами, он организовал сопротивление, за что получил от императора титул бэйсэ. Далай-лама также дал ему во владение дома, людей и, в соответствии с пожеланием императора, наделил его титулом. Однако затем Канченнэ возгордился, присвоил ряд территорий, дал прибежище сторонникам Лобсан Данзина и стал тратить большие средства, не являясь при этом ни регентом, ни ханом и происходя из семьи конюхов. В течение 6 месяца 1727 года вместе со своими подчиненными Канченнэ замыслил убить Нгабопу, Люмпанэ, Чжаранэ и приближенных и родственников Далай-ламы на пиру, намеченном на 4 число 7 месяца 5 года правления Юнчжэна. Из-за того, что, по словам калонов, трагедию нельзя было предотвратить иным способом, они предпочли сами убить Канченнэ и его близких. Так как Полханэ был человеком, сходных с Канченнэ взглядов, он бежал в Цзан и, объединив усилия с проживавшими там братьями Канченнэ, 13 числа 6 месяца двинул войска в атаку. В заключение изложенного, Юэ Чжунци прибавил, что заинтересовался следующим вопросом: узнали ли министры о том, что в Тибет едут Мала и Сэнгэ до того, как осуществили задуманное или после. Генерал выяснил, что калоны знали о прибытии представителей императора до осуществления ими задуманного и сделал вывод, что именно известие об их приезде и стало причиной такого развития событий [Там же, С. 451–452].

Что же касается заключения самого Юнчжэна, то его, в первую очередь, интересовал вопрос участия в заговоре джунгаров. В указе из

«Правдивых записей» от 21 октября 1727 г. сказано: «Ранее в письме Даная¹⁰⁶ мне докладывали об убийстве Канченнэ, и, испугавшись, что Цеван Рабтэн воспользуется этим, чтобы осуществить свои намерения о вторжении в Тибет, чтобы его предупредить, [я] приказывал привести в боевую готовность все войска на территории от Шэньси до Сычуани и Юньнани. Сейчас то, что Канченнэ был убит, свидетельствует о проблемах во взаимопонимании между калонами, и эта маленькая проблема, что они друг с другом борются, не требует военного вмешательства, поэтому пусть войска остаются на месте, вмешиваться не нужно» [Цин Шилу, С.318]. В еще одном указе император более подробно изложил суть проблемы: «То, что был убит назначенный мною бэйсэ Канченнэ, является делом государственным, и я сам должен в нем разобраться. Но я не разбираюсь в этом вопросе во взаимоотношениях с тибетскими внешними [вассалами]: обменивались ли они письмами с Цеван Рабтэном? Если они были связаны с Цэваном Рабтэном, то необходимо эти две проблемы (тибетскую и джунгарскую – М.С.) обсуждать одновременно. Если это только тибетское происшествие, я полагаю, тогда можно использовать этот случай для того, чтобы четко решить тибетский вопрос, имея в виду перспективные планы на приграничные земли. Когда (мы будем) выдвигать войска, не следует это делать заметно, нужно сделать это неожиданно, перевезти Далай-ламу в Синин, и тогда в Тибете надолго воцарится спокойствие. А если Цеван имеет к этому отношение, на этот случай нужно направить человека, чтобы он помогал и поддерживал [цинские власти] в Тибете, тогда моя армия сначала уничтожит непосредственно гнездо [бунтовщиков], и этим положит ему конец. А потом, когда с Цеван будет покончено, тогда с Тибетом будет управиться легче простого» [Лю Шэнци, 2004, С.97]. Так, назвав ранее выяснения отношений калонов друг с другом «маленькой проблемой», император подошел к мысли о том, что, «имея в виду перспективы», этой

¹⁰⁶ Уполномоченный по делам Цинхая (кит. Цинхай башши дачэнъ, Mayers, №560) с 1725 по 1732 год.

ситуацией необходимо воспользоваться для «умиротворения» Тибета, даже если джунгары к делу не причастны.

Эту идею высказывал также и Юэ Чжунци. Рассуждал генерал так: если бы Нгабопа действительно убил Канченнэ из подозрений, о которых он докладывал, то не было бы необходимости преследовать после этого Полханэ. Очевидно, что Нгабопа хотел перебить всех врагов. Причем то, каким образом произошло убийство, свидетельствует о том, что оно было тщательно спланировано. Исходя из того, что был убит не только сам Канченнэ, но и его родственники, причем последние – публично на площади перед Поталой, генерал делал заключение, что был человек, который действиями Нгабопы руководил. Напомнив императору о родственных связях Соднам Даргье с Люмпанэ, Лобсан Дандином и Нгабопой, Юэ Чжунци предположил, что за интригами должен стоять именно Соднам Даргье. Генерал писал, что о том, что Соднам Даргье пользуется как своими связями, так и молодостью Далай-ламы, в Тибете известно всем, и что если на ситуацию не повлиять, демонстративно наказав виновных, неминуемо возникнет сговор с джунгарами, а это приведет к серьезным проблемам на границе империи. Поэтому Юэ Чжунци предлагал весной 1728 года собрать большую армию и, отправив Далай-ламу под присмотром на «внутреннюю территорию»¹⁰⁷ империи, реорганизовать систему управления в Тибете, решить тибетский вопрос раз и навсегда. Кроме пагубного влияния Соднам Даргье, к этому решению подталкивали также слухи о том, что Нгабопа может силой увезти Далай-ламу к джунгарам. Юэ Чжунци был не склонен полагать, что Далай-лама по добной воле бросит родную землю, но считал необходимым предупредить возможность его отъезда, расквартировав войска в самом Тибете, а затем отрезать джунгарам возможность проникновения на территорию со всех возможных направлений, задействовав при этом и тибетские войска. Развивая идею необходимости решить, воспользовавшись

¹⁰⁷ В китайских документах под «внутренними землями» понималась территория собственно Китая, не включавшая зависимые земли, в т.ч. Тибет.

случаем, как вопрос управления Тибетом, так и джунгарскую проблему, генерал писал, что даже если вспыхнувшие волнения – это всего лишь убийство одного калона другими из мести, тогда следует подождать, пока джунгари не захотят, учитывая слабость тибетской верхушки, ввязаться в конфликт, и тогда на них напасть. С точки зрения Юэ Чжунци, убыточны при этом Полханэ – не так важно, как подождать, пока джунгари дадут о себе знать. Интересно также отметить, что, обвинив во всем произошедшем отца Далай-ламы, генерал, тем не менее, написал, что Кэлсанг Гьяцо можно доверить выбор новых калонов вместо Нгабопы и Люмпанэ, которых необходимо снять с должностей. В конце донесения Юэ Чжунци также выразил опасение, что если проявить снисхождение и помиловать калонов, сославшись на незнание ими закона, то, будучи злыми от природы, они в итоге сойдутся с джунгарами и кукунорцами, а этого допускать никак нельзя [СТДКЯРЮ, Т.32, С.257–258].

Практически все, что советовал Юэ Чжунци, было реализовано. Исходя из приведенных выше высказываний самого императора, можно сделать вывод, что его мнение по тибетскому вопросу, в основном, совпадало с мнением Юэ Чжунци и даже на него опиралось. Таким образом, можно сказать, что Юэ Чжунци не только сменил Нянь Гэнъяо на должности генерал-губернатора провинций Шэньси и Сычуань, но и, как и его предшественник, стал неофициальным советником императора по делам Тибета. Однако Юэ Чжунци был не единственным, с кем Юнчэн обсуждал тибетский вопрос. В частности, в его ответе на письмо генерал-губернатора Юньнани и Гуэйчжоу Ортая (1677–1745) 11 числа 11 месяца 5 года правления Юнчжэна, он очень подробно написал о своем взгляде на проблему:

«Все дела в Поднебесной предугадать нельзя, можно лишь в любой момент действовать сообразно обстоятельствам. Вопрос с Тибетом и джунгарами – это не отношения с разными заморскими странами вроде Аннама и России. Эта местность (Тибет – М.С.) привлекает интерес всех

монголов 48 знамен, Цинхая (Сихай), Халхи. Несмотря на то, что она находятся за 1000 ли, это как боль в локтевой подмышке. Джунгаров за один день не умиротворишь, вопрос с Тибетом за один день не решишь. В вопросе управления Тибетом не следует идти на компромисс – все монголы вызывают подозрение своей двуличностью. Эти два места – действительно таят в себе угрозу для страны, население государства очень беспокоится об этом. Поэтому Шэнцзу (Канси – М.С.) ясно увидел начало и конец предприятия, его выгоды и потери, и задался целью подчинить джунгаров. Ему неизбежно пришлось заняться успокоением Тибета, так как он был мудр и проницателен. Раньше, когда в Тибете случались происшествия, я тогда проявлял желание следовать воле отца, и такими и были мои первые указы. Впоследствии я побоялся, что лама бежит к джунгарам и не будет надежен, поэтому недавно успокоил сердца джунгаров и тибетцев: чтобы в другое время получить выгоду, отдал приказ о выводе войска во второй раз. Тогда мне и в голову не приходило, что Полханэ из Цзана, мстя за Канченнэ, снарядит карательную экспедицию против Нгабопы и отправит человека с тайным донесением просить цинские войска (вступить в Тибет и) допросить предателя. А теперь эти двое (Нгабопа и Полханэ – М.С.) конфликтуют друг с другом, и если так пойдет дальше, то путь к спасению жизни ламы при угрозе может быть отрезан. Это прекрасная возможность, дарованная Небом, поэтому я в 3-й раз отдаю приказ об отправке армии (в Тибет). Цеван Рабтэн умер, и его сын Галдан Церин отправил посла с донесением. Хотя он и выразил повиновение, тон его речей был высокомерен и неуважителен... Я определил свои намерения: во-первых, приказал Юэ Чжунци приехать подробно лично побеседовать, и, используя эту дарованную Небом возможность, стабилизировать [ситуацию в] Тибете в будущем году. Так как тибетцы разделены надвое, настроения людей не едины, а джунгары вновь направили ко двору посланника. Хотя, с одной стороны, нет причины поддержать Тибет, разжигая войну, но, с другой стороны, они могли просто не успеть это сделать. Дела в Тибете легко четко себе представить. Если

сегодня у Галдан Церина потребовать выдать Лобсан Данзина, он точно этого не сделает. Тогда на 7-ой год Юнчжэна я прикажу послать в двух направлениях войска схватить [Лобсан Данзина], чтобы призвать его к ответу. Обязательно следует [поступить в соответствии с правилом] «сначала разобьем врага, а позавтракать успеем». Тогда как внутри нашей страны, так и за ее пределами, можно будет рассчитывать на вечное спокойствие. Это большое дело нужно готовить и детально планировать. Только И-цинь-ван (Юньсян – М.С.), Юэ Чжунци, Чжан Тинью и некоторые другие об этом знают, но другие придворные все не догадываются, поэтому сановникам следует держать это в тайне...» [СТДКЯРЮ, Т.11, С.13-14].

Хотя император, в основном, опирался на мнение Юэ Чжунци, когда речь шла о Тибете, он, тем не менее, предпочитал интересоваться тем, что думают губернаторы соседних провинций. Из приведенного подробного комментария, можно понять, насколько был важен для империи джунгарский вопрос. В письме Юнчжэна про конфликт калонов и про Уй и Цзан не говорится практически ничего: их отношения не сильно интересовали императора. Основное же его внимание было направлено на джунгарский вопрос, причем, как явно следует из письма, свое понимание проблемы он основывал на проницательной и мудрой политической линии Канси. Таким образом, несмотря на то, что в первые же месяцы правления Юнчжэн отдал приказ о выводе войск из Тибета, что противоречило последним указаниям Канси, сам Юнчжэн считал себя продолжателем политики отца (см. глава 2). Китайский ученый Лю Шэнци также предполагает, что вряд ли стоит, вслед за Л.Петехом, называть политику Юнчжэна в отношении Тибета «новой», так как, если вдуматься в логику развития событий, решение Юнчжэна действительно не шло в разрез с линией Канси, хотя его первые приказы действительно были направлены на свертывание военных действий, начатых его отцом [Лю Шэнци, 2004, С.99; Petech, 1972, С.91].

Юнчжэн не раз обсуждал с Ортаем тибетский вопрос. В частности, он писал ему о причинах, по которым он не торопится с вводом войск в Тибет:

“Если (в Тибет) войдет большая армия, они (калоны – М.С.) могут схватить Далай-ламу и увезти его в Джунгарию. Тогда последователи (буддийского учения) получат пустой Тибет, а охрану обеспечить будет сложно. Если Далай-лама попадет в руки Цеван Рабтэна, это будет большая проблема» [Чжоу Жунбин, 2005, С.43]. Очевидно, эти подозрения зародились у Юнчжэна после доклада Юэ Чжунци, в котором он сделал подобное предположение.

Итак, император принял решение, что, хотя джунгары в этот раз и не были замешаны в дестабилизации внутреннего положения в Тибете, они все же представляют собой потенциальную угрозу. Поэтому междоусобными распрями следовало воспользоваться для «умиротворения» Тибета, а затем и джунгаров. В то же время, так как вмешательство в выяснения отношений между Уем и Цзаном, Полханэ и Нгабопой без привлечения джунгаров не требовало оперативного вмешательства, Юнчжэн отложил отправку армии до весны.

Отдав приказ о приостановке выдвижения цинской армии в Лхасу, император, тем не менее, не оставил Тибет без поддержки. Для усиления контроля над происходящим, Юнчжэн повелел Юэ Чжунци выбрать из чиновников, служивших в провинциях Сычуань и Шэньси людей, которые были бы хорошо знакомы с особенностями тибетского населения, хорошо владели тибетским языком и которые с его точки зрения подошли бы для незамедлительной отправки в Тибет. Этим офицерам было поручено тайно доложить Мала и Сэнгэ обстоятельства конфликта, которые стали известны императору, чтобы дать им возможность представлять себе ситуацию более ясно. Император писал, что в противном случае, они могут быть обмануты Нгабопой, и Полханэ от этого пострадает. В указе 29 ноября 1727 г., адресованном отделению административного обсуждения политических вопросов, также было сказано, что Полханэ уже направляет свои войска в Лхасу, чтобы уничтожить Нгабопу, и если это мероприятие будет осуществлено до конца, это будет благоприятно для Тибета [Цин Шилу,

C.318-319].¹⁰⁸ В то же время, Юнчжэн продолжал планировать третий ввод цинских войск на территорию Тибета, и 13 декабря 1727 г. отдал приказ о приготовлениях к военным действиям [Там же, С.319-320].¹⁰⁹

При планировании военных действий, Юэ Чжунци учитывал возможность того, что придется вступить в открытое противостояние с Нгабопой, и координировать действия Полханэ, чтобы заговорщики не могли скрыться. А Юнчжэна волновал вопрос, не испугается ли Нгабопа появления цинской армии и не захочет ли он из-за этого увезти Далай-ламу в Джунгарию [СТДКЯРЮ, Т.11, С.718-719]. Поэтому Юэ Чжунци предложил в апреле 1728 года отправить в Лхасу сообщение, что армия направляется в Лхасу исключительно потому, что император боится, как бы воюющие стороны не навредили Тибету, и о том, что уже якобы есть приказ о восстановлении в должностях калонов для Чжаранэ и Люмпанэ. В то же время, за спиной у Нгабопы предполагалось договориться с Полханэ об объединении усилий [ПТДРЮ, С.1523-1524; СТДКЯРЮ, Т.11, С.962]. 7 апреля 1728 года генерал Чжаланга встретился в Сиане с Юэ Чжунци, где, по распоряжению императора, обсудил с ним, как дальше быть с Тибетом. 12 апреля они втроем с фудутуном Майлу отправили донесение, в котором высказали ряд предложений по этому вопросу. Первое заключалось в том, чтобы отдать в управление Полханэ земли от Цзана до Нгари, сделав при этом эти территории владениями Панчен-ламы. Против этого решения Юнчжэн не стал возражать. Второй пункт касался отправки Далай-ламы в Китай – вместо него в Лхасе чиновники предлагали подыскать другого уважаемого ламу. А если Панчен не сможет часто находиться в Лхасе, тогда «после того как Чжаланга прибудет в Тибет, собрать информацию о том, кому из хутухт тибетцы верят, и доложить просьбу приказать ему поселиться в монастыре Дрепунг и заниматься делами Желтого учения вместе с Панчен-ламой». На это император ответил, что он не считает правильным отправлять

¹⁰⁸ Перевод указа на англ.см. *Petech*, 1972, С. 265-66.

¹⁰⁹ Перевод указа на англ.см. *Petech*, 1972, С. 266-68.

Панчен-ламу в Уй, так как раньше Далай-лама уже отсутствовал на территории Уя более десяти лет, но все равно оставался хутухтой, в распоряжении которого оставались все монастыри этой территории. Таким образом, это противоречило бы тибетской традиции [ИОКПСТ, С.447-448]. Из этого можно заключить, что император на тот момент принял решение как о разграничении светской и религиозной власти, так и о разделении Тибета на сферы влияния Далай-ламы и Панчен-ламы – Уй и Цзан. Кроме того, совершенно очевидно, что он задолго до непосредственного суда над калонами определился с поддержкой Полханэ и осуждением мятежников.

Чжоу Ин и Чжаланга в этот план посвящены не были, хотя и возглавляли цинские войска, двигавшиеся по северному и южному пути. Им Юэ Чжунци неоднократно писал, чтобы они не торопились, так как боялся, что, не будучи в курсе, они могут поддаться влиянию Мала и Сэнгэ, которые тоже не знали о планах Юнчжэна. Таким образом, существовал определенный риск, что они смогут встать на сторону Нгабопы [ПТДРЮ, С.1771; СТДКЯРЮ, Т.12, С.787-790]. Однако Полханэ оказался в Лхасе раньше, чем они планировали, поэтому план удался. У заговорщиков, под влияние которых попали только прибывшие в Лхасу амбани, сохранилась иллюзия поддержки цинского двора. Китайские историки, давая оценку политике императора в этом конфликте, пишут, «это не только позволило избежать проблем, связанных с введением китайских войск, но и позволило избежать критики с обеих сторон в адрес цинских властей, так как обе стороны рассчитывали на поддержку в конфликте настолько, что согласились, что вердикт должен вынести именно Цинский двор» [Чжоу Жунбин, 2005, С.42].

Пока император анализировал ситуацию и строил планы, цинские чиновники в Лхасе выясняли подробности случившегося, а Нгабопа давал показания, Полханэ собрал сторонников и продумал план дальнейших действий, не обращая особого внимания на попытки Далай-ламы и Панчен-

ламы убедить его решить вопрос мирным путем. Действия Полханэ были успешными, и, в основном, закончились в апреле 1728 года.¹¹⁰

§4.4. Суд над калонами и последствия междоусобной войны

1727–1728 гг.

О приближении войска Полханэ к Лхасе Чжоу Ин узнал из доклада Мала: «На 21 день 5 месяца, по сообщению Соднам Даргье, Люмпанэ, Нгабопа и Джаранэ, Полханэ во главе армии более 7000 человек из Янбацзина и 4 других мест направился в Тибет. Далай-лама и правящие тибетские верхи очень напуганы» [СТДКЯРЮ, Т.12, С.794]. Цинские командующие сразу стали обсуждать, какое войско следует отправить для обеспечения спокойствия в Лхасе. Однако, пока они решали, пришло следующее письмо от Мала: «26 день 5 месяца Полханэ во главе армии из Нгари и Цзана вступил в Лхасу, с глубоким уважением отнесся к Далай-ламе, не тронул ни волоска на головах тибетцев, а 28 числа заключил в тюрьму убивших Канченнэ Нгабопу, Люмпанэ и Чжаранэ» [Там же, С.795]. Так, 3 июля 1728 г. была взята Лхаса. Несколько дней спустя, заговорщики были посажены под арест в ожидании прибытия цинской армии, Мала и Сэнгэ вновь поселились в городе, а Полханэ стал докладывать им о своих действиях и намерениях.

Чжоу Ин, которого это известие застало в Чамдо 19 июня 1727, доложил императору о событиях в Лхасе и о просьбе Полханэ, который дал Мала и Сэнгэ следующий отчет:

«Я, как и Канченнэ, изначально был маленьким человеком, но, по милости императора, да продолжаются годы его жизни, стал дзасак-тайджи, а Канченнэ стал бэйсэ и получил печать. Они (калоны – М.С.) возмутились и убили Канченнэ, а также неоднократно посыпали войска убить меня. Я 4-5 раз докладывал [об этом], а [цинская] армия, на которую я так надеялся, все

¹¹⁰ О действиях Полханэ см. донесение Юэ Чжунци от 17 августа 1728 г.: Цин Шилу, С.322–323, перевод на англ. Petech, 1972, С.268–269.

не прибывала. Проход, который я [охранял], находится близко к джунгарам. (...) Мне ничего не оставалось, как оставить в Нгари трехтысячное войско заблокировать проход, и взять с собой всего лишь двухтысячное войско из Нгари. Прибавив к ним людей изо всех мест в Цзане, я собрал всего девять тысяч солдат. Великое счастье, что мне улыбнулась удача, враг был схвачен. [Сейчас же я] прошу больших людей (Мала и Сэнгэ – М.С.) принять донесение и установить виновных. А мне через 2-3 дня необходимо вернуться в Цзан поехать обороныть границы моих владений. Эти войска, которые я привел с собой, – прошу больших людей доложить, чтобы их наградили, чтобы потом они также были готовы отдавать свои силы [во благо государства]» [Там же, С.795].

Проявив еще раз свою лояльность ко двору, Полханэ одновременно с этим продемонстрировал в действии армию Цзана и Нгари, которую они с Канченнэ возглавляли. Так, цинские власти смогли убедиться, что Тибет со временем сможет под руководством Полханэ обороняться в случае джунгарского вторжения своими силами, не прибегая к помощи цинских войск, введение которых на территорию Тибета ложилось бременем как на императорскую казну, так и на местное население и изнуряло войска.

Юэ Чжунци тоже доложил императору о своем видении ситуации в докладе от 17 августа 1728 г., где кратко изложил доклад Полханэ и предложил удовлетворить его просьбу и, наградив его 9000 воинов, публично объявить им благодарность. Император в ответ написал: «Войско Полханэ имело большой успех. Приказываю Чжаланга выделить 30000 лянов из налогов, предназначенных на военные нужды, передать их Полханэ и приказать ему наградить войска по своему усмотрению [Цин Шилу, С.322-323].¹¹¹

Выбранная императором стратегия оказалась удачной: задержка военного вмешательства позволила привести к победе, а позже и к власти, лояльного тибетского министра, сохранить Далай-ламу в недоступности для

¹¹¹ Перевод записи из «Шилу» на англ. см. Petech, 1972, С. 269.

джунгаров и задействовать цинскую армию лишь для устрашения и поимки бунтовщиков с целью организации суда над ними. 15-тысячное объединенное войско Шэньси (8000), Сычуани (4000) и Юньнани (3000) под командованием главы Цензората¹¹² Чжаланга и фудутуна Майлу прибыло в Лхасу на два месяца позже Полханэ [Там же, С.319-320].

Прибывшие 4 сентября 1728 года в Лхасу командующие Чжаланга и Майлу организовали вместе с Сэнгэ и Мала судебное расследование и пришли к следующим решениям:

- Нгабопа и Люмпанэ были приговорены к наиболее жестокому виду смертной казни – через четвертование, еще двое монахов – к медленному удушению, 13 другим заговорщикам (главным образом, родственникам Нгабопы и Люмпанэ) были отсечены головы. Чжаранэ был помилован и отправлен в ссылку;

- Полханэ был оставлен правителем Цзана. По его рекомендации для управления Уем были назначены новые калоны – Сичо Цэтэн и Церин Вангъел. При этом Полханэ должен был контролировать администрации обоих регионов. Император подтвердил эти назначения, даровал Полханэ титул бэйсэ, а Церину Вангъелу – дзасак-тайджи. Калоны были подчинены Полханэ во избежание повторения ситуации с возникновением противоборствующих группировок. На момент издания указа (20 января 1729 г.) планировалось после вывода войск из Лхасы, вновь оставить за Полханэ только управление Цзаном [Там же, С.328-329];¹¹³

- В Лхасу был возвращен для постоянной дислокации гарнизон в 2000 человек: 1000 из Шэньси и 1000 из Сычуани. В Чамдо оставалась еще 1000 воинов для охраны путей сообщения;

- Остальные войска были выведены из Лхасы в январе 1729 г. Часть из них была направлена тайно сопровождать Далай-ламу в Сычуань. В этом

¹¹² Mayers, №185.

¹¹³ Перевод указа на англ. см. Petech, 1972, С. 270-71.

вопросе император также последовал совету Юэ Чжунци (подробнее о ссылке Далай-ламы и ее причинах см. Глава 5);

– Главным же изменением в системе управления стало введение института амбаней – императорских наместников.

Мы уже упоминали выше о поездках в Тибет императорского уполномоченного Хэшоу, которого иногда называют первым амбанем в Тибете, объясняя это тем, что он был первым официальным представителем цинской администрации, отправленным на постоянное проживание в Тибете. Однако он не был наделен полномочиями, позволяющими вмешиваться во внутренние дела управления, и никто не приехал сменить его на этой должности. Наделенные такими полномочиями чиновники, которых император Юнчжэн отправлял решать дела управления Тибета до 1727 года, тоже не задерживались в Лхасе и отправлялись не регулярно. Институт амбаней, возникший в 1727 году, когда Сэнгэ и Мала прибыли в Тибет, подразумевал присутствие двух амбаней в Лхасе на постоянной основе и осуществление ими контроля тибетской администрации. Расквартированные в Тибете войска находились у амбаней в подчинении.¹¹⁴

При вынесении приговоров и решений об изменении системы управления Тибетом, Юнчжэн, как можно догадаться по содержанию указа, во многом опирался на мнение Юэ Чжунци [СТДКЯРЮ, Т.11, С.834-837]. Что же касается Мала и Сэнгэ, император считал их не самыми способными чиновниками [СТДКЯРЮ, Т.13, С.332]. Это свидетельствует о том, что, оставляя в Тибете на постоянной основе представителей цинской администрации, император стремился выбрать не столько тех, кто бы мог реально управлять делами, сколько исполнительных лояльных людей, которые докладывали бы оперативно обо всем, что происходит вокруг и внушали страх и уважение тибетцам благодаря войскам, находившимся в их

¹¹⁴ Подробнее об институте амбаней см. Намсараева, 2003, С.90-132; Kolmaš , 1992; Чэнь Байпин, 2004; Го Цин, 1998; Го Цин, 1989; Дин Шицунь, 1948.

распоряжении. Амбани носили тибетские имена и назначались из монгольских или маньчжурских чиновников.

Давая общую характеристику тибетским событиям 1727-1728 гг., можно, согласившись с Л.Петехом отметить, что действия калонов, несмотря на их антицинские взгляды, все же не были направлены на свержение цинского протектората. Это подтверждается тем, что Мала и Сэнгэ смогли беспрепятственно добраться до Лхасы и дождаться подкрепления, а также тем, что министры докладывали о происходящем в Пекин и рассчитывали на поддержку со стороны императора. Что же касается бытовавшей в традиционной китайской историографии точки зрения, что убийство Канченнэ было организовано при участии джунгаров с целью последующего антицинского переворота, видимо, этим история обязана антиджунгарскому манифесту 17 марта 1729 г. В нем действительно присутствует фраза о том, что министры убили Канченнэ, будучи в сговоре с джунгарами и пытались к ним бежать, когда были схвачены Полханэ в июле 1728 г. [Цин Шилу, С.332; Petech, 1972, С.149-150]. Таким образом, события 1727-1728 гг. можно обоснованно назвать междуусобным конфликтом, т.е. внутренними делами Тибета, каковыми и считал их изначально император Юнчжэн. В то же время, возможность того, что в результате развития этой внутренней тибетской проблемы к ее решению могли быть привлечены джунгары, насторожила императора настолько, что он счел необходимым вмешаться. Что же касается джунгарского вопроса, то можно отметить, что практически во всех письмах, донесениях и комментариях императора, касавшихся Тибета, так или иначе, возникала тема джунгарской угрозы. Вопрос о джунгараах проходит красной нитью через всю политику империи Цин в отношении Тибета, начиная с 1717 года и заканчивая разгромом джунгарского ханства в 1755-57 годах.

Глава 5. Ссылка Далай-ламы в 1728–1735 гг.

§5.1. Причины ссылки.

В ходе расследования причин междоусобного конфликта в Тибете цинские уполномоченные пришли к выводу, что центром всех интриг был двор молодого Далай-ламы, и ответственность за произошедшее лежит, главным образом, на его отце Соднам Даргье [СТДКЯРЮ, Т.10, С.419]. Однако они понимали, что обычные меры наказания не могли быть применены к семье человека, фигура которого была священной для подавляющего большинства тибетского и монгольского населения. Кроме того, несмотря на то, что джунгары не имели отношения к событиям 1727-1728 годов, потенциальная угроза их нового вторжения в Тибет вызывала опасения у императора. Идея перемещения Далай-ламы на территорию Китая возникала у императора именно в контексте отношений с Джунгарским ханством. Причем решение о его отправке за пределы Тибета было принято еще до окончания междоусобного конфликта, а мысль о возможном перемещении Далай-ламы в случае джунгарского вторжения высказывалась как самим Юнчжэном, так и его подчиненными, еще в начале 1727 года, то есть до убийства Канченнэ [СТДКЯРЮ, Т.9, С.145].

Далай-лама был ключевой фигурой не только в тибетской, но и в монгольской (наиболее важной в первой половине XVIII века) политике империи, поэтому его фигуре Юнчжэн уделял особое внимание. В нем заключалась главная ценность Тибета для цинского двора: бедный и труднодоступный Тибет не приносил доходов и не беспокоил границы, не обладая большим военным потенциалом. В то же время расходы на военные операции, содержание войск в Лхасе для охраны Далай-ламы и другого рода поддержку буддизма и его духовного лидера были очень высоки, о чем императору неоднократно докладывали его приближенные [Там же].¹¹⁵ В

¹¹⁵ В 1729 году Юнчжэн по этой причине даже был создан Совет по делам финансового управления расходами на военные нужды – Цзюньсюйфан во главе с тринадцатым принцем Юньсяном [Barlett, 1991, С.77].

нашей работе мы уже неоднократно писали о проблемах, связанных с содержанием постоянного контингента войск на тибетской территории. Однако, имея ввиду опыт ликвидации последствий вывода войск в 1723 и 1725 годах, император пришел к осознанию необходимости нового способа решения проблемы поддержания стабильности и обороноспособности Тибета. В ходе событий 1727-1728 годов, Полханэ проявил себя талантливым полководцем и продемонстрировал возможность успешного ведения военных действий без поддержки цинской армии. Таким образом, доверив лояльному тибетскому правителю формирование собственных военных подразделений и обеспечив его финансово, император мог рассчитывать на то, что со временем Тибет будет в состоянии сам обеспечить охрану Далай-ламы и спокойствие на своей земле. Однако для стабилизации внутреннего положения требовалось время. Поэтому решение о перемещении Далай-ламы на «внутренние земли» на время, пока Полханэ не приведет в порядок дела внутри Тибета, было, с точки зрения интересов цинской политики, вполне обоснованным.

Родственные связи тибетских аристократов с Лобсан Дандзином, бежавшим на территорию Джунгарии, подогревали беспокойство Юнчжэна. Джунгары, в целом, тоже были заинтересованы не столько в занятии тибетской земли, сколько в контроле над Далай-ламой. Как показал джунгарский опыт 1717 года, даже заняв территорию Тибета, удержать там власть без опоры на духовного лидера было практически невозможно. В то же время, при его поддержке, джунгары могли бы получить такой религиозный и, как следствие, политический вес в регионе, что стали бы представлять реальную угрозу цинской империи. Об этом говорил еще император Канси: «Монголы все до единого почитают буддизм. Если кто-либо будет действовать от имени Далай-ламы, все последуют за ним. Если он поддержит Цеван Рабтэна, тогда все тибетцы и монголы последуют за Цеван Рабтэном» [Ци Юньши, Т.17, Л.13а]. Одним из решающих факторов, приведших к установлению цинского влияния в Тибете в 1720 году стал

именно контроль над Далай-ламой, которого Канси уберег от джунгаров и возвел на престол в Потале. Юнчжэн продолжил развивать успех своего отца, решая сложные ситуации в Тибете в соответствии с заданным курсом. Далай-лама был для него в этих событиях фигурой, при помощи которой можно было повернуть ход событий в неблагоприятном направлении, поэтому он должен был любой ценой находиться под строжайшим контролем. Кроме того, отправляя Кэлсанг Гьяцо в Сычуань, император не только решал вопрос с возможным джунгарским вмешательством в дела Тибета, но и предотвращал вовлечение духовного лидера в придворные интриги, которыми занимался его отец.

Интересно отметить, что, несмотря на то, что решение было принято заранее и не подлежало пересмотру, оно не только было сформулировано в исключительно вежливой форме, но и представлено в качестве приглашения Далай-ламы в Пекин на аудиенцию к императору.

Согласно биографии Полханэ, генерал Чжаланга в ноябре 1728 года нанес визит Далай-ламе и передал ему приглашение императора Юнчжэна посетить Пекин. Генерал сообщал, что путешествие займет не больше года. Однако, как европейские, так и китайские исследователи предполагают, что на самом деле визита к императору не планировалось с самого начала, и обе стороны четко это осознавали. Приглашение в Пекин было использовано в качестве аргумента, чтобы Далай-лама не смог отказаться от поездки [Petech, 1972, С.152-153; ИОКПСТ, С.454–455].

При получении известия о планируемом отъезде Кэлсанг Гьяцо, Полханэ вместе с Панчен-ламой и другими тибетцами просил Чжаланга отозвать приказ, но в удовлетворении просьбы им было отказано. Единственным, чего, согласно его биографии, смог добиться Полханэ, было разрешение для Далай-ламы взять с собой в качестве сопровождения не 80 человек, как предлагалось изначально, а 200 [Petech, 1972, С.152-153].

Согласно мнению Л.Петеха, в действительности речь о приглашении Далай-ламы в Пекин не шла, и в тибетских источниках нет ни слова о

планируемой аудиенции, начиная с того момента, как Далай-лама дал согласие на поездку. В то же время мы обнаружили, что встреча с императором как цель поездки во «внутренние земли» фигурировала в переписке с императором и после прибытия Далай-ламы в Литан в докладах фудутуна Мала и принца Юньли от 1735 г., о которых речь пойдет ниже. Китайский ученый Фэн Чжи также приводит сведения о том, что, прибыв в Литан, Далай-лама не поехал дальше из-за бушевавшей в Китае холеры и непереносимо жаркого для тибетцев климата, в то время как проведение встречи уже было запланировано в городе Чэндэ¹¹⁶ [Фэн Чжи, 1989, С.66]. В «Сводном описании обороны Тибета» сказано, что «было решено переместить Далай-ламу в Литан во избежание кровопролития» [СОУЦ, С.147]. Еще один китайский ученый приводит текст указа об отправке в Гартар: «Основы буддизма чисты, но многие варвары устраивают волнения, и я, заботясь о процветании, отправляю [Далай-ламу] в город Гартар для защиты буддизма. Пусть [...] гун Чжа (Чжаланга – М.С.) и дутун гун Ма (Мала – М.С.) отправляются во главе подразделений, всего в сопровождении маньчжуро-китайской армии в 4600 человек, и охраняют его по дороге» [Чжан Хушэн, 1994, С.92]. В то же время, необходимо отметить, что изначально Кэлсанг Гьяцо был направлен не в Гартар, а в Литан, так как строительство монастыря в Гартаре для Далай-ламы началось только в 1729 году, поэтому такая формулировка приказа кажется сомнительной. А в «Правдивых записях» причина поездки обозначена лишь в указе о возвращении Далай-ламы от 18 августа 1734 г., где сказано, что император опасался нападения джунгаров [Цин Шилу, С.361].

Так или иначе, Далай-лама согласился на переезд и 23 декабря 1728 года со своей личной свитой численностью 200 человек, в сопровождении цинских войск покинул Лхасу. Перед отъездом Кэлсанг Гьяцо дал хутухте из Ончойдин Джигмэ Еше Джагпа (ум. 1740), наставления относительно проведения

¹¹⁶ Столичный город Чэндэ был основан императором Канси в 1703 году. В городе располагалась летняя резиденция императора и было возведено множество тибетских буддийских храмов.

церемоний, оставив его своим местоблюстителем [Б7ДЛ, Л.123б,127а]. В Лхасе остался гарнизон в 2000 солдат под командованием генерала Майлу. Остальные 4500 были разделены на 5 подразделений, которые должны были по отдельности вернуться в Китай. Одна из групп под командованием Чжаланга и Мала в 1400 человек везла Далай-ламу и его отца [СТДКЯРЮ, Т.13, С.799–800].

15 января 1729 года императору доложили, что Литан к приезду Далай-ламы готов: монастырь обустроен, а войска расквартированы [Цин Шилу, С.328]. В марте Далай-лама прибыл в Литан, где его встретил фудутун Найгэ, который был направлен туда императором во главе войска в 2000 солдат, выделенного для его охраны. Также Найгэ передал Мала приказ Юнчжэна остаться с ним в Литане оберегать Далай-ламу [Там же, С.327, 335].

О прибытии Далай-ламы в Литан Найгэ и Мала доложили императору. В этом донесении Найгэ процитировал свои слова, адресованные Далай-ламе: «Ты, лама, хотел получить аудиенцию у императора, из Тибета прибыл в Литан». Также он сообщил Кэлсанг Гьяцо, что император специально отправил его, чтобы он вместе с Мала позаботился о духовном лидере во время его пребывания в Литане. В ответ Далай-лама выразил свои заверения в глубоком почтении и благодарность за заботу. Император отметил, что «рад это прочитать» и добавил: «Передай ламе мое приветствие и скажи, что у меня все благополучно. Тебе следует должным образом почтительно покровительствовать [ламе], вдвое увеличить милости, выполнять все его прихоти. Если молодые люди находятся в землях, где господствуют бунтарские настроения, они не могут быть покорны. Поэтому следует при помощи хорошего обращения давать советы. Стараться, насколько это возможно, чтобы он соблюдал повеления» [ПТДРЮ, С.1707]. Из этого донесения следует, что возможность визита в Пекин все же обсуждалась и после прибытия Кэлсанг Гьяцо в Литан. Однако в столицу был в итоге приглашен не сам Далай-лама, а его отец [Б7ДЛ, Л.129а–130б].

Очевидно, что привлечь к какой бы то ни было ответственности такую фигуру, как отец Далай-ламы представлялось невозможным даже для императора, несмотря на то, что его причастность к убийству Канченнэ сомнений не вызывала. Кроме того, Соднам Даргье уже утратил возможность оказывать влияние на развитие событий и не был опасен. Хотя, по свидетельствам католических миссионеров, к императору его доставили закованым в цепи [Petech, 1972, С.172–173]. Подробности аудиенции не были запечатлены ни в тибетских, ни в китайских источниках. Интересно, однако, отметить, что в биографии Соднам Даргье в ВУГТБКВМТ сказано, что он отправился к императору «вместо Далай-ламы» [ВУГТБКВМТ, Цз.92, Л.66]. Известно также, что результатом его визита стало не наказание, а получение им 29 июля 1729 г. знаков отличия (коралловый шарик на шапку и павлинье перо с двумя глазами) и титула князя шестой степени (кит. фугогун).¹¹⁷ Отметим также, что в указе, дарующем ему этот титул, не просто перечислялись его заслуги, заключавшиеся, главным образом, в воспитании духовного лидера Тибета, но также было сказано, что Соднам Даргье «не вмешивался ни на йоту в тибетские дела» [Цин Шилу, С.336–337]. Покинув Пекин, Соднам Даргье присоединился к своему сыну в Литане осенью 1729 года. Оттуда они вместе были отправлены в Гартар.

§5.2. Перемещение Далай-ламы в Гартар.

Несмотря на обсуждение визита в столицу самого Далай-ламы, можно, тем не менее, предположить, что аудиенция все же не входила в намерения Юнчжэна, так как распоряжение о постройке для Кэлсанг Гьяцо монастыря в Гартаре он отдал еще до отъезда Далай-ламы из Лхасы.

¹¹⁷ Титул был передан по наследству в 1744 году его сыну Кунга Тэнцзину, также имевшему заслуги перед двором и занимавшему должность калона с 1763 года до своей смерти в 1773 году. Затем титул фугогуна унаследовал сын Кунга Тэнцзина Тashi Намгьел. Однако после этого министры посоветовали императору Цянълуну прекратить передачу столь высокого титула по наследству, и император принял решение о том, что по наследству будет передаваться более низкий титул тайджи 1 степени [ВУГТБКВМТ, Цз.92, Л.76–8а].

Во время путешествия Далай-ламы из Лхасы в Литан и еще некоторое время, проведенное им в самом Литане, для духовного лидера Тибета строили и обустраивали монастырь Галдангон в местности Гартар (кит. Тайнин). Как докладывал императору в конце 1728 года Юэ Чжунци, генерал Нянь Гэнъяо уже начинал обустраивать в этом месте воинские подразделения, так что там уже была построена городская стена и здания для проживания солдат. Территориально это было удобное решение, так как географические положение местности давало возможность, в случае необходимости, быстро перебросить дополнительные контингенты войск из других частей Китая [СТДКЯРЮ, Т.13, С.620–621]. Кроме того, Литан был родиной Далай-ламы, поэтому он был привычен к местному климату. Для охраны монастыря в Гартар было приказано перебросить 500 солдат из Сычуани. Еще 300 человек были поселены в окрестностях [СТДКЯРЮ, Т.14, С.890–891]. О ходе строительства монастыря Юэ Чжунци докладывал императору 15 мая 1729 года. Генерал сообщил, что строительство к северо-западу от города было начато 8 мая 1729 года, и что кроме местного населения к работам были привлечены рабочие из Сычуани. Юэ Чжунци сообщил, что планируется завершить постройку в течение нескольких месяцев [СТДКЯРЮ, Т.15, С.105–106]. Огромный монастырь, в котором имелось 1000 помещений, был действительно возведен в кратчайшие сроки. На его постройку было потрачено 400000 лянов серебра. Кроме того, рядом с монастырем было построено еще 400 домов [Чжан Хушэн, 1994, С.93, 97].

Юнчжэн не жалел ни денег, ни людей для обеспечения комфорtnого проживания Далай-ламы в Китае. В то же время, император следил за тем, чтобы его тщательно охраняли и относились со всей почтительностью. Для Юнчжэна было важно не только вывезти Далай-ламу из Лхасы, но и получить благодаря этому славу покровителя буддизма. Укрепление влияния на верующих монголов и тибетцев на территории Сычуани было тем более важно, что после разрушений, которым подверглись монастыри во время

кукунорского мятежа, необходимо было восстанавливать авторитет императорской власти именно в этом регионе.

После постройки монастыря Галдангон в Гартаре, он получил китайское название Хуэйюань – «Прекрасный и далекий». А в 1731 году император лично сочинил надпись на основание монастыря. Различные варианты текста надписи Юнчжэна сохранились в нескольких китайских текстах, а также частично на стелах из монастыря [СОУЦ, С.14-15; Чжан Хушэн, 1994, С.95–97].

21 марта 1730 г. Далай-лама вместе с Соднам Даргье отбыл из Литана в Гартар где он и пребывал вплоть до возвращения в столицу, постоянно принимая у себя приезжавших кукунорских князей и послов от императора и Полханэ [Б7ДЛ, 132а–136б; ИОКПСТ, С.455–456]. Информация о жизни Далай-ламы в Гартаре есть в книге Л.Петеха [Petech, 1972, С.158–175], поэтому мы не будем заострять на ней внимание, тем более, что она не была насыщена событиями. Можно, однако, подчеркнуть знаки внимания императора, которые тот постоянно проявлял к Кэлсанг Гьяцо. Кроме денег и обычных даров, император регулярно интересовался здоровьем Далай-ламы, и когда тот действительно заболел в 1730 году, к нему был отправлен придворный врач из Пекина [Фэн Чжи, 1989, С.67]. Когда часто случавшиеся в этой местности землетрясения наносили урон монастырю, император выделял средства на его ремонт и даже приказал построить отдельное здание для проживания Далай-ламы во время ремонта монастыря [СТДКЯРЮ, Т.21, С.164–165]. 6 июля 1731 года сюньфу¹¹⁸ Сычуани Сяньдэ доложил императору, что по сведениям Чжаланга, сменившего Юэ Чжунци на посту генерал-губернатора Сычуани, Полханэ жаловался на недостаток средств для отправки Далай-ламе в Гартар, так как вместе с ним проживало слишком много приближенных. Вновь направленный в Тибет Мала на месте выяснил, что денег и продуктов действительно недостаточно. Сяньдэ предложил

¹¹⁸ Mayers, №272, №274

организовать снабжение всем необходимым из Сычуани по мере надобности [ИОКПСТ, С.457].

§5.3. Управление Тибетом во время ссылки Далай-ламы.

Одновременно с вопросом обеспечения достойного уровня жизни Далай-ламы в Китае, цинские власти активно занимались внутренними делами Тибета. Еще до отъезда из Лхасы вместе с Кэлсанг Гьяцо, генерал Чжаланга вызвал из Шигадзе Панчен-ламу. Иерарх покинул свою резиденцию 15 октября 1728 года и десять дней спустя прибыл в Лхасу. 28 октября Чжаланга зачитал Панчен-ламе императорский указ о даровании ему территорий Цзана до Кайласа (включая Лхацэ, Пунцоглин, Нгамрин, Цзонка, Тидрон и Нгари Корсум). Лама вежливо отказался, сказав, что денег ему и так хватает, а возраст уже не позволяет заниматься делами управления такой большой территорией. После уговоров, иерарх принял Лхацэ, Пунцоглин и Нгамрин, составлявшие наименьшую часть предлагаемых земель. Тем не менее, Панчен-лама был привлечен к управлению Цзаном. Это стало первой попыткой создания цинскими властями противовеса авторитету Далай-ламы в лице Панчен-ламы [Petech, 1972, С.154; Ya Hanzhang, 1993, С.90–91; ИОКПСТ, С.453–454]. Однако иерарх был стар и не стал непосредственно участвовать в делах управления, ограничившись благодарственным посланием императору [Цин Шилу, С.329]. В то же время, благодаря этим событиям возрос как религиозный, так и политический авторитет Панчен-лам, получивших также определенную экономическую независимость.

В то же время в Тибете начала действовать новая форма управления. После того, как Чжаланга и Мала проводили Далай-ламу в Литан, Мала остался в Литане. А Сэнгэ стал единственным полномочным представителем императора в Тибете. В напарники ему был оставлен генерал Майлу. Л.Петех полагает, что именно Майлу и Сэнгэ можно правомерно называть первыми тибетскими амбанями [Petech, 1972, С.156]. Мнение ученого можно объяснить тем, что когда Мала был направлен в Тибет, на него и Сэнгэ еще

не были возложены функции надзора за действиями тибетского правительства, а сразу по завершении следствия он уехал сопровождать Далай-ламу в Литан. Таким образом, первыми оставшимися в Тибете на постоянное проживание чиновниками, которым были поручены функции надзора за действиями тибетского правительства и в распоряжении которых находился гарнизон цинских войск, стали не Мала и Сэнгэ, а Майлу и Сэнгэ. В то же время, большинство ученых считает, что деятельность Мала и Сэнгэ в 1727 году уже можно считать началом работы института амбаней [Kolmaš, 1992, С. 543; Го Цин, 1998, С.59; Чжоу Цян, 2011, С.138; У Фэнпэй, Цэн Гоцин, 1988, С.2–4].

В середине 1729 года, из-за разногласия между Майлу и Чжоу Ином, Мала было приказано вернуться в Лхасу. Генерал-губернатор Сычуани Хуан Тингуй доложил об этом Юэ Чжунци. После этого Бао Цзинчжун сменил в Лхасе Чжоу Ина, также назначенного амбанем, а Мала был вновь отправлен в Тибет. Мала и Сэнгэ были вновь назначены главными управляющими, а Майлу и Бао Цзинчжун – их заместителями [СТДКЯРЮ, Т.15, С.51, 424–426; ИОКПСТ, С.465]. Так было заложено начало института амбаней в Тибете, однако он не сразу обрел конечную форму. В период правления Юнчжэна чиновников было не всегда двое – их количество доходило до пяти человек, и их обязанности не были четко распределены. Во времена правления Цяньлуна также был период, когда был только один представитель цинской администрации (1738–1749). Утверждение количества амбаней и распределение функций между ними (главному амбаню был подчинен Уй, а его заместителю – Цзан) произошло уже в 1749 году. В такой форме институт просуществовал до 1912 года. [ИОКПСТ, С.467].

В то же время, несмотря на учреждения института амбаней, в действительности управление Тибетом осуществлял Полханэ. Далай-лама уехал в Литан, Панчен-лама был стар и болен и не имел ни малейшего желания заниматься делами управления, а представитель Далай-ламы в Лхасе тем более в дела политики не вмешивался. Как уже говорилось, Полханэ

получил от императора в непосредственное управление Цзан и Нгари вместе с прилегающими территориями. Что же касается Уя, здесь ему было предложено выбрать двух калонов, чтобы они находились у него в непосредственном подчинении. Император эту идею Чжаланга и Юэ Чжунци поддержал [СТДКЯРЮ, Т.11, С.834–837]. Во время своего недолгого пребывания в Тибете, Чжаланга успел рассмотреть и одобрить предложенные Полханэ кандидатуры. Император утвердил их назначение калонами в начале 1729 года [Цин Шилу, С.328–329]. Так, новая административная система с двойной подотчетностью (калонов – Полханэ, а Полханэ – амбаням) была призвана предупредить возможность повторения кровавых событий междуусобной войны и возникновение сговора с джунгарами.

Новое правительство под руководством Полханэ сразу приступило к осуществлению реформ, пытаясь восстановить спокойствие в Тибете и стабилизировать экономику после потрясений первой четверти XVIII века. Ставка была сделана на укрепление хозяйства страны и развитие монастырей. Также была усовершенствована система работы почтовых станций и урегулировано налогообложение. На дорогах, связывающих Лхасу с Камом и Нгари, были организованы почтовые станции, что, согласно биографии Полханэ, в три раза сократило сроки доставки корреспонденции [ИОКПСТ, С.474].

В то же время, Юнчжэн был заинтересован, кроме стабильности и спокойствия на границе, в обороноспособном Тибете. Поэтому донесения чиновников императору касались, главным образом, вопроса его военной организации. В 1730 году Чжаланга подробно изложил ситуацию с цинскими войсками в Лхасе. Город охраняло два подразделения: 1000 воинов из войск, расквартированных в провинции Сычуань (258 конных, 742 пеших) и 1000 воинов из провинции Шэньси (750 конных и 250 пеших) [СТДКЯРЮ, Т.18, С.804–807]. Все расходы по обеспечению питанием и жалованием брали на себя цинские власти. Вопросы обустройства военного лагеря Чжаланга обсуждал с Полханэ [СТДКЯРЮ, Т.17, С.527–529]. Одновременно с

тренировками собственных подразделений, цинская администрация выделила Полханэ 10000 лянов серебра на подготовку тибетской армии [ИОКПСТ, С.468]. Свои способности к делам военной организации он не раз доказал на деле: когда организовывал вместе с Канченнэ сопротивление джунгарам в 1718-1720 гг., когда участвовал в совместных военных действиях в 1723–1724 гг., а затем победив в междуусобном конфликте в 1728 году. К этому качеству прибавлялась лояльность династии Цин, авторитет у тибетцев и способность руководить ликвидацией последствий бурных событий последнего десятилетия.

В 1730 году граничащий с Тибетом Бутанская политическая верхушка раскололась на две фракции, и одна из них попросила Полханэ оказать ей помощь. Проведенная военная реформа позволила тибетской армии принять участие и одержать победу в этом конфликте в 1731 гг. После заключения перемирия из Бутана были отправлены послы к Полханэ, а также в Пекин ко двору. Император остался очень доволен деятельностью Полханэ и в 1731 году дал ему титул бэйлэ [TOT, С.33–34; Цин Шилу, С.345; ИОКПСТ, С.470–471].

По данным доклада амбаня Цинбао, в 1733 году тибетская армия уже насчитывала 14000 человек [ИОКПСТ, С.470].

Единственный раз за время пребывания Далай-ламы в Гартаре некоторое напряжение возникло, когда в 1731 году к Далай-ламе приехал с берегов Волги посол наследника умершего калмыцкого Аюка-хана (1642–1724 гг.),¹¹⁹ чтобы посредством получения от духовного лидера титула хана легитимизировать свою власть. Калмыки повели себя достаточно независимо, отправив посла к Далай-ламе, не обратившись при этом ни к маньчжурскому, ни к русскому императору, в то время как Россия в это время уже считала их своими подданными [Rossabi, 1975, С.145-146;

¹¹⁹ Первый калмыцкий хан (1690–1724), получивший в 1690 году титул хана, дарованный ему от имени Далай-ламы V.

Брокгауз, Ефрон, 1913, С.59-60]. Поэтому Юнчжэн решил воспользоваться этой ситуацией для утверждения своего влияния на калмыков.

Вопрос осложнялся тем, что калмыцкие правители поддерживали дружеские отношения с джунгарами (дочь Аюка-хана была замужем за Цеван Рабтэном), а в это же время из Тибета в Пекин пришли известия о том, что готовится новое джунгарское вторжение. Полханэ сообщал, что джунгары хотят привезти в Лхасу сына Лхавсан-хана Сурью (1698–?), которого они увезли при бегстве в 1720 году, и вернуть ему права на управление Тибетом. По слухам, они хотели отправить в Тибет 5000-ное войско [Цин Шилу, С.348–349]. В Чамдо было приведено в боевую готовность 1000-ное войско, а месяц спустя был издан указ, регламентировавший контингент войск для охраны Далай-ламы в Гартаре: 500 воинов было размещено в самом городе и еще 500 человек распределено на дороге, связывающей Гартар с Дацзянлу [Там же, С.350]. Однако слухи оказались необоснованными. Выступившая по приказу Юнчжэна армия под командованием генерала Гао Цичжо достигла 14 февраля 1732 местности Далайцзун (или Далунцзон, совр. Банбар), но уже 17 февраля 1732 получила приказ об отступлении [СТДКЯРЮ, Т.21, С.909–911].

Что же касается калмыцкого посольства, Юнчжэн детально проинструктировал Далай-ламу, как следует ответить на просьбу о даровании титула. Кэлсанг Гьяцо было предписано уважительно сослаться на авторитетное мнение цинского правителя в решении вопроса о признании кого-либо ханом. Поэтому калмыкам пришлось ожидать грамоты из Пекина [Ishihama, 1992, С.511]. В мае 1732 года Найгэ доложил Юнчжэну о том, что грамота была благополучно доставлена в Гартар, и Далай-лама, произнеся все предписанные хвалебные речи в адрес императора, передал ее монгольскому послу со своим отцом. [ПТДРЮ, С.2111–2112].

Интересно отметить, что, будучи по сути правителем Тибета, Полханэ имел статус пусты и главного, но министра, поэтому при общении, к примеру, с послами из Ладака, на документах ставили печать амбани, в то время как

печать Полханэ давала только право на управление калонами: «Доро-бэйлэ, управляющий делами калонов Уя и Цзана». Другая печать была дарована Полханэ по просьбе амбаня Цзишаня уже во времена правления Цяньлуна [ИОКПСТ, С.472, 487]. В то же время, не используя китайскую печать, подписывался он на документах как «правитель»¹²⁰ [ТОТ, С.38].

О готовности тибетской армии и доверии императора Полханэ свидетельствует указ от 14 апреля 1733 г. о сокращении военного присутствия в Лхасе. Из 2000-ного гарнизона в столице Тибета осталось 500 солдат из Сычуани. Также вдвое была сокращена численность войска в Чамдо. Согласно указу, каждые 3 года следовало проводить ротацию войск [СОУЦ, С.147; Цин Шилу, С.358–359; Petech, 1972, С.169–171].

К достижениям Полханэ за время отсутствия Далай-ламы также можно отнести постройку военного городка, чтобы поселить туда оставшихся цинских воинов. Строительство началось 29 июля 1733, а 11 октября 1733 туда были переселены солдаты. Это освободило местное население от необходимости содержать воинов у себя дома, а также прекратило забой скота рядом с монастырями, осквернявший их окрестности с точки зрения тибетцев [ИОКПСТ, С.474].

§5.4. Возвращение Далай-ламы VII в Лхасу в 1735 году.

К 1734 году ситуация в Тибете стабилизировалась, власть Полханэ укрепилась, а Соднам Даргье отошел от политики. В то же время, содержание Далай-ламы, его многочисленной свиты и охранявшего его покой 2000-ного войска требовало больших расходов, о чем императору докладывали из Гартара.

21 июня 1734 г. император принял решение о приостановке военных действий, начатых против джунгаров в 1729 году. И, хотя мирные переговоры затянулись, джунгары были истощены, и уже 18 июля 1734 года фудутун Найгэ, находившийся в то время в Гартаре, написал императору,

¹²⁰ тиб. mi dbang

что, по его мнению, настала пора для Далай-ламы возвращаться в Тибет. В своем донесении он написал о политической обстановке, которая позволяла отправить Кэлсанг Гьяцо в Лхасу и о том, как тяжело снабжать 400 монахов, проживавших вместе с ним. Найгэ сообщил, что только на Далай-ламу тратится риса и чая как на 200 средних монахов, и в год его содержание обходится империи более чем в 3000 лянов серебра, а если он не покинет Китай, начнутся массовые паломничества тибетцев. Кроме того, как писал Найгэ, Далай-лама плохо переносил жаркий китайский климат и тосковал по родной земле, джунгарское вторжение не грозило, а ситуация в Тибете под руководством Полханэ стабилизировалась. Кроме того, хотя Панчен-лама и находился в Тибете, он был очень стар и болен [ИОКПСТ, С.458]. Из самого Тибета также пришла петиция к императору от Панчен-ламы, поэтому 18 августа 1734 г. император подписал следующий указ: «Раньше я повелел Далай-ламе переехать в Тайбин, так как в то время в Тибете случилась история с Нгабопой, и я боялся, что джунгарские разбойники воспользуются ситуацией и нападут. Поэтому повелел ему переехать поближе к границе, чтобы было удобнее его оберегать. Переехавшие с ним последователи уже давно покинули родную землю и очень хотят вернуться. Сегодня бэйлэ Полханэ действительно эффективно натренировал тибетские и олётские войска. Каждый горный проход, который необходимо охранять, уже серьезно защищен. В Тибете все спокойно и ничего не случится. Панчен-эрдэни стар и болен. Поэтому следует велеть Далай-ламе вернуться в Тибет. Пусть циньван Юньли поедет в Тайбин встретиться с Далай-ламой. Джанджа-хутухте повелеваю поехать вместе с ним» [Цин Шилу, С.361]. Так, в Тибет была направлена исключительно представительная миссия во главе с братом императора, который в то время возглавлял Лифаньюань (Палату по делам зависимых территорий), был прекрасным знатоком тибетского буддизма и свободно владел тибетским языком. В состав миссии также вошел Джанджа-хутухта Ролби-Дордже¹²¹, получивший, несмотря на юный возраст, титул

¹²¹ О перемещении Джанджа-хутухты из Гонлуна в Пекин см. Глава 3.

«государственного учителя». Состав миссии свидетельствует о том, какую важную роль играл в региональной политике Далай-лама. Также можно предположить, что, приглашая изначально духовного лидера посетить Пекин, император позаботился о своего рода компенсации за то, что не нашел возможности встретиться с Кэлсанг Гьяцо лично, отправив вместо себя своего брата. Эта встреча с Юньли стала своего рода продолжением традиции встреч членов императорской семьи с Далай-ламой после встречи с принцем Юнти в 1719 году, когда он также провожал Кэлсанг Гьяцо в Лхасу. Юньли также было поручено проинспектировать по дороге войска и обороноспособность городов [ЧжАО Яньпин, 2009, С.20].

Сообщение о возвращении духовного лидера было направлено в Лхасу 29 октября, и в ответ император получил от Полханэ и Панчен-ламы письмо с выражением глубокой благодарности. Торжественный выезд делегации из Пекина состоялся 1 ноября 1734 г., а 16 января 1735 г. миссия прибыла в Тайнин. Юньли пробыл там до 25 февраля 1735 г.

Официальные встречи с Далай-ламой, состоявшиеся во время посещения принцем Гартара, подробно описаны в дневнике принца, в биографии Кэлсанг Гьяцо, написанной участником этих событий Ролби-Дордже, а также в биографии самого Ролби-Дордже [БДХРД, С.59-70; Ролби-Дордже, 2006, С.116-139].¹²² Личные впечатления от встречи сам принц оставил как в своем дневнике, а также в одном из стихотворений, написанных им после возвращении в Пекин. В «Прибытии в монастырь Хуэйюань» принц описал, с какой радостью его встретили в монастыре в Тайнине и с каким энтузиазмом был воспринят тибетцами императорский указ [У Фэнпэй, 1985, С.98; Ши Чжимин, 2007, С.92]. Исходя из того, какие яркие впечатления и позитивные эмоции испытал Юньли, можно говорить о том, что цинская политика демонстрации дружественного участия в тибетском религиозном вопросе явно имела успех.

¹²² Описание церемонии встречи Юньли в Гартаре см. Успенский, 2011, С.203; Wang, 2000, С.130.

Юнъли находился в Гартаре около двух месяцев, проводя время в беседах на религиозные темы с Далай-ламой и принимая местных вождей и чиновников. Несмотря на то, что быт и нравы тибетцев не произвели на увлеченного тибетским буддизмом Юнъли положительного впечатления (тибетцы описаны как неопрятные люди, носящие тусклую некрасивую одежду, местность непригодна не только для земледелия, но и для нормального роста как деревьев, так и травы), между ним и Далай-ламой установились хорошие личные отношения, о чем есть свидетельства в целом ряде источников [Успенский, 2011, С.203–207; Су Фасян, 2009, С.199]. Известно, что Юнъли увлекался как стихосложением, так и живописью и во время пребывания в Тайбине Юнъли нарисовал портрет Далай-ламы. Неизвестно, однако, сохранился ли он где-нибудь до наших дней [Су Фасян, 2009, С.199].

На церемонии по случаю отъезда Юнъли, кроме принца и Далай-ламы присутствовали Джанджа-хутухта, китайские генералы и Соднам Даргье. Сидения Кэлсанг Гьяцо и его отца были обращены на восток, представителей китайской администрации – напротив, на запад. Это символизировало обращение тибетского народа за поддержкой к империи и ответную помощь и обращение к буддизму цинской стороны. Церемония сопровождалась игрой на традиционных тибетских музыкальных инструментах и чтением священных текстов. Принц отметил обилие и разнообразие фруктов и печеных изделий во время трапезы. В завершение празднования было показано музыкальное представление на исторический сюжет выдачи китайской принцессы замуж за тибетского правителя времен династии Тан [Юнъли, Цз.2, Л.2а].

Два дня спустя Юнъли со свитой отправился в обратный путь. После возвращения в Пекин, Юнъли приказал перевести на монгольский язык комментарии Далай-ламы к священным текстам, составленные для принца [Су Фасян, 2009, С.199]. 22 мая 1735 года принц доложил императору об успешном выполнении своей миссии и передал слова благодарности

Далай-ламы, который сожалел, что не смог лично встретиться с императором из-за болезни [Цин Шилу, С.362]. Когда Юньли вернулся в Пекин, он заказал свой конный портрет у итальянского художника-иезуита и написал на нем: "Я путешествовал на юго-запад, быстро преодолев 10000 ли. Дорога в Сычуани была спокойной, цзоские кони мчались быстро. Священная сила дэ [императора] распространилась широко, а небесный авторитет [императора] постепенно растет. [Я] еще не добился осуществления [его] помыслов. Благоприятно оцениваю грядущие перспективы".¹²³

Джанджа-хутухта остался в Литане, чтобы сопровождать Далай-ламу на пути в Тибет. Некоторое время он изучал там тексты под руководством Кэлсанг Гьяцо, а затем 15 марта 1735 они направились в Лхасу. Личные взаимоотношения, установленные между Джанджа-хутухтой и Далай-ламой имели важнейшие исторические последствия. Джанджа-хутухта впоследствии не только защищал интересы Далай-ламы перед следующим императором Цяньлуном (правл. 1736–1795 гг.), но и повлиял на его решение в 1751 году после мятежа сына Полханэ Гюромэ Намгьела о передаче светской власти Далай-ламе. А затем, после смерти Кэлсанг Гьяцо в 1757 году, он был направлен императором в Тибет для того, чтобы проконтролировать избрание Далай-ламы VIII [Wang, 2000, С.138–147].

13 апреля 1735 года в сопровождении Ролби-Дордже и 500 солдат Далай-лама отбыл из Гартара в Лхасу. По пути через Литан, Батан, Манкан, Чамдо, Лэйуци и Нагчу к нему приходили засвидетельствовать свое почтение многие местные правители, кукунорские князья, а также второй сын Полханэ Гюромэ Намгьел. Амбань Насутай¹²⁴ встретил его перед въездом в Лхасу, куда Далай-лама торжественно прибыл 3 сентября 1735 года [ИОКПСТ, С.465; Чжан Хушэн, 1994, С.94]. Еще до церемонии въезда, подготовки которой пришлось ждать несколько дней, Далай-лама был встречен ликующими ламами и чиновниками, в том числе Полханэ. Б7ДЛ описывает великолепие церемонии

¹²³ Сегодня портрет с подписью хранится в музее Императорского дворца в Пекине.

¹²⁴ Насутай пробыл амбаном в Лхасе с 1734 по 1735 год [Kolmaš, 1992, С.547].

восхождения Кэлсанг Гьяцо на престол в Потале, сопровождаемое принесением многочисленных даров от представителей разных слоев населения из разных регионов Тибета [Б7ДЛ, Л.163б–184а].

Однако, по свидетельствам католических миссионеров, находившихся в то время на территории Тибета, за внешней пышностью скрывались серьезные ограничения: деятельность Далай-ламы не должна была выходить за пределы религиозной сферы, а его отцу было позволено посещать Лхасу один раз в год и оставаться там не дольше месяца. Сведений, указывающих на это в китайских или тибетских источниках нет, однако их подтверждает тот факт, что Соднам Даргье после возвращения сына в Лхасу поселился в деревне неподалеку от столицы [Petech, 1972, С.175].

Что же касается Джанджа-хутухты, он, проведя еще некоторое время в Лхасе, отправился в Шигадзе. Там он в присутствии Панчен-ламы принял полное посвящение, дав обеты гелонга¹²⁵. Затем Ролби Дордже вернулся в Лхасу и, попрощавшись с Далай-ламой, покинул Тибет [Wang, 2000, С.132–134]. Эта поездка имела большое значение не только для самого Джанджа-хутухты, дав ему, с одной стороны, возможность наглядно познакомиться с Тибетом, установить личные отношения с Далай-ламой и принять посвящение в присутствии Панчен-ламы, а с другой стороны – выполнить политическую миссию, возложенную на него императором и обеспечить свою карьеру в Пекине. Обретя, таким образом, положение и влияние при дворе в Пекине, он получил возможность сыграть важнейшую роль в судьбе Далай-ламы и всего Тибета после событий 1750 года.

За время ссылки авторитет духовного лидера страны не претерпел серьезных изменений, но события 1727–1728 гг. на долгое время лишили его возможности влиять на дела светского правления Тибета, которым занимался Полханэ вплоть до своей смерти в 1747 году.

¹²⁵ Полностью посвященный монах – гелонг в возрасте от 21 года и старше принимает, в соответствии с традицией 253 обета.

Так начался новый период в истории Тибета, когда светская и религиозная власть вновь были разделены, а внутренняя и внешняя политика, осуществлявшаяся тибетским правителем Полханэ, находились под контролем представителей цинских властей. Впрочем, нельзя не отметить, что ключевой фигурой в цинско-тибетских отношениях по-прежнему оставался молодой Далай-лама, несмотря на то, что он на время был отстранен от дел светского правления.

Так совпало, что буквально несколько месяцев спустя после возвращения Далай-ламы в Лхасу, 8 октября 1735 года скончался император Юнчжэн. Когда в Лхасе стало известно о случившемся, были проведены соответствующие церемонии. Официальная миссия прибыла из Пекина возвестить о восшествии на престол императора Цяньлуна в начале 1736 года [Б7ДЛ, Л.190а–б, 1986-199а]. Смерть Юнчжэна не оказала существенного влияния на положение в Тибете: значительные изменения, произошедшие в политике империи в отношении Тибета менее чем за 15 лет правления Юнчжэна и формирование императором новой системы его управления надолго определили ход истории в регионе.

Заключение.

Маньчжурская династия Цин была провозглашена в 1636 г. При этом китайская династия Мин продолжала существовать до 1644 г., когда, установив свою власть над собственно Китаем, маньчжуры, претендуя на наследие империи Юань, восприняли идею преемственности как монгольской, так и китайской традиции отношений с «окраинными землями», в том числе с Тибетом.

В политике империи Цин в отношении Тибета до 1720 года можно выделить целый ряд особенностей, обусловленных новыми обстоятельствами на geopolитическом пространстве Восточной Азии.

1. Религиозный аспект отношений. В период правления Юань буддийские иерархи были наиболее влиятельными лидерами в Тибете. Признавая это, монгольские правители устанавливали с ними отношения в рамках религиозной доктрины *чо-йон*. Факт признания монголами тибетских буддийских иерархов в качестве главных представителей тибетского общества способствовал росту влияния буддизма на все стороны жизни Тибета. Буддийские иерархи, признавая тибетскую территорию зависимой, в то же время становились учителями монгольских ханов, сохраняя как свою индивидуальную статусность, так и особое положение Тибета в составе империи Юань. Со временем ситуация изменилась. Влияние тибетского буддизма в регионе значительно возросло к моменту установления правления империи Цин. К середине XVII века политический вес Далай-ламы V достиг небывалого уровня, и после смерти Гуши-хана его авторитет стал выше, чем у обладателей титула хана. Поэтому когда маньчжуры продолжили традицию установления отношений императоров с буддийскими лидерами, претерпевшую трансформацию в период номинального признания тибетцами вассалитета во времена Мин, это уже перестало отражать политическую зависимость Тибета.

2. Изменившееся внутреннее положение в Тибете. Когда империя Юань ослабела, монгольские правители вынуждены были отказаться от реального

влияния на события в Тибете. Империя Мин, сосредоточенная на северном направлении внешней политики, также довольствовалась номинальным признанием вассалитета, обеспечивая спокойствие на тибетско-китайской границе. Таким образом, когда хошутский Гуши-хан объединил Тибет в составе своего государства и передал власть Далай-ламе, империи Цин пришлось иметь дело уже не с зависимой территорией, а с государственным объединением, имеющим собственную систему управления, никак не подчиненную имперской центральной власти.

3. Буддизм как средство сохранения национальных особенностей. Унаследовав китайский традиционный подход в отношениях с приграничными землями, как с данническими, и став императорами Китая, маньчжуры в то же время заботились о своей самоидентификации в новой многонациональной империи. Поэтому, усвоив буддизм на раннем этапе их государственности, маньчжуры стали использовать его как средство сохранения национальных особенностей наряду с маньчжурским языком.

4. Утилитарное отношение к буддизму. В связи с распространением буддийской веры среди монголов (в том числе джунгаров, которые в XVII–XVIII вв. были главным геополитическим соперником цинской империи на международной арене), маньчжурские императоры стали стремиться использовать авторитет Далай-лам для влияния на монгольских правителей. Возможность воздействия на политическую ситуацию в регионе при помощи буддизма стала для маньчжуров фактором, определившим их заинтересованность в установления хороших отношений с тибетскими духовными лидерами. Поэтому в отношении Тибета у империи Цин начал прослеживаться особый подход, продиктованный этим интересом.

5. Необходимость считаться с фактором монгольского влияния в Тибете. Едinstva в первой половине XVII века не наблюдалось ни среди монголов, ни среди тибетцев. В то же время традиция отношений отдельных ханов с лидерами разных школ тибетского буддизма процветала. В 1642 году хошутский Гуши-хан основал династию «царей Тибета», с помощью военной

силы объединив его земли в составе своего государства и передав управление Центральным Тибетом Далай-ламе V. Так, имея дело с Тибетом, цинским властям было необходимо считаться как с собственно тибетскими лидерами, так и с их монгольскими покровителями, обладавшими значительными военными силами. Возможность объединения монгольских племен при поддержке буддийского лидера представляла потенциальную угрозу для новой цинской империи. И это стало одним из факторов, повлиявших на осуществление политики «разделяй и властвуй» в отношении монгольских правителей.

При этом подчинение Тибета лежало за пределами интересов цинского двора: труднодоступный и бедный горный район не был экономически привлекателен для империи. Не соответствующий окраинным землям значительный статус во внешней политике цинского двора Тибет обрел благодаря возможности использования его духовного лидера в качестве источника влияния на монголов.

Джунгарское вторжение в Тибет в 1717 году вынудило хошутского правителя Тибета Лхавсан-хана обратиться к императору с просьбой о военной помощи. Тогда, после некоторых колебаний, Канси решил впервые направить войска в Тибет. В 1720 г. объединенная маньчжуро-монгольско-китайская армия вошла в Лхасу и возвела Далай-ламу VII Кэлсанг Гьяцо на престол в Потале. Именно этот год тибетские и китайские источники считают той датой, когда Тибет вошел в состав империи Цин в качестве ее составной части. Решающее слово в определении политики в Тибете перешло к маньчжурскому императору. Далай-ламе были дарованы регалии, подтверждающие его признание цинским двором.

В отношении же вопроса о том, кому передать дела светского управления Тибетом после изгнания джунгаров, ни у императора Канси, ни у унаследовавшего эту проблему императора Юнчжэна не было определенной стратегии. При Канси было создано возглавляемое маньчжурским генералом временное правительство, в которое вошли как китайцы, так и монголы и

тибетцы. Существуют свидетельства о намерении императора вернуть власть наследникам Гуши-хана, однако, спустя три года после изгнания джунгаров из Тибета этого так и не произошло. Цинский двор официально объяснял это отсутствием единого лидера среди хошутов, на деле активно способствуя возникновению разногласия между их князьями. После кампании 1720 года цинские власти стали осуществлять в их отношении политику «разделяй и властвуй»: император Канси поднял второго по влиятельности князя Чаган Дандзина до уровня наиболее авторитетного хошутского князя Лобсан Дандзина, дав ему возможность претендовать на место главы Кукунора. Участие Юнчжэна при распределении спорной территории одного из умерших хошутских князей также значительно усиливало влияние Чаган Дандзина и провоцировало конфликт между князьями. Кроме этого, Юнчжэн всерьез обсуждал возможность передачи светской власти Далай-ламе: доклады генерала Нянь Гэнъяо о ситуации в Тибете подтверждали как способности Далай-ламы к управлению, так и желание тибетцев видеть его своим правителем. Лишним аргументом против возвращения власти хошутам мог быть их потенциальный политический союз с джунгарами, основанный на родственных связях.

Нежелание цинского двора возвращать хошутам власть над Тибетом привело к вооруженному мятежу, который возглавил Лобсан Дандзин. Однако, из-за участия императора в распределении спорных земель между князьями и провоцировании противоречий путем распределения титулов по принципу «разделяй и властвуй», князь лишился наиболее важного союзника в противостоянии цинским властям – Чаган Дандзина, а его влияние на территории Цинхая значительно сократилось. В результате этой политики, к началу военных действий монгольский князь не только не сумел добиться поддержки джунгаров, но и растерял своих союзников.

Важным фактором в определении политики цинской империи в отношении Кукунора во время восстания и в ходе ликвидации его последствий было большое количество проживавших на его территории

тибетцев. В конфликте 1723-1724 гг. они поддержали хошутских ойратов (которых воспринимали как своих законных правителей) в лице Лобсан Данзина, обеспечив военную поддержку и материальное снабжение мятежа. Особая жестокость в отношении лам при подавлении восстания объясняется, в том числе, тем, что император предполагал, что после долгих лет поддержки буддизма империей они встанут на сторону цинского двора. Кроме того, несмотря на определенные симпатии к некоторым тибетским учителям и основам «желтой веры», Юнчжэн неоднократно резко высказывался в адрес буддийского монашества, злоупотреблявшего, с точки зрения императора, своим положением, и слепой вере монголов ламам. Эти события как нельзя лучше отражают идею китайской пословицы «Не смотри на монаха, смотри на Будду».

Подавление Кукунорского мятежа 1723-1724 гг. окончательно положило конец надеждам потомков Гуши-хана на восстановление своей власти над Тибетом. Джунгары, отказавшиеся выступить против империи Цин, становились менее опасными соседями, так как лишились практически единственного возможного союзника в монгольском мире в противостоянии цинскому двору. Значительные территории, населенные тибетцами, вошли в состав империи Цин. Важнейший религиозный очаг, родина основателя школы Гелуг Цзонхавы, перешел в подчинение к цинской администрации. При этом при распределении земель по итогам кампании 1723-1724 гг. Юнчжэн исходил из того, что, создав свое государство в 1642 году, Гуши-хан разделил тибетские земли на Кам, Уй и Цзан, передав в управление Далай-ламе только Уй (т.е. Центральный Тибет). На присоединенной к китайским провинциям территории Юнчжэном был принят целый ряд серьезных мер по ограничению деятельности лам и монастырей.

В результате кровавой расправы над монахами и разгрома, которому подверглись буддийские монастыри в 1723-1724 годах, в Тибете, где только начинало складываться представление о маньчжурском правителе, стало слишком сложно поддерживать его имидж как «покровителя буддизма».

Однако Юнчжэну удалось добиться того, чтобы разграбление монастырей и массовые убийства тибетцев на территории Кукунора ассоциировались отнюдь не с его именем: поводом к совершенным действиям послужила поддержка тибетцами мятежного монгольского князя Лобсан Дандзина, а их причиной стали считать кровожадность и жестокость китайских генералов.

С самого начала своего правления Юнчжэн исключительно внимательно относился к тибетскому вопросу, постоянно направляя в Лхасу своих доверенных лиц, которые регулярно и подробно докладывали ему о текущем положении дел. Однако, досконально вникая в тибетские проблемы, император стал настолько осторожно относиться к каждому решению, что почти на пять лет затянул вопрос о назначении главы тибетского правительства.

К 1727 году несостоятельность новой системы управления стала очевидна, и император пришел к выводу о необходимости назначения одного главного министра, отправке в Лхасу на постоянное пребывание представителей цинской администрации и гарнизона цинских войск для подкрепления их полномочий. Также Юнчжэн принял решение об отправке Далай-ламы на территорию Китая, так как опасался нового джунгарского вторжения. Однако неуверенность Юнчжэна и затягивание с принятием решения привели к тому, что когда маньчжурские чиновники находились на пути в Лхасу, там уже разгорелся междоусобный конфликт. Назначенный императором главным министром Канченнэ был убит, а его сторонник Полханэ начал собирать войска для вооруженного сопротивления, обратившись к императору Юнчжэну с просьбой оказать военную помощь. Хотя колебания императора в итоге привели к междоусобной войне в Тибете, однако снова, как и в 1720 году, цинские власти не стали инициатором ввода войск в Лхасу, дождавшись просьбы о помощи из Тибета. И, как и его отец в 1717 году, Юнчжэн не сразу отправил войска в Тибет, обсудив этот вопрос с многими своими доверенными лицами. Больше всего император опасался, что до прихода войск Далай-лама может быть схвачен и увезен в Джунгарию.

Несмотря на то, что конфликт между калонами сам по себе Юнчжэн считал «маленькой проблемой», если в нем не были замешаны джунгары, оставить инцидент без внимания он не мог, так как был убит министр, который был назначен главой администрации императорским указом.

Когда в 1728 году цинская армия вновь вступила на территорию Тибета, Полханэ уже занял Лхасу, и схваченные им министры вместе с ним ожидали представителей императора для проведения следствия и вынесения приговора. Интересно отметить, что, определившись практически сразу после начала конфликта с поддержкой Полханэ, император сохранил иллюзию поддержки у обеих сторон: калоны также рассчитывали на его благосклонность. Это было важно, так как Юнчжэн, имея ввиду родственные связи министров, опасался, что если они не будут уверены в его поддержке, они увезут Кэлсанг Гьяцо в Джургарию. Казнив заговорщиков, цинские командующие предприняли ряд мер по реорганизации показавшей свою несостоятельность системы управления:

1. Учреждение института амбаней. Мысль об отправке в Тибет китайских наместников на постоянное проживание для осуществления более действенного контроля над ситуацией в Тибете высказывалась императором и его доверенными лицами еще до возникновения междоусобной войны. Главная задача амбаней заключалась в том, чтобы следить за лояльностью правящих верхов по отношению к императору и информировать центральную власть в Пекине о положении дел в Тибете. Вопросом внутреннего управления они практически не занимались.

2. Размещение в Лхасе цинской армии. Маньжуры были заинтересованы в том, чтобы Тибет со временем смог обороняться в случае джунгарского вторжения своими силами, не прибегая к помощи цинских войск, введение которых на территорию Тибета ложилось бременем как на императорскую казну, так и на местное население и на самих воинов. На оснащение и тренировку тибетской армии император выделил значительные средства.

Однако на время подготовки собственной армии, в Лхасе под командованием амбаней был оставлен гарнизон из 2000 цинских солдат.

3. Назначение Полханэ главным министром. Во избежание повторения ситуации 1727 года, было принято решение о передачи светской власти в руки одного лояльного тибетца, который бы осуществлял управление на месте. Главной задачей Полханэ была стабилизация внутреннего положения в Тибете и обеспечение безопасности на границах. Так как он проявил себя как талантливый полководец и доказал свою лояльность двору, император поручил ему возглавить тибетское правительство и начать формирование тибетской армии. Отмечая за Полханэ способности руководителя, император в то же время учитывал, что светский правитель, не будучи одновременно буддийским духовным лидером, не сможет завоевать такой значительный авторитет в Тибете, как Далай-лама V. Поэтому, доверяя Полханэ дела светского правления, Юнчжэн мог не опасаться, что слишком большая власть сосредоточится в руках одного человека.

4. Перемещение Далай-ламы на территорию Китая. Часто пребывание Кэлсанг Гьяцо в Сычуани называют ссылкой, так как он был удален из Лхасы по приказу императора и, соответственно, отстранен от дел светского правления в Тибете. В то же время, интересно отметить, что существует целый ряд свидетельств того, что была запланирована встреча Далай-ламы с императором, и не состоялась она по причине состояния здоровья духовного лидера: кроме упоминания планов встречи в китайских и тибетских текстах, в 1729 году состоялся визит отца Далай-ламы Соднам Даргье в Пекин. Эту аудиенцию часто рассматривают как допрос в связи с его участием в политических интригах. Однако в его биографии в ВУГТБКВМТ сказано, что он отправился к императору «вместо Далай-ламы», а результатом его визита стало не наказание, а получение титула и знаков отличия. Отметим также, что во главе миссии с сообщением о решении о возвращении Кэлсанг Гьяцо в Лхасу к Далай-ламе был отправлен брат императора принц Юньли, доложивший Юнчжэну по итогам поездки о том, что духовный лидер

сожалеет о том, что не смог лично повидаться с императором. В то же время, есть ряд фактов, свидетельствующих об обратном: официальной причиной отъезда Далай-ламы была названа опасность джунгарского вторжения и необходимость его защиты, а об интригах Соднам Даргье, опутавшего своего сына сетью родственных связей с тибетскими аристократами и монгольскими князьями, согласно докладам Юэ Чжунци, в Тибете было известно повсеместно. Так или иначе, на протяжении нескольких лет Далай-лама находился вдали от политики, и в это время в Тибете усилилась роль второго по влиятельности буддийского иерарха – Панчен-ламы.

Так план императора Юнчжэна, составленный еще до возникновения междоусобного конфликта в ходе продолжительного обсуждения с доверенными лицами, был в 1728 году воплощен в действие при помощи армии. До 1727 года политика Юнчжэна в отношении Тибета не была направлена на его включение в административную систему империи. Исходя из стремления к соблюдению баланса сил в регионе и сведению к минимуму затрат на политические и военные акции во «внешних землях», император рассматривал варианты передачи власти самим тибетцам, не допуская при этом возвращения власти над Тибетом лидерам хошутов. Однако в 1727 году император воспользовался событиями в Тибете, чтобы установить желательный для него режим правления, причем это удалось осуществить по просьбе самих тибетцев. Светская и духовная власть в Тибете вновь оказались разъединены, что устраивало империю, так как, с одной стороны, позволяло его стабилизировать, а с другой стороны, не допускало возможности концентрации власти в руках одного человека.

Отслеживая постоянно изменяющиеся обстоятельства внутри Тибета, император использовал каждую ситуацию для укрепления контроля и усиления цинского влияния в Тибете, не забывая про должное почитание традиций, поддержку буддизма и его лидеров как на территории Тибета, так и в самом Китае. Причем со временем не только правящие верхи стали использовать буддизм как средство управления подчиненными

территориями, но и буддийские деятели также смогли оказывать влияние на решения, принимаемые императорами, как это произошло в случае с назначением Далай-ламы светским правителем Тибета в 1751 году.

Политика императора Юнчжэна в отношении Тибета стала логическим продолжением линии императора Канси последних лет его правления, несмотря на то, что одним из первых указов Юнчжэна стал вывод войск из Лхасы – мера, на которую его отец не решался три года. Цинские власти смогли закрепить свое влияние в Тибете во многом благодаря тому, что возвели на престол Далай-ламу в 1720 году и продолжали впоследствии его контролировать. Император Канси в последние годы правления сказал, что "Тибет защищает Цинхай, Юньнань и Сычуань. Если джунгарские варвары его захватят, на границе не будет спокойного дня" [Вэй Юань, С.205-206]. И необходимость постоянно защищать Тибет и Далай-ламу от джунгаров красной нитью пролегла сквозь все правление Юнчжэна: при выводе или вводе цинских войск на территорию Тибета всегда просчитывались возможности нового джунгарского вторжения. И именно джунгарская угроза стала одним из решающих факторов при отправке Далай-ламы на территорию Китая, и, как следствие, разделения светской и духовной власти в Тибете. Если бы джунгары завоевали Тибет и Далай-лама стал бы им подконтролен, это могло бы привести к объединению монголов под эгидой религии, что, несомненно, значительно повлияло бы на расстановку сил в регионе. Поэтому вопрос управления Тибетом в период правления Юнчжэна всегда рассматривался в контексте его роли в отношениях с монгольским миром.

Включению Тибета в состав империи Цин способствовало отсутствие в нем сложившейся системы управления или авторитетного лидера, который смог бы взять на себя дела светского правления в 1720 году, так как после ввода армии в Лхасу и интронизации Далай-ламы в намерения цинского двора входили передача власти лояльно настроенным тибетцам и вывод войск из Тибета. Отказ молодого Кэлсанг Гьяцо выполнять функции

светского правителя по примеру Великого Пятого и отсутствие единства среди тибетских министров привели Юнчжэна к решению о создании института амбаней и осознанию необходимости цинского военного присутствия в Лхасе.

Тибет стал ключевым пунктом геополитики империи в восточноазиатском регионе, будучи, несмотря на отсутствие экономической привлекательности, природным щитом Цинхая, Юньнани и Сычуани, а также центром буддизма. В Тибете буддизм и политика переплелись, поэтому и Далай-лама стал важен не только как «живой бог», но и как политическая фигура. Его авторитет был так велик, что управление Тибетом без поддержки духовного лидера было практически немыслимым. Ее отсутствие у джунгаров, вторгшихся в Тибет в 1717 году, стало решающим фактором, лишившим их власти всего три года спустя. Поэтому Юнчжэн, стремясь полностью контролировать Кэлсанг Гьяцо и использовать его в качестве источника влияния на монголов, переместил его на время на территорию Китая. Хотя на протяжении долгого времени Далай-ламы имели колоссальный авторитет, их положение зависело от покровительства монголов и маньчжуров, в то время как влияние самих монголов и маньчжуров в регионе, в свою очередь, в определенной степени зависело от поддержки Далай-лам.

Важнейшими итогами тибетской политики императора Юнчжэна стали:

1. Интеграция Тибета в состав империи Цин и конец хошутским претензиям на титул «царя Тибета»;
2. Начало функционирования института амбаней;
3. Создание в лице Полханэ реальной власти, подкрепленной силами действующей тибетской армии, обеспечивающей обороноспособность Тибета;
4. Разделение светской и духовной власти и отстранение от участия в решении политических вопросах Далай-ламы, который, несмотря на юный возраст и отказ от участия в делах светского правления, оказался в центре политической жизни Тибета.

Эти итоги имели важнейшее значение для исторического развития Тибета. Именно они стали основой для медленного процесса геокультурной трансформации, который завершился вхождением Тибета в состав современного Китая в XX веке.

**Приложение 1. Глоссарий терминов и имен собственных на
китайском языке.**

амбань (駐藏) 大臣

Абү 阿寶

Акба 阿克巴

Алтан-хан 阿勒坦汗

Амдо 安木多

Амугулан-хан 阿穆瑚朗汗

Аюка-хан 阿玉奇汗

Балайбан (Дрепунг) 白賴邦

бан 邦

Баньди 班第

Бао Цзинчжун 包進忠

Бар-Кам 巴爾喀木

Батан 巴塘

Батур Джунаң 巴圖爾濟農

Батур Тайджи (Даши Батур) 達什巴圖爾

Будда 佛

бэйлэ 貝勒

бэйсэ 貝子

ван 王

Вэнъчэн 文成

Галдан Дандин 噶爾丹丹津

Галдан Даши 噶拉丹達什

Галдан Церин 噶爾丹策凌

Галдан Эрдени Джунанг (Чаган Дандин) 噶爾丹爾德尼濟農

Галдангон см. Хуэйюань

Ганьсу 甘肅

Ганьчжоу 甘州

Гао Цичжо 高其倬

Гарби 噶爾弼

Гартар (Тайнин) 噶達

Гасы (Манъяйчжэн) 噶斯

Гелег Чойдже 格勒克綽爾濟

Гелуг 格魯派

Государственная канцелярия 內閣

гоши 國師

гуань ли си цзан ши у 管理西藏事務

гун 公

Гуши-хан 顧實汗/ 固始汗

Гүэйчжоу 貴州

Гыюрмэ Намгъел 珠爾墨特納木扎勒

дабао фаван 大寶法王

Дай Цин 大清

Далай Хунтайджи 達賴渾台吉

Далай-лама 達賴喇嘛

Далайцзун (или Далунцзон, совр. Банбар) 達隆宗 / 打隆宗 / 冰壩

Дам 達木

Дамалин Цебтэн 達麻林色卜騰

Данай 達鼐

Дандзюнь 丹鐘

Дацзянлу 打箭爐 / 康定

Даши Батур (Батур Тайджи) 札什巴圖爾

- Джампа Джаб 藏巴札布
- Джанджа-хутухта 章嘉呼圖克圖
- Джаранэ 札爾鼐
- Джикба 吉克巴
- джунгары 准噶爾
- дзасак тайджи 扎薩克台吉
- Дзасак-далама 扎薩克達喇嘛
- диши дабао фаван 帝師大寶法王
- диши 帝師
- Долоннор 多倫淖爾
- Дорджэ Гьялпо (Нгапопа) 阿爾布巴
- доро-бэйлэ 多羅貝勒
- Дрепунг 哲蚌寺
- Дунъхуан 敦煌
- дэ 德
- дэн чжи жэнь си 登之衽席
- Дэрge 德格 / 霍爾壘爾格
- дэси (регент) 第巴
- Таши Намгъел 扎什納木扎勒
- И-цинь-ван 怡親王
- Кайлас 開拉斯
- калон 噶倫
- Кам 西康 / 喀木
- Канси 康熙
- Канченнэ (Соднам Гьялпо) 康濟鼐
- Конпо 工布

Кукунор 呼呼諾爾

Кумбуу 供養

Кунга Тэнцзин 恭格丹津

Ладак 拉達克

Ланьчжоу 蘭州

Лачаб 拉叉布 / 拉查布

Линцун 林蔥

Литан 理塘

Лифаньюань 理藩院

Лобсан Дандин 羅卜藏丹津

Лосанг Еше 囉桑益喜

Лосанг Кэлсанг Гьяцо 囉桑噶桑嘉措 / 羅卜藏噶勒藏嘉穆錯

Лосанг Пэлдэн Еше 囉桑巴丹益喜

Лосанг Чойгыи Гьялцэн 囉桑曲吉堅參

Лхавсан-хан 拉藏汗

Лхагъял Рабтэн (Тагцэпа) 拉杰饒丹

Лхаса 拉薩

Лхато 上納多

Лхацэ 拉孜

Лхоронцзон 羅隆宗 / 洛龍宗

Лэйуци 類烏齊

Люмпанэ (Таши Гьялпо) 隆布鼐

Лян 兩

Лянчжоу 涼州

Майлу 邁祿

Мала 馬臘

Манджуши 文殊菩薩

Манкан 麻康 / 芒康

Манъяйчжэнь (Гасы) 茫崖鎮

Маньду 滿都

Мерген Дайцин Лачаб 墨爾根戴青拉查布

Мин 明

Нагчу 那曲

Найгэ 鼎格

Накшу 納克樹

Намцо 那木錯

Нанкин 南京

Наньдэн 南登

Наньчжао 南詔

Наньюань 南苑

Насутай 那素泰

Нгаван Еше Гьяцо 阿旺伊什嘉穆錯

Нгаван Йонтэн 阿旺雲登 / 阿旺雲敦

Нгаван Лосанг Гьяцо 阿旺囉桑嘉措

Нгаван Лосанг Чойдэна 阿旺囉桑卻丹

Нгамрин 昂仁

Нгапопа (Дорджэ Гьялпо) 阿爾布巴

Нгари 阿里

Нгари Корсум 阿里三圍

«Не смотри на монаха, смотри на Будду» 不看僧面看佛面

Ньингма 寧瑪派

Нянь Гэнъяо 年羹堯

олёты 厄魯特

Орай 鄂賴

Ортай 鄂爾泰

Падма 巴特麻

Панчен-лама 班禪喇嘛 / 班臣喇嘛

Панчен-Эрдэни 班禪爾德尼

Пекин 北京

Полханэ (Соднам Тобгье) 頗羅鼐

Потала 布達拉

Пунцоглин 彭措林

Рабтэном Вэнбу 阿拉布坦溫布 / 阿爾布坦溫布

регент (дэси) 第巴

Ролби-Дорджэ 若貝多杰

Сангсанг 桑桑

Сангье Гьяцо 桑結嘉措

Сэра 色拉

Серту 色爾圖

Си Ся 西夏

Сиань 西安

Синин 西寧

Синцзян-Уйгурский автономный район 新疆維吾爾自治區

Синьцзян 新疆

Сихай 西海

Сичо Цэтэн 色朱特色騰

Сиэли 協理

Соднам Гьялпо (Канчэннэ) 康濟鼐

Соднам Гъяцо 索南嘉措

Соднам Даргье 索諾木達爾札 / 索南達結

Соднам Тобгье (Полханэ) 頗羅鼐

Сонгцэн Гампо 鬱贊干布

Соном Даши 索諾木達什

Срединное государство 中國

Сунпан 鬱潘

Сурья 蘇爾雜

Сычуань 四川 / 蜀

Сэдин (Сэцин) 色頂 / 色青

сэнгансы 僧綱司

Сэнгэ 僧格

Сюань чжэн юань 宣政院

сюньфу 巡撫

Сяньдэ 憲德

Тагцепа (Лхагъял Рабтэн) 達孜瓦

Тай-цзу 太祖

тайджи 台吉

Тайнин (Гартар) 泰寧

Тайцзун 太宗

Тан 唐

Таши Гъялпо (Люмпанэ) 隆布鼐

Тибет 西藏/唐古忒

Тидрон 吉隆

Туган-хутухта 土觀呼圖克圖

тулку 活佛

тусы 土司

туфани 吐蕃

туюйхунь 吐谷渾

У Саньгуй 吳三桂

Уй 前藏

фани 番

Фу юань да цзян цзюнь 撫遠大將軍

фугогун 輔國公

фудутун 副都統

Фудутун цзунши 副都統宗室

Фулинь 福臨

Фэн вэй цзян цзюнь 奮威將軍

Халха 喀爾喀

Хань 漢

Хоу Цзинь 後金

Хошуты 和碩特

Хуанчжун 湝中

Хубилган 呼畢勒罕

Хунтайцзи 皇太子

Хунъу 洪武

хутухта 呼圖克圖

Хуэйюань 惠遠

хэцинь 和親

Хэшоу 赫壽

Цаньян Гьяцо 倉央嘉措

Цеван Норбу 策旺諾爾布

Цеван Рабтэн 策妄阿喇布坦

Церин Вангъел 策凌旺扎爾

Церин Дондуб 車凌敦多布

Цзан 後藏

Цзиньчuanь 金川

Цзишань 紀山

Цзо 箍

Цзонка 宗嘎

Цзонхава 宗喀巴

Цзун чжи юань 總制院

цзуnли 總理

цзюань 卷

цзюнь-ван 郡王

Цзюнь сюй фан 軍需房

Цзянсянь 絳縣

Цин 清

Цинбао 青保

Цинхай барьши дачэн 青海辦事大臣

Цинхай 青海 / 青 / 甘

цинь-ван 親王

цяны 羌

Цяньлун 乾隆

Чаган Дандин (Галдан Эрдени Джунанг) 察罕丹津

Чаган Рабтэн 察罕饒丹

Чамдо 昌都 / 察木多

Чанбао 常保

Чаншоу 常壽

Чанъань 長安

Чахань-лама 察罕喇嘛

Чжаланга 查朗阿

Чжан Тинью 張廷玉

Чжоу Их 周瑛

Чжу Юаньчжан 朱元璋

чжэньгогун 鎮國公

Чжэнъхай 鎮海

Чойлаг Номчи 吹拉克諾木齊

Чундэ 崇德

Чэнду 成都

Чэндэ 承德

Чэнлэй 長壘

Чэн-цзы 成祖

Шалагэнла 沙拉梗拉

Шаньси 山西

Шачжоу 沙洲

Шигадзе 曰噶則

шилан 侍郎

Шобаньдо 碩板多 / 碩督鄉

Шуньчжи 順治

шэн жэнь 聖人

Шэнъчжун 沈中

Шэньси 陝西

Шэнь-цзун 神宗

Шэнъян 潘陽

Эрдэни 額爾得尼

Эрдэни Эрке Тогтонай 額爾德尼額爾克托克托奈

Эрентэй 額倫特

Эци 鄂齊

Юань 元

Юйшу 余樹 / 玉樹

Юнлэ 永樂

Юнчжэн 雍正

Юньли 允禮

Юньнань 雲南 / 滇

Юньсян 允祥

Юньти 允禕

Юэ Чжунци 岳鐘琪

Янбацзин 陽八景

Янь Синь 延信

Приложение 2. Глоссарий терминов и имен собственных на тибетском языке.

амбань am-ban

Абу A-bu'u

Алтан-хан Al-than-han

Амдо A-mdo

Аюка-хан A'-yu'-she / A-yu-kha tha'i-ji

Баньди Ban-de

Баром-Кагью 'Ba-rom bka'-brgyud

Батан Ba-thang

Батур Джунанг Ba'-thur cu-nang

Батур Тайджи Ba'-thur ta'i-ji

Бутан 'Brug-yul

Бхамта Хор Bham-ta-hor

бэйлэ pe'i-le

бэйсэ pe'i-se

ван dbang

Васулхор Wa-shul-hor

Галдан Данцзин dGa'-ldan bstan-'dzin

Галдан Даши dGa'-ldan bkra-shis

Галдан Церин dGa'-ldan tshe-ring

Галдан Эрдени Джунанг dGa'-ldan er-te-ni cu-nang

Галдангон (Хуэйюань) dGa'-ldan-dgon

Ганджурва bKa'-'gyur-ba

Гандэн dGa'-ldan

Гартар (Тайнин) mGar-thar

гелонг dge-slong

Гелуг dGe-lugs

Гонлун dGon-lung

гун gung

Гунтан Чжамбэй Янг Gung-thang 'jam-pa'i dbyang
 Гуши-хан Gu-shri-khan
 Гыюрмэ Намгьель 'Gyur-med rnam-rgyal
 Далай-лама Ta-la'i bla-ma
 Дам 'Dam
 Дандзюнь bsTan-skyong
 Дацзянлу Dar-rtse-mdö
 Даши Батур bKra-shis ba'-thur
 Дещин Шегпа De-bzhin gshegs-pa
 Джаллхакан rGyal-lha-khang
 Джанджа-хутухта lCang-skyä hu-thog-thu
 Джанчуб Гьялцен Byang-chub rGyal-mtshan
 Джараба Лодой-гьялпо (Джаранэ) sByar-ra-ba Blo-gros rgyal-po
 Джигмэ Еше Джагпа 'Jigs-med ye-shes grags-pa
 дзасак ja-sa
 Дондуб Дордже Don-grub rdo-rje
 Дорджедраг rDo-rje-brag
 Дорджэ Гьялпо (Нгапопа) rDo-rje rgyal-po
 Дрепунг 'Bras-spungs
 Дугкар Джейсан gDugs-dkar je'i-sang
 Дхармапала Chos-skyong
 Дхармаджя Chos-rgyal
 Дэрge sDe-dge
 дэси (регент) sde-srid
 йон-даг yon-bdag
 йон-чо yon-mchod
 Кайлас Ti-se
 калон bka'-blon
 Кам Khams
 Канченнэ (Соднам Гьялпо) Khang-chen-nas

Карма Karma

Карма Кагью Karma bka'-rgyud

Конпо 'Khon-po

Кукунор mTsho-sngon

Кумбум sKu-'bum

Кунга Гъялцен Kun-dga' rgyal-mtshan

Кэнтар Khen-thar

Ладак La-dwags

лама bla-ma

Литан Li-thang

Лобсан Дандин Blo-bzang bstan-'dzin

Лобсан-Чултэм Blo-bzang tshul-khriims

Лодой-Гъялцен Blo-gros rgyal-mtshan

Лосанг Еше Пэлсанпо Blo-bzang ye-shes dpal-bzang-po

Лосанг Кэлсанг Гъяцо Blo-bzang skal-bzang rgya-mtsho

Лосанг Тутоб Blo-bzang mthu-stobs

Лосанг Чойгыи Гъялцэн Blo-bzang chos-kyi rgyal-mtshan

Лхавсан-хан lHa-bzang

Лхагъял Рабтэн (Тагцэпа) Lha-rgyal rab-brtan

Лхаса lHa-sa

Лхацэ Lha- rtse

Лхорондзон bLho-rong-rdzong

Люмпанэ (Тashi Гъялпо) Lum-pa-nas

Майлу Ma'i-lu

Мала Ma-la

Манджушри 'Jam-dpal

Маньду Man-du'u

Миндролинг sMin-grol-gling

намтар rnam-thar

Нгаван Еше Гъяцо Ngag-dbang ye-shes rgya-mtsho

Нгаван Йонтэн Ngag-dbang Yon-tan
 Нгаван Лосанг Гьяцо Ngag-dbang blo-bzang rgya-mtsho
 Нгаван Лосанг Чойдэн Ngag-dbang blo-bzang chos-ldan
 Нгамрин Ngam-rings
 Нгапопа (Дорджэ Гьялпо) Nga-phod-pa
 Нгари mNga'-ris
 Нгари Корсум mNga'-ris sKor-gsum
 Непал Bal-yul
 Ньен-гун Nyen-gung
 Ньингма rNying-ma
 Ончойдин 'On-chos-sdings
 Орай 'O-la
 Пагба-лама 'Phags-pa bla-ma
 Пагмодупа Phag-mo gru-pa
 Падма Padma
 Падмасамбхава Gu-ru rin-po-che
 Панчен-лама Pan-chen bla-ma
 Панчен-Эрдэни Pan-chen 'er-te-ni
 Пекин Pe-cing
 Пехар Pe-har
 Полханэ (Соднам Тобгье) Pho-lha-nas bSod-nams sTobs-rgyas
 пончен dpon chen
 Потала Po-ta-la
 Пунцоглин Phun-tshogs-gling
 регент (дэси) sde-srid
 Ригдзина Тердраг Лингпа Rig-'dzin gTer-bdag gling-pa
 римэ ris-med
 Ринпоче Rin-po-che
 Ринпунг Rin-spungs
 Ролби-Дорджэ Rol-pa'i rdo-rje

Сакья Sa-skyā

Сакья-пандита Sa-skyā paṇḍita

Самье bSam-yas

Сангсанг bZang-bzang

Саньгье Sangs-rgyas

Саньгье Гъяцо Sang-rgyas rgya-mtsho

Сичо Цэтэн Sri-gcod Tshe-brtan

Соднам Гъялпо (Канчэннэ) bSod-nams rGyal-po

Соднам Гъяцо bSod-nams rgya-mtsho

Соднам Даргье bSod-nams Dar-rgyas

Соднам Тобгье (Полханэ) bSod-nams sTobs-rgyas

Соднам Чойпэл bSod-nams Chos-'phel

Сонгцэн Гампо Srong-btsan sgam-po

Соном Даши bSod-nams bkra-shis

Сумба Хамбо Еще Пэлджор Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor

Сэнгэ Seng-ge

Сэра Se-ra

Тагцепа (Лхагъял Рабтэн) sTag-rtse-pa

Тайнин см. Гартар

Таши Гъялпо (Люмпанэ) bKra-shis rgyal-po

Тибет Bod

Тидрон sKyid-grong

типён khri-dpon

Тисондэцэн Khri-srong lde-btsan

Тобчи Thob chi

Тринпел Гъяцо Trin-pel rgya-mtsho

Туган-хутухта Thu'u-bkwan hu-thog-thu

тулку sPrul-sku

Туюхунь A-zha

Уй dBus

Ула U-lag

Хуэйюань см. Галдангон

Цаньян Гьяцо Tshangs-dbyangs rgya-mtsho

Цеван Норбу Tshe-dbang nor-bu

Цеван Рабтэн Tshe-dbang rab-brtan

Церин Вангъел Tshe-ring dbang-rgyal

Церин Дондуб Tshe-ring don-grub

Цзан gTsang

Цзонка sTsong-kha

Цзонхава Tsong-kha-pa

цзюнь-ван jung-wang

цинь-ван tsing-wang

Цултим Санпо Tshul-khrims bzang-po

Цэл Tshal

цэнпо btsan-po

Чаган Дандин A mdo ba'

Чагпори lCags-po-ri

чакравартина 'khor-los bsgur-ba'i rgyal-po

Чамдо Chab-mdö

Чжецзун Ми Гьюр Пэлги Чжома rJe-btsun Mi-'gyur dpal-gyi sgron-ma

чо-йон mchod-yon

чо-нэ mchod -gnas

Чойпэл Chos-'phel

Чубсан-хутухта Chu-bzang hu-thog-thu

Чэнлэй 'Phrin-las

Шанг Zhang

Шигадзе gZhis-ka-rtse

Эрдэни Эрке Тогтонай Er-te-ni er-khe thog-tho-nas

**Список сокращений, принятых при цитировании и ссылках
на источники и литературу:**

HJAS – Harvard Journal of Asiatic Studies

JIABS – The Journal of the International Association of Buddhist Studies

JTS – Journal of the Tibet Society

PIATS – Ed. by *Michael Aris* and *Aung San Suu Kyi* Proceedings of the International Seminar on Tibetan Studies. Oxford, 1979

PIATS V – Ed. by *Ihara Shoren* and *Yamaguchi Zuiho*. Tibetan Studies: Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Narita 1989. Vol. 1: Buddhist Philosophy and Literature. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita: Naritasan Shinshoji, 1992. Monograph Series of Naritasan Institute for Buddhist Studies, Occasional Papers 1&2.

PIATS VII – Ed. by *Krasser H., Much M.T., Steinkellner E., Tauscher H.* Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Graz 1995. Vol. 1–2. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997 (Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens, Nr. 21)

PIATS X – Ed. by *Bryan J. Cuevas and Kurtis R. Schaeffer*. Tibetan Studies: Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Power, Politics and the Reinvention of Tradition. Tibet in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Leiden, Boston: Brill, 2006.

TP – T’oung Pao

ZAS – Zentralasiatische Studien

Список источников и литературы

Источники

- на тибетском языке:

1. Б7ДЛ – *Lcang sky-a-Qutuqtu Rol pa'i rdo rje*, Rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma. (Биография седьмого Далай-ламы Лосанг Кэлсанг Гьяцо) ксилографическое издание, рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ, шифр Т-229/2. 558 листов.
2. ЗКД – The Golden Annals of Lamaism being the Original Tibetan Text of the Hor-chos-hbyuñ of Blo-bzan rta-mgrin entitled 'Dzam gling byang phyogs chen po hor gyi rgyal khams kyi rtogs pa brjod pa'i bstan bcos chen po dpyod Idan mgu byed ngo mtshar gser gyi deb ther zhes bya ba bzhugs so / ed. by Lokesh Chandra. Śata-Piṭaka Series. Vol. 34. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1964. 160 p.
3. ЯЗСИДТИ – Bod kyi lo rgyus yig tshags dang gzhung yig phyogs bsdus dwangs shel me long. (Ясное зерцало собрания источников и документов Тибетской истории) Beijing : Mi rigs dpe skrun khang, 2000.
4. Hor khang, 1998 – *Hor khang bsod nams dpal 'bar*. Mi dbang rtogs brjod kyi snying don tshig bsdus gzhon nu mgu ba'i rol dbyangs (Радостная музыка новых сведений об основах «Биографии Правителя [Полханэ]»). Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1998. 208 p.
5. Karmay, 1988 – Secret Visions of the Fifth Dalai Lama. The Gold Manuscript in the Fournier Collection. Ed. by Samten Gyaltzen Karmay. London: Serindia Publications, 1988. 260 p.
6. Sum-pa mkhan-po, 1969 – *Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor, Ho Chin Yang* (tr.). The annals of Kokonor. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 106. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. 125 p.

- на китайском языке:

7. ВПГКШЦ – Цинь дин сы ку цюань шу, Ши бу: Ши цзун сянь хуан ди шан юй нэй гэ (Высочайше утвержденное Полное собрание книг четырех хранилищ, Исторический раздел: Высочайшие повеления Государственной канцелярии Ши-цзуна Сянь-хуан-ди). В 159 томах. Тайбэй: Тайваньское коммерческое изд-во, 1983. Репринт. Т.56. 50 листов.
8. ВУГТБКВМТ – Цинь дин вай фань мэн гу хуэй бу ван гун бяо чжуань (Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана). Ксиологическое издание, рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ, шифр Xyl F-11.
9. Вэй Юань – *Вэй Юань*, Шэн у цзи (Записки о священных войнах). Т.1-2. Пекин: Китайское изд-во, 1984. 567 С.
10. ДНГЯ – Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Keng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Taipei: Tai bei shi: Guo li gu gong bo wu yuan, 1971. 399 р.
11. Мин Шилу – Мин ши лу цзан цзу ши ляо (Материалы из минских «правдивых записей» по истории тибетского народа). Т. 1-2. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. 1324 с.
12. ПТДРЮ – Юн чжэн чао мань вэнъ чжу пи цзоу чжэ цюань и (Перевод тайных донесений с маньчжурского языка с резолюциями императора Юнчжэна). Т.1-2. Хэфэй: Изд-во «Хуаншань», 1998. 2661 с.
13. СДНГЯМКЯ – Нянъ гэн яо мань хань цзоу чжэ и бянь (Собрание донесений Нянъ Гэнъяо на маньчжурском и китайском языках. Перевод на китайский язык). Тяньцзинь: Тяньцзиньское изд-во древней литературы, 1995. 368 с.
14. СОУЦ – Цинь дин сы ку цюань шу, Ши бу: Вэй цзан тун чжи (Высочайше утвержденное Полное собрание книг четырех хранилищ, Исторический раздел: Сводное описание Уя и Цзана). Шанхай: Шанхайское изд-во древней литературы, 1995. 285 с.

15. СПМТАД – Си цзан шэ хуэй ли ши цзан вэн дан ань цзи ляо и вэнъ цзи (Собрание переводов материалов тибетских архивных документов по истории тибетского общества). Пекин: изд-во «Китайская тибетология», 1997. 257 с.
16. СТДКЯРЮ – Юн чжэн чао хань вэнъ чжу пи цзоу чжэ хуэй бянь (Собрание тайных донесений на китайской языке с резолюциями императора Юнчжэна). Т.1-40. Нанкин: Изд-во древней литературы Цзянсу, 1989-1991.
17. Сяо Ши – *Сяо Ши*. Юн сян лу (Хроники вечного правления). Пекин: Китайское изд-во, 1997. 424 с.
18. ТОТ – Си цзан чжи (Трактат о Тибете). Тайбэй: Тайбэйское изд-во письменных памятников, 1968. 221 р.
19. Ци Юньши – *Ци Юньши* (сост.), Хуан чао фань бу яо люэ (Краткий очерк истории вассальных племен Августейшей династии). Т.1-18. Изд-во Чжэцзяна, 1884. Т.17. 27 листов.
20. Цин Шилу – Цин ши лу цзан цзу ши ляо (Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа). Т. 1–9. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. 4789 с.
21. Шэн-цзу Шилу - Цин Шилу. Шэн цзу жэнь хуан ди ши лу (Цинские правдивые записи. Правдивые записи императора Шэн-цзу). Пекин: Китайское изд-во, 1985. Т.6. 905 с.
22. Юньли – *Юньли*, Си цзан жи цзи (Тибетский дневник). Пекин: Бэйпинский институт «Юйгун», 1937. 47 с.

- на французском языке:

23. Halde, 1735 – *Du Halde*, Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. Paris: P.G. Lemercier, 1735. 680 p.

- источники в переводах

на китайском языке:

24. БДХРД – *Туган Лобсан Чойджи Нима*, Чжан цзя го ши луо би дуо цзи чжуань (Биография Джанджа-хутухты Ролби-Дорджэ). Пер. Чэн Цинъин, Ма Лянлун. Пекин: изд-во «Китайская тибетология», 2007. 323 с.
25. Ролби-Дордже, 2006 – *Джанджа-хутухта Ролби-Дорджэ*, Ци ши да дай ла ма чжуань (Биография Седьмого Далай-ламы). Пер. Пу Вэньчэн. Пекин: изд-во «Китайская тибетология», 2006. 409 с.
26. A collection of historical archives of Tibet. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1995. 107 р.

на русском языке:

27. Барадийн, 1925 – *Барадийн Б.Б.* Беседы буддийских монахов // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Академии наук Союза Советских Социалистических республик. Том V: Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Т. 5, вып. 2. С. 631–656.
28. Бичурин, 1828а – *Бичурин Н.Я.*, Описание Тибета в нынешнем его состоянии. Пер. с китайского. СПб: Типография Императорского воспитательного дома, 1828. 227 с.
29. Бичурин, 1828а – *Бичурин Н.Я.*, Записки о Монголии
30. Липовцов, 1828 – Уложение Китайской палаты внешних сношений. Пер. с маньчжурского *С. Липовцов*. СПб: Типография Департамента народного просвещения, 1828. Т.1 326 с., Т.2 319 с.
31. Пубаев, 1991 – Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета. Пер. с тибетского языка, предисловие, комментарий *Р.Е. Пубаева*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 264 с.

32. Савицкий, 1983 – Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Издание текста, пер. с тибетского, исследование и комментарии Л.С. Савицкого. М.: Наука, 1983. 200 с.

на западных языках:

33. Desideri, 2005 – *Desideri Ippolito. An Account of Tibet: The Travels of Ippolito Desideri, 1712–1727*. Ed. by Filippo De Filippi. Rupa, 2005. 545 p.
34. Penna, 1876 – *Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet, and the Journey of Thomas Manning to Lhasa*. Ed. by Clements R. Markham. London, 1876. 354 p.

Литература

- на русском языке:

35. Барфилд, 2009 – *Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.)*: пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова / науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб, 2009. 248 с. [The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. 221 BC to AD 1757. by Thomas J. Barfield. Blackwell Publishers, Cambridge, MA & Oxford, UK, 1992].
36. Беспрозванных, 2001 – *Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв.* Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 356 с.
37. Бира, 1978 – *Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.)*. М.: Наука, 1978. 319 с.
38. Горяев, 2009 – Горяев М.С., Парадигмы калмыцкой государственности (XVII-XXI вв.) // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в

- состав Российской государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В двух частях. Часть 1. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. С.139–141.
39. Доронин, 2002 – *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. СПб.: Изд-во СПб университета, 2002. 288 с.
40. Елихина, 2010 – *Елихина Ю.И.* Культ основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2010. 292 с.
41. Ермаченко, 1974 – *Ермаченко И.С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.
42. Зотов, 1994 – *Зотов О.В.* Китай как «универсальная монархия» и псевдоподданичество варваров // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1994 №2. С.16-25.
43. Иванова, 2011 – *Иванова В. А.* Религиозный и политический аспекты развития школы Ньингма в Тибете в XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 251 с.
44. Китай и соседи, 1970 – Китай и соседи в древности и средневековье. Под ред. С.Л. Тихвинского и Л.С. Переломова. М.: Наука, 1970. 273 с.
45. Китинов, 2004 – *Китинов Б.У.* Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (ХIII - XVII вв.). Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Товарищество научных изданий. 2004. 190 с.
46. Кычанов, 1997 – *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 319 с.
47. Кычанов, 2004 – *Кычанов Е.И.* Война Тибета с Танским Китаем // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, XX. СПб, 2004. С.111–127.
48. Кычанов, Мельниченко, 2005 – *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

49. Кычанов, Савицкий, 1975 – *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.* Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.: Наука, 1975. 304 с.
50. Кюнер, 1961 – *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока // М.: Вост. лит., 1961. 391 с.
51. Малявкин, 1989 – *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 432 с.
52. Малявкин, 1992 – *Малявкин А.Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. 284 с.
53. Мартынов, 1970 – *Мартынов А.С.* О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1970. С.234–250.
54. Мартынов, 1978 – *Мартынов А.С.*, Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
55. Намсараева, 2003 – *Намсараева С.Б.* Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. 249 с.
56. Попова, 1999 – *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1999. 279 с.
57. Рерих, 1999 – Рерих Ю.Н., Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Издательский дом «Агни», 1999. 368 с.
58. Успенский, 2011 – *Успенский В.Л.* Тибетский Буддизм в Пекине. СПб: Студия НП-Принт, 2011. 368 с.
59. Шакабпа, 2003 – *Шакабпа В.Д.* Тибет: Политическая история. Пер. с английского: А. Дюранов. СПб: «Нартанг», 2003. 432 с. [*Tsepón W. D. Shakabpa* Tibet: A Political History. New York: Potala Publishers, 1984 (original pub. 1967, Yale University Press). 369 p.]

- на восточных языках

на тибетском языке:

60. ТПИШИИТ – Zhwa sgab pa'i “Bod kyi srid don rgyal rabs” dang bod kyi lo rgyus dngos («Тибет: политическая история» Шакабпы и Истинная История Тибета). Лхаса: изд-во национальностей, 1996. 282 р.

на китайском языке:

61. Ван Чэн, 2006 – *Van Чэн, Ши лунь Юн чжэн чао дуй си юй дэ цзин ин* (On the Rule of the Yongzheng Imperial Court over the Western Region) // Journal of Xinjiang University (Philosophy. Humanities& Social Sciences), Vol.34, 2006 (2). C.55–60.
62. Го Цин, 1989 – *Го Цин*, Гуань юй чжу цзан да чэнь шэ ли дэ цзи гэ вэнь ти (Несколько вопросов, касающихся образования института амбаней) // Общественные науки Цинхая, 1989 (3). C.97–101.
63. Го Цин, 1998 – *Го Цин*, Лунь цин дай чжу цзан да чэнь дэ ли ши цзо юн (К вопросу о роли в истории института амбаней при династии Цин) // Исследования Тибета, 1998 (2). C.55–61.
64. Го Шэнли, 2010 – *Го Шэнли*, Ю гуань кан юн а эр бу ба и цзеши ляо као чжэн (Исследование исторических материалов о Нгабопе времен правления Канси и Юнчжэна) // Исследования по истории династии Цин, 2010 (4). C.95–102.
65. Го Шэнли, 2012 – *Го Шэнли*, Мин чао ту лу фань ган сы као (The study of Turpan Senggangsi in the Ming Dynsty) // Journal of Qinghai Nationalities Institute (Social Sciences), Vol.38, 2012 (1). C.85-90.
66. Ди Фубао, 2006 – *Ди Фубао*, Ли ян сюэ гун и чжи фа сянь «пин дин цин хай гао чэн тай сюэ бо» («Стела на покорение Цинхая», обнаруженная на руинах училища в Лияне) // Культура Юго-востока, Т.193, 2006 (5). C.76-78.

67. Дин Шицунь, 1948 - *Дин Шицунь*. Цин дай чжу цзан да чэнъ као (Исследование института амбаней при династии Цин). Тайбэй: изд-во монгольско-тибетского комитета, 1948. 162 с.
68. Дэн Жуйлин, 1989 - *Дэн Жуйлин*, Юань мин лян дай чжун ян юй си цзан ди фан дэ гуань си (Relationship Between Central and Tibetan Local Governments in the Yuan and Ming Dynasties). Beijing: China Tibetology Publishing House, 1989. 93 p.
69. Дэн Жуйлин, 2002 – *Дэн Жуйлин*, Нянъ гэн яо цзай юн чжэн чао чу ци чжи цзан чжэн цэ юнь юй го чэн чжун дэ цзую юн (Nian Gengyao in Managing the Policy for Tibet in Early Period of Yongzheng) // China Tibetology, 2002 (2). С.78-89.
70. Дэн Жуйлин, 2003 – *Дэн Жуйлин*, Гуан юй юн чжэн у нянъ си цзан а эр бу ба ши цзянь дэ цзи гэ вэнъ ти (Deng Ruiling: Several Questions on the Ngabopa Affairs in the Fifth Year of Yongzheng Reign Period // China Tibetology, 2003 (4). С.42-45.
71. ИОКПСТ – Юань и лай си цзан ди фан юй чжун ян чжэн фу гуань си янъ цзю (Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань). *Дордже Цетен, Дэн Жуйлин, Чэн Цинъин, Чжан Юн, Чжсу Циюань*. Пекин, 2005. 1331 с.
72. Лю Шэнци, 2004 – *Лю Шэнци*, 1727-1728 нянъ вэй цзан чжань чжэн цянь хоу цин чжун ян дэ чжи цзан фан цэ (The Qing government's Policy for Tibet around the Tibetan Civil War from 1727 to 1728) // Ethno-national studies, 2004 (1). С.92–101.
73. Су Фасян, 2009 – *Су Фасян*, Юнь ли юй цзан чжсан фо цзяо (Yun Li and Tibetan Buddhism) // China tibetology, 2009 (1), С.195-201.
74. Тянь Лувэнь, 1997 – *Тянь Лувэнь*, Люэ лунь юн чжэн ди юй нянъ гэн яо гуань си дэ янъ бянь (К вопросу о развитии отношений между императором Юнчжэном и Нянъ Гэнъяо) // Исторический архив, 1997 (4), С.98-102.

75. У Фэнпэй, 1985 – *У Фэнпэй*, Чуань цзан ю цзун хуэй бянь (Собрание описаний путешествий по Сычуани и Тибету). Чэнду: Сычуаньское изд-во национальностей, 1985. 601 с.
76. У Фэнпэй, Цэн Гоцин, 1988 – *У Фэнпэй, Цэн Гоцин*, Си цзан чжу цзан да чэнь чжуань люэ (Собрание биографий цинских амбаней в Тибете). Лхаса: Тибетское народное изд-во, 322 с.
77. Фэн Чжи, 1989 – *Фэн Чжи*, Ци ши да лай ла ма га сан цзя цо дэ чжэн цзяо е цзи (Достижения Далай-ламы VII Кэлсанг Гьяцо в области политики и религии) // Китайская тибетология, 1989 (3). С.62-76.
78. Фэн Чжи, 2004 – *Фэн Чжи*, Цин «Кан цян шэн ши» цэ фэн да лай юй чжи цзан дэ цзе дуань син тэ дянь пин шу (Commentary on the Characteristics of the Kang and Qian Emperors to Confer the Title Upon the Dalai Lamas and Govern Tibet) // Tibetan studies, 2004 (4), P. 13-21.
79. Фэн Чжи, 2005 – *Фэн Чжи*, Люэ лунь у ши баш чань цзай кан юн чжи цзан чжун дэ ли ши цзо юн (Notes on the historical role of the 5th Panchen Lama in the reign of Emperors Kangxi and Yongzheng of the Qing Dynasty) // China Tibetology, 2005 (1), P.40-47.
80. Фэн Чжи, 2011 – Юн чжэн чжи цзан фан люэ юй ци ти инь, инь сян хэ ци ши (Yongzheng's Administrative Strategies toward Tibet and its Origin, Effect and Inspiration) // Journal of nationalities Institute (Philosophy and Social Sciences) Vol.32, 2011 (3), С.1-7.
81. Цзян Пин, 1998 – *Цзян Пин*, Баш чань э эр дэ ни пин чжуань (Комментированные биографии Панчен-эрдэни). Пекин: изд-во «Китайская тибетология», 1998. 193 с.
82. Чжан Хушэн, 1994 – *Чжан Хушэн*, Юй чжи хуэй юань мяо бэй хань венъ бэй вэнъ сяо чжу – цзянь шо ци ши да лай ла ма и цзю хуэй юань сы (Высочайше сочиненная надпись на китайском языке на стеле из монастыря Хуэйюань и перемещение Далай-ламыVII в монастырь Хуэйюань) // Китайская тибетология, 1994 (3). С.91-100.

83. Чжао Яньпин, 2009 – *Чжао Яньпин*, Го цинь ван юнь ли цзи «Си цзан жи цзи» бин ши («Тибетский дневник» и поэзия принца Юньли) // Журнал Педагогического института Лэшаня, 2009 (6). С.20-24.
84. Чжоу Жунбин, 2005 – *Чжоу Жунбин*, Юн чжэн чао чжи цзан чжэн цэ тань си (The Research and Analysis of the Policies of the Emperor Yongzheng towards Tibet) // Journal of Tibet University, 2005 (3). P.39-44.
85. Чжоу Сифэн, 2003 – *Чжоу Сифэн*, Юн чжэн чу нянь дэ ло бу цзан дань цзинь пань луань (The Luo Bo Zang Dan Jin Rebellion in Early Yong Zheng Years). // History teaching, 2003(8). P.74-76.
86. Чжоу Цян, 2011 – *Чжоу Цян*, Цун «чжу цзан да чэнь» чжи ду кань цин чао дуй си цзан дэ тун чжи чжэн цэ (Discussion on Ruling Policy of Qing Dynasty on Tibet from system of Amban) // Journal of Chongqing Technology and Business University (Social sciences edition), 2011 (1). P.138-141.
87. Чэнь Байпин, 2004 - *Чэнь Байпин*, Цун чжу цзан да чэнь дэ шэ чжи кань цин чао цянь хоу ци дуй си цзан дэ ши чжэн (The Management of Tibetan Government Affairs in the Early Period of Qing Dynasty Viewed from the Setup of the Resident Ministers in Tibet) // Journal of Qinghai nationalities institute (Social Sciences), Vol.30, 2004 (2). P.17-23.
88. Ши Чжимин, 2007 – *Ши Чжимин*, Сюэ юй фо го дэ цзань гэ – цин дай цзан ю шань шуэй ши цзун лунь (A Review of Poems of Tibetan Landscape in the Qing Dynasty) // Journal of North-west Normal University (Social Sciences) Vol.44, 2007 (5). P.90-94.

На западных языках:

89. Ahmad, 1970 – *Ahmad Zahiruddin*, Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century. Serie orientale Roma, 40. Roma: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970. 345 p.
90. Bartlett, 1991 – *Bartlett Beatrice S.* Monarchs and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723-1820. Berkeley: University of California Press, 1991. 417 p.

91. Beckwith, 1993 – *Beckwith Christopher I.* The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton University Press, 1993. 304 p.
92. Chan, 1982 – *Chan Albert*, The Glory and Fall of the Ming Dynasty. University of Oklahoma Press, 1982. 428 p.
93. CHAT – A 60-point Commentary on the Chinese Government Publication: A Collection of Historical Archives of Tibet. Dharamsala: DIIR Publ., 2008. 185 p.
94. Chen Nan, 2008 – *Chen Nan*. Influence Of Tibetan Buddhism On The Hinterland In The Ming Dynasty // China Tibetology 2008 (2), P.1-18.
95. Douglas, White, 1976 – Karmapa: The Black Hat Lama of Tibet. Compiled by *Nik Douglas, Meryl White*. London: Luzac & Company Ltd., 1976. 248 p.
96. Dudjom Rinpoche, Jikdrel Yeshe Dorje, 1991 – *Dudjom Rinpoche, Jikdrel Yeshe Dorje*. The Nyingma School of Tibetan Buddhism. Its Fundamentals and History. Transl. and ed. by Gyurme Dorje and Matthew Kapstein. Boston: Wisdom Publications, 1991. Vol.I. 973 p.
97. Elverskog, 2006 – *Elverskog Johan*. Our Great Qing: the Mongols, Buddhism and the state in late imperial China. Honolulu, Hawaii: University of Hawai'i Press, 2006. 242 p.
98. Farquhar, 1978 – *Farquhar D.M.* Emperor as Bodhisattva in the Governance of the Ch'ing Empire // HJAS, 1978. Vol.38, No.1, P.5–34.
99. Grupper, 1984 – *Grupper Samuel M.* Manchu patronage and Tibetan Buddhism during the first half of the Ch'ing Dynasty // JTS, №4, 1984. P.47-74.
100. Hevia, 1993 – *Hevia James*. Lamas, Emperors, and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies // JIABS, 1993. Vol. 16 № 2. P.243-278.

- 101.Hoffman, 2003 – *Hoffman Helmut*. Early and Medieval Tibet // The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Vol.1. P.45–68.
- 102.Holmgren, 1990–1991 – *Holmgren J.* A Question of Strength: Military Capability and Princess-Bestowal in Imperial China's Foreign Relations (Han to Ch'ing) // *Monumenta Serica*, Vol.39, 1990-1991. P.31-85.
- 103.Hummel, 1962 – *Hummel S.* Pe-Har // East and West. Vol. 13, 1962 (4). P.313–316.
- 104.Ishihama, 1992 – *Ishihama Yumiko*. A study of seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // PIATS V, P.501–514.
- 105.Ishihama, 1993 – *Ishihama Yumiko*. On the Dissemination of the Belief in the Dalai Lama as a Manifestation of the Bodhisattva Avalokiteśvara // *Acta Asiatica*. Bulletin of the institute of eastern culture. №64. Tokyo 1993. P.38–56.
- 106.Ishihama, 1997 – *Ishihama Yumiko*. New Light on the “Chinese Conquest of Tibet” in 1720 (based on the new Manchu sources) // PIATS VII, P.419–426.
- 107.Ishihama, 2003 – *Ishihama Yumiko*. The Conceptual Framework of the dGa'-ldan's War Based on the Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon i bithe – “Buddhist Government” in the Tibet-Mongol and Manchu Relationship // *Tibet and Her Neighbours: A History*. Ed. by A. McKay. London, 2003. P.157–165.
- 108.Jackson, 1986 – *Jackson David P.* Sa-skya Pandita's Letter to the Tibetans: A Late and Dubious Addition to His Collected Works // *JTS* №6, 1986. P.17–23.
- 109.Kämpfe, 1974 – *Kämpfe H.-R.* Die soziale Rolle des 2. Pekinger Lcang-skya-Qutuqtu Rol pa'i rdo rje (1717–1786): Beiträge zu einer Analyse anhand tibetischer und mongolischer Biographien. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1974. 394 p.

110. Kato Naoto, 1993 – *Kato Naoto*. Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion // *Acta Asiatica*. №64. Tokyo, 1993. P.57–80.
111. Kolmaš, 1992 – *Kolmaš J. A.* Chronology of the Ambans of Tibet. Part I: The Ambans and Assistant Ambans in the Yongzheng and the Qianlong Period (1727—1795) // PIATS V, P.541–558.
112. Martin, 2003 – *Martin D.* Bonpo Canons and Jesuit Cannons // The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Vol.2. P.633–647.
113. Nebesky-Wojkowitz, 1996 – *Nebesky-Wojkowitz R. de.* Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Kathmandu: Book Faith India, 1996. 666 p.
114. Petech, 1972 – *Petech Luciano*. China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. 2nd, revised ed. Leiden: Brill, 1972. 309 p.
115. Petech, 1979 – *Petech Luciano*. The Mongol census in Tibet // PIATS, P.233-238.
116. Petech, 2003 – *Petech Luciano*. The establishment of the Yüan-Sa-Skya partnership // The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Vol.2. P.338–361.
117. Richardson, 1952 – *Richardson Hugh Edward*. Ancient historical edicts at Lhasa and the Mu Tsung / Khri Gtsung Lde Brtsan treaty of A.D. 821-822 from the inscription at Lhasa. London: Royal Asiatic Society Prize Publication Fund Vol.19, 1952. 86 p.
118. Richardson, 1970 – *Richardson H.* Ming-si-lie and the Fish-bag // Bulletin of Tibetology: Vol.7, №1, 1970. P.5–6.
119. Richardson, 1980 – *Richardson H.* The Fifth Dalai Lama's Decree Appointing Sangs-rgyas rgya-mtsho as Regent // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol.43, 1980 (2), P.329–344.

120. Richardson, 2003 – *Richardson H.* The origin of the Tibetan Kingdom// The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Vol.1. P.156–164.
121. Rockhill, 1910 – *Rockhill W.W.* The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations With the Manchu Emperors of China. 1644—1908 // TP, 1910. Vol.11, P.1–104.
122. Rossabi, 1975 – Rossabi Morris. China and Inner Asia: From 1368 to the present day. New York: Pica Press, 320 p.
123. Ruegg, 2003 – *Ruegg D. Seyfort. Mchod yon, yon mchod and mchod gnas / yon gnas:* on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept // The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Vol.2. P.362–372.
124. Samuel, 1993 – *Samuel Geoffrey.* Civilized Shamans: Buddhism in Tibetan Societies. Washington: Smithsonian Inst. Press, 1993. 725 p.
125. Shakabpa, 1984 – *Tsepon W. D. Shakabpa.* Tibet: A Political History. New York: Potala Publishers, 1984. 369 p.
126. Snellgrove, Richardson, 2003 – *Snellgrove David L., Richardson H.* A Cultural History of Tibet. Bangkok, 2003. 309 p.
127. Sperling, 1979 – *Sperling Elliot H.* The 5th Karma-pa and some aspects of the relationship between Tibet and the early Ming // PIATS, C.280-289.
128. Sperling, 1982 – *Sperling Elliot H.* The 1413 Ming Embassy to Tsong-Kha-pa and the Arrival of Byams-chen Chos-rje Shakya Ye-shes at the Ming court // JTS, 1982. Vol.2. P.105-108.
129. Sperling, 1983 – *Sperling Elliot H.* Early Ming Policy toward Tibet: An examination of the Proposition that the Early Ming Emperors Adopted a “Divide and Rule” Policy toward Tibet. Indiana University, 1983. 289 p.
130. Stein, 1951 – *Stein R. A.* Mi-ñag et Si-hia. Geographie historique et legendes ancestrales // Bulletin de l’Ecole française d’Extrême-Orient. T.44, 1951. P.223–265.

131. Têng, Fairbank, 1940 – *Fairbank John King, Têng Ssü-yü*, On the Types and Uses of Ch'ing Documents // HJAS Vol.5, №1, 1940. P.1–71.
132. Tucci, 1949 – *Tucci Giuseppe*. Tibetan Painted Scrolls. Roma: Libreria dello Stato, 1949. Vol. 1. 327 p.
133. Tuttle, 2006 – *Tuttle Gray*, A Tibetan Buddhist Mission to the East: The Fifth Dalai Lama's Journey to Beijing, 1652-1653. // Tibetan Society and Religion: The Seventeenth and Eighteenth Centuries. Leiden: Brill, 2006. P.65–87.
134. Uspensky, 1997 – *Uspensky V.L.* Prince Yunli (1697-1738): Manchu statesman and Tibetan Buddhist. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1997. 140 p.
135. Veit, 1990 – *Veit V.* Die vier Qane von Qalqa: : ein Beitrag zur Kenntnis der politischen Bedeutung der nordmongolischen Aristokratie in den Regierungsperioden K'ang-hsi bis Ch'ien-lung (1661–1796) anhand des biographischen Handbuches Iledkel šastir aus dem Jahre 1795; (Iledkel šastir, Hefte 45–76). Teil I. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. 212 S.
136. Wang, 2000 – *Wang Xiangyun*. The Qing Court's Tibet Connection: Lcang skyā Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor // HJAS, 2000. Vol. 60, №1. P.125-163.
137. Wang, Suo, 1984 – *Wang Furen, Suo Wenqing*. Highlights of Tibetan History. Beijing: New World Pr., 1984. 206 p.
138. Weiers, 1988 – *Weiers M.* Zum Verhältnis des Ch'ing-Staats zur lamaistischen Kirche in der frühen Yung-cheng Zeit // ZAS, 1988 [1989], Bd. 21, S. 115–131.
139. Wu Shu-hui, 1995 – *Shu-hui Wu*. Die Eroberung von Qinghai unter Berücksichtigung von Tibet und Khams 1717–1727. Anhand der Throneingaben des Grossfeldherrn Nian Gengyao. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 S.
140. Wylie, 1979 – *Wylie Turrel V.* Lama tribute in the Ming dynasty // PIATS, C.335-340.

141. Wylie, 2003 – *Wylie Turrel V.* The first Mongol conquest of Tibet reinterpreted // The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Vol.2. P.317-339.
142. Ya Hanzhang, 1993 – *Ya Hanzhang*, The Biographies of the Dalai Lamas. Beijing: Foreign Languages Press, 1993. 442 p.
143. Yu Hui-chun, 2007 – *Yu Hui-chun*. The Intersection of Past and Present. The Qianlong Emperor and his Ancient Bronzes. A Dissertation Presented to the Faculty of Princeton University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Princeton, 2007. 276 p.
144. Yu Ying-shin, 1967 – *Yu Ying-shin*. Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley: University of California Press, 1967. 251 p.
145. Zheng Shan, 2001 – *Zheng Shan*, A History of the Development of Tibet. Beijing: Foreign Languages Press, 2001. 508 p.

Словари и справочники

146. Брокгауз, Ефрон, 1913 – *Брокгауз А.Ф., Ефрон И.А.*, Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. Т.14. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1913. 480 с.
147. Ошанин, 1983 – *Ошанин И.М.*, Большой китайско-русский словарь. Т. 1–4. М.: Наука, 1983. 7947 с.
148. УТЦВЦ – *Jitsuzo Tamura, Shunju Imanishi, Hisashi Sato*, У ти цин вэнь цзянь. WU-T'I CH'ING-WÊN-CHIEN, translated and explained. Kyoto: Institute for Inland Asian Studies, Faculty of Letters, Kyoto University, 1966. 1060 p.
149. Чжун го ли ши да цзы дянь (Большой Словарь Китайской Истории. Период Цин). Т.1–2. Шанхай: Шанхайское изд-во древней литературы, 1992.

150. Bod rgya tshig mdzod chen mo. Цзан хань да цыдянь (Большой тибетско-китайский словарь). Т.1–3. Пекин: Изд-во национальностей, 1984–1986. 3313 с.
151. DTPPN – Чан цзянь цзан юй жэнь мин ди мин цы дянь. Dictionary of Common Tibetan Personal and Place Names. rGya dByin Bod gSum Shan sByar gyi Bod sKad kyi Mi Ming dang Sa Ming gTer mDzod. Beijing: Foreign Languages Press, 2004. 618 с.
152. Hucker, 1985 – *Hucker Charles O.*, A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Taipei: Southern Materials Center, Inc., 1985. 676 p.
153. Hummel, 1943–1944 – Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912) / Ed. by *Arthur W. Hummel*. Washington: United States Government Printing Office. Vol.1, 1943; Vol.2, 1944. 1103 p.
154. Mayers – *Mayers William Frederick*, The Chinese government. A Manual of Chinese Titles, categorically arranged and explained, with an Appendix. Shanghai: American Presbyterian Mission Press 1897. 196 p.
155. The Rangjung Yeshe Tibetan-English Dictionary of Buddhist Culture, Version 3 on CD ROM, 2003.
156. Tsepak Rigzin, 1986 – *Rigzin Tsepak*, Tibetan-English dictionary of Buddhist Terminology. Dharmasala: Library of Tibetan Work and Archives, 1986. 479 p.
157. Xiang Hong-jia, 1997 – *Xiang Hong-jia*, Tibetological terminology. Chinese-English – English-Chinese. Beijing: Foreign Languages Press, 1997. 273 с.